

(((СОНАР)))

№ 10, 2023 г.

Редакция СОНАР, Хайфа, Израиль

В редколлегии (((СОНАР))) все редакторы главные.

Марина Симкина

Эйтан Адам

Борис Годин

Анатолий Анимица

Рукописи не возвращаются и не рецензируются. Мнение авторов не обязательно совпадает с мнением редколлегии.

Эл. адрес редакции: rougelangue@gmail.com .

Номера журнала: https://bit.ly/SONAR_JOURNAL (*case sensitive*).

Оглавление

Михаил Левин. Моисер.....	3
Жан-Клод Паскаль. Красивая маска.....	9
Часть вторая. Иллюзии тоже умирают.....	9
Ирина Лир. Тетраэдр.....	42
Грань вторая. Музей (<i>продолжение</i>).....	42
Мария Фердман. Записки из тумбочки.....	68
Диана Беребицкая. Педагогические этюды.....	82
Арина Браги. Маленький пожарный трак.....	93
Марина Симкина. Несколько детских рассказов.....	97
Екатерина Смеркис. «Рива спешит в метро...».....	104
Эйтан Адам. Неброское наследство.....	106
Вениамин Арцис.....	124
Авраам бен Дауд – великий предшественник великого Рамбама.....	124
Некоторые экономические проблемы в библейской литературе и их анализ классиком иудаизма Рамбамом.....	138
Анатолий Анимича. Как мы решали задачу по физике с Chat GPT.....	158
Об авторах, художниках и редакторах.....	161
Галерея (((СОНАР))).....	166
Алика Розенбаум.....	166
Ася Терехова.....	173

В оформлении обложки использованы картины:

На 1-й странице: Ася Терехова, «Пиратский корабль».

На 3-й странице: Алика Розенбаум, «Автопортрет».

На 4-й странице: Алика Розенбаум, «Монстры».

В № 5 нашего журнала были представлены некоторые картины замечательного художника Михаила Левина, в № 7 – его же великолепные стихи. И к той, и к другой стороне творчества этого художника и поэта мы надеялись еще не раз вернуться. Но до того – познакомить читателей и с прозой Михаила. При жизни автора, к сожалению, не успели – 3.8.2023 Михаила не стало. Прощай, друг...

«Михаил Левин – новый автор литературной страницы. Недавно он приехал в Дивногорск и работает в ДК «Энергетик» заведующим массовым отделом. До этого Михаил прожил 10 лет на крайнем Севере нашего края. Работал инструктором Хатангского отдела культуры. Командировки к самым северным в мире народностям нганасанам и долганам¹ дали ему массу новых, интересных впечатлений.»

Газета «Огни Енисея», 21 июня 1975 года, литературная страница

Михаил Левин Моисер

...Глотнул спирта из кружки, запил чаем, поел горячей оленины. Потом вдруг запел по-долгански на одних гласных, почти не открывая рта. Иногда вытаскивал барган² и выдувал на нем ту же мелодию.

В лице старика было одновременно что-то и величественное, и жалкое. Но это жалкое я разглядел позже, после того как он выпил тот спирт. Хмель проявил себя сразу: старик размяк, оттаял, и губы развернулись в улыбку, откровенную в своей усталости и благодарности за угощение... Он аккуратно лепил самокрутку, разминая и разглаживая ее, потом задымил так вкусно, что я, забыв про свои сигареты, потянулся к его

¹ Нганасаны и долганы – северные народы, населяющие Таймыр.

² Барган – музыкальный инструмент, его зажимают между губами, потом на выступающей части инструмента пальцем, задевая за струну, исполняют мелодию. Издает гортанные звуки.

табаку. Ему было жарко, но он продолжал сидеть в оленьей парке¹ с повязанным вокруг шеи женским цветным платком. Расшитая бисером, пыжиковая шапка болталась на кожаных тесемках за спиной. Ее пышная изнанка из осеннего песка высвечивала. Рукавицы из камуса, пришитые к парке, тоже болтались и лезли в кружку с чаем, когда он брал ее со стола.

С его появлением тишина стала еще ощутимей. Она протолкалась за ним в избушку и расплзлась по нарам.

У этой тишины было имя – Тундра.

Я сидел здесь уже с неделю, ждал, когда утихнет пурга. Прочел все разбросанные по полкам журналы, зарядил патроны с запасом на всю весеннюю охоту, но пурга не кончалась.

Мой Печет не подавал голоса. Я бросал ему куски сырой оленины к самой морде, с трудом открывая примерзшую дверь, в противном случае он бы даже не пошевелился, чтобы достать пищу. Его занесло снегом, и ломать свою снежную конуру, вставая за мясом, он не желал. Тепло было дороже пищи. Он не шевельнулся даже, когда подошла оленья упряжка старика. И только открывая дверь в избушку, старик слышал недовольное ворчание собаки. Печет словно злился не столько на старика, сколько на свою собачью долю – облаивать посторонних. Но он не был так глуп, чтобы крутить кренделя перед тундровиком.

У собак в тундре нет чужих.

Я сразу же начал разжигать в железной печке пла́вник, пытаясь расщепить сухие корешки, заготовленные с лета. Старик по-долгански комментировал мои действия, что-то долго терпеливо объяснял, потом вытащил багак² из кожаного футляра, бесцеремонно забрал у меня из рук корень и стал выстрегивать из него завиточки, не срезая их, так что получился букет из стружек. «Тузлук, тузлук нужно», – пояснил он свои действия и сунул букет в печку, огонь сразу же вспыхнул.

Что такое тишина в тундре, где все живое научилось жить молча и тайно? Лай песка, свист леммингов, тяжкий долгий вздох полярного

¹ Парка – длинная теплая куртка, как правило, с капюшоном, сшитая из шкур мехом наружу.

² Багак – короткий пикообразный местный нож для снятия шкур.

волка. Это все тишина – живая тишина тундры, у которой высота до звезд и размах до Ледовитого океана, на всю его ширину.

И у этой тишины приютились мы: старик-долганин, огонь, терпеливые олени, мой Печет, и я, такая же деталь здесь, как пес, снега, камень.

Наше застолье подходило к концу, когда старик, отодвигая от себя посуду, вдруг запел. Он так и оставил руку на столе, словно удерживая отвоеванное пространство. Странная это была песня. Кряхтя, скрипя, подвывая, подползали ко мне дикие звуки-зверьки, расползались по избушке, кружились вокруг свечи, заползали на колени, плечи, руки, парили вокруг головы, цеплялись лапками за воротник, заглядывали в глаза. Старика словно околдовали. Он сидел неподвижно, только глаза повлажнели, и складки лица стали заметнее. Черные обмороженные морщины переплелись вокруг рта, рассыпались у глаз, смяли лоб, и только губы шевелились на преобразившейся маске лица.

За три года я привык к долганской речи с глухими звуками: бы, пы, хи, – но в песне, которую пел старик, все это звучало для меня по-новому. О чем он пел? Почему взволнован? Чем удалось расшевелить его? Я узнавал отдельные слова песни: «ночь, спасибо, враги». Волнение мешало сосредоточиться, и смысл песни до меня не доходил. Я смотрел на его шевелящийся складками рот, на пантомиму губ, прыгающий кадык, прямую спину, голову, на корневище шеи, на ягель волос, узлы желтых пальцев, опутавших трубку... О чем он пел? Мне одному посреди тундры, чужому ему человеку...

«Быиытыхи – иигуоажи, учуобьяр, иитуйувиэ...», – звуки вплетались, ломали и корежили слух, приучая его к новым ритмам и созвучиям, и мне уже казалось, что я начинаю понимать эту песню, и мне близка ее мелодия и понятны слова. Он уже не сидел прямо, а раскачивался всем телом, словно песня причиняла ему боль, вперед – назад, вперед – назад и... смолк. Поднялся и, даже не посмотрев в мою сторону, выбрался из избушки.

Старик, покачиваясь и проваливаясь в снег, шел к нартам. Было видно, как он что-то достал из мешка и почему-то украдкой сунул под парку. Назад он шел уже прямо. Без шапки, со взбитыми пургою волосами, с искаженным лицом от ветра он выплывал и вновь исчезал за взметенным

снегом. Олени смотрели ему вслед и, когда он отошел от них метров на тридцать, снова упали, подломив колени и отвернув по-лебяжьи головы к нартам.

Разлив по кружкам припасенный портвейн, которым он запасался на фактории¹, старик кивнул и стал цедить не спеша вино, остановив на мне свой взгляд. Было видно, что он взволнован. Допив вино, он вытащил из вороха своих одежек барган, приложил к губам и, наклонив голову, словно для разгона, заиграл. Это была та же мелодия, та же песня, которую он пел перед этим. Он повторял мне ее на баргане, решив что-то досказать на старинном инструменте своих предков. То были длинные, бесконечные модуляции, подражающие звуки то человеческому крику, то воплю ггары, то стону ветра, омывающего камни тундры, то басовитому жужжанию оводов, напавших на оленье стадо. Звуки словно высвечивали старинную гравюру с древним лишайником по скалам, ребрами впадин, промерзшими озерами... Старик иногда останавливался, прислушивался к ветру и снова прикладывал к губам инструмент. Он словно учил меня понимать эту музыку, давая понять, что он здесь далеко не главное действующее лицо. Пела тундра, солировала пурга, а он только чуть аккомпанировал им, останавливаясь, когда ветер набирал силу, и начинал импровизировать лишь когда пурга на мгновение сдерживала дыхание, затихая в распадах и уводя с собой мелодию.

Ветер, словно устав просить о чем-то, чуть стих, надорвавшись на высоких нотах. Спрятав барган, старик стал нехотя собираться в дорогу. Развязал и снова завязал потуже платок вокруг шеи, натянул его на подбородок, прикрыв им рот. Перевязал все на себе вновь: тесемки на баккарях², парке и шапке и, чуть толкнув меня в знак расставания в плечо, выполз из избушки. У порога обернулся и что-то сказал мимо меня, словно не мне, а тундре... Зашипел снег на железной печке, бросившись в открытую дверь. «Пока, пока, учугей, пока», – закричал я, опомнившись, и

¹ Фактория – в СССР так назывались учрежденные государством в отдаленных промысловых районах пункты для закупки добытых охотниками шкур ценного пушного зверя и снабжения охотников промысловыми орудиями, материалами, одеждой, продовольствием и предметами домашнего обихода.

² Баккари, бакари – сибирская обувь из шкуры с оленьих ног.

выскочил за ним, но старик уже исчез за крупным, разлинованным пургой снегом. Я забрался на крышу избушки и увидел его. Он уже подошел к оленям и сердито пинал их. Те испуганно вскакивали на ноги, быстро, как веером, дергали короткими хвостиками и холодно поглядывали на старика. Он так же, как и на себе, все аккуратно перетянул, обойдя оленей и нарты кругом. Потом зашел справа, подхватил хорей¹ и побежал вперед, ведя оленей на поводке, разгоняя их. Когда упряжка стала спускаться в распадок, он закричал, присвистнул на убегающие нарты. Пурга торопливо заштриховала их. Только и остались удаляющийся свист и гуканье старика, подгонявшего оленей. И понесла на себе тундра эту легкую ношу прямо на ветер, на бьющий в олени морды снег, подбрасывая нарты на боках распадков и холмов...

...Чувствовалось, что такая работа ей по душе. Я остался один. В избушку не хотелось возвращаться. Долгожданное одиночество, которое я сам себе устроил, обернулось вдруг обузой. Старик словно разбудил меня. Не верилось уже, что пройдет три-четыре дня, упадет в распадки загнанный ветер, солнце развяжет снег и откроется новое небо с живым треугольником гусей. Их переключка под древним солнцем напомнит старинный гобой, сдержанный и тревожный...

Видимость стала немного лучше. Подо мной было замерзшее озеро, занесенное снегом. По берегам полуразрушенные песцовые пасти², напоминавшие деревянные надгробья на захоронениях долган и нганасан. Солнце билось за прозрачными облаками, словно мокрый глазок на стекле. Свет от солнца и снега сталкивался, казалось, со звоном ломал перспективу, растворял линию горизонта, и пространство передо мной уже не имело ни веса, ни границ, ни очертаний. Слово на белой яхте, стоял я на заснеженной крыше своей избушки, потерявшейся в снежном сиянии и парящей в неведомое...

Через две недели я возвращался домой. Охотничья упряжка ездовых лаек забрала мой груз: два мешка оленины и дичи. Места на нартах

¹ Хорей – острый шест длиной до пяти метров, которым погоняют оленей. Заканчивается костяным шариком или железным наконечником.

² Песцовые пасти – большие ловушки, в которых падает настороженное бревно, когда зверь берет приманку.

для меня не нашлось. Сбросил на нарты пыжиковую парку, оставшись в свитере, пошел по санному следу на лыжах. Печет грузно бежал за мной, вывалив жаркий язык. Он бежал домой деловито, чуть вразвалку, как обычно возвращается с работы усталый человек. Я пожалел запрягать его в общую упряжку с чужими собаками, хотя и должен был это сделать. Но дружелюбные хозяева не очень настаивали и простили нам этот каприз.

У дома я сбросил лыжи, оторвал примерзшую дверь, сдвинул ее вместе со снегом и протиснулся в комнату. Откапывать до конца уже не было сил. Дом промерз, на полу был иней и чьи-то следы от баккарей. Причин для волнения не было, замки в поселке вообще не водились. За ящиком у печки я увидел оставленную кем-то рыбу. То были отборные чирь, максуны, омуль. Полуметровые рыбины лежали аккуратным частоколом, и заканчивался ряд бутылкой портвейна. Я сразу понял, от кого это...

Проснулся рано. Снег за окном уже горел от восходящего солнца. Фактория просыпалась. Повизгивали собаки. Это хозяева тащили их на поводках, собирая разбежавшуюся упряжку.

К обеду зашел ко мне Василий Бетту, бригадир оленеводческой бригады. От него-то я и узнал точно, кто был моим гостем. Он рассказал, что звали того старика Моисер, что он охотник и рыбак и что недавно у него умерла жена. Всю зиму он живет в тундре, а весной и летом наезжает в поселок за продуктами. В последнее время он стал появляться чаще, видно неуютно стало в тундре. Бетту рассказывал, как сиротливо и пусто стало в чуме старика. Приходит он с охоты, кипятит чай, строгают ледяную рыбу и мясо и молча укладывается спать под оленьими шкурами.

Жан-Клод Паскаль

Красивая маска

Перевод Аллы Герценштейн. Первая публикация на русском языке.

В №№ 6–8 за 2022–23 гг. мы уже публиковали первую часть воспоминаний Ж.-К. Паскаля. По просьбам читателей мы продолжаем публикацию.

Часть вторая

Иллюзии тоже умирают

Мне нравится самому выбирать свою лошадь, сказал Анджело. Я один знаю, что я потребую от нее позже.

Жан Жионо¹, «Сумасшедшее счастье.»

Глава восьмая

В Париже душно в конце июля. Я встречаю здесь Жана и банду новых друзей. «Божий суд» еще не вышел. Никто меня не видел на сцене в Париже, но уже ходят слухи – кажется, много говорят о моей скромной персоне. Жан – главный виновник и ответственный за это. Не проходит недели, чтобы он не опубликовал какую-нибудь статейку в каком-нибудь журнале. С одной стороны, это замечательно для меня. Я «незнакомый знакомец», но это неизбежно вызывает некоторую зависть. Я это позволяю, я доволен. У Ольги есть «виды» на меня, которые она пока отказывается раскрывать. Жан, со своей стороны, что-то готовит, но тоже хранит секрет.

Меня это беспокоит. Я хочу играть, играть, играть... Все равно что!

– Ни в коем случае! – говорит мне Ольга.

¹ Жан Жионо (1895–1970) – французский писатель, в произведениях которого сочетаются гуманизм и яростное неприятие XX века, пронизанного тоталитаризмом и посредственностью. Он был гуманистом и пацифистом. Никогда не был награжден никакими французскими литературными премиями.

– О! Нет и нет! – подтверждает Жан.

И вот я жду. Я сбрил бороду. Прощай, Арман Дюваль. Я прогуливаю по Парижу свежую физиономию и все еще светлые кудри. Внезапно я замечаю, что я задыхаюсь, и не только от жары. Я чувствую себя еще в трауре по Арману Дювалю. Ольга и Жан по-прежнему молчат по поводу проектов, которые они вынашивают для меня. Я хочу уехать. Жан в ярости. А мне необходим воздух. Я хочу солнца, моря и лодку. Каким-то чудом мне удастся убедить моего старого друга детства (нам было по семь лет, когда мы встретились), Тьерри Т., поехать со мной «на все четыре стороны». И это оказалось Тунисом. Я еще ничего не знал тогда о Северной Африке. Я открываю мир. Хаммамет! Волшебство! Рай на земле.

Тогда это была маленькая рыбацкая деревушка. Несколько белых домиков со светло-голубыми ставнями, построенных вокруг укрепленной цитадели, старинные стены которой окунались прямо в воды залива цвета бирюзы. Автобус останавливался при въезде в город, дорога здесь заканчивалась. Светлый песок и песчаные дороги, по которым проходили, как в библейские времена, женщины с глиняными кувшинами на головах. Незабываемая грация и ритм походки босых ног. Казалось, они возникли из тьмы веков. Дети предлагали вам ожерелья из цветов жасмина. Они смотрели и улыбались так, что сердце плавилось. Одни мужчины выволакивали свои рыбацьи лодки и ставили их под оливами. Другие чинили сети и штопали своими грубыми ручищами громадные куски ткани цвета йода, через которые просвечивало ясное небо.

«Отель де Франс» – единственная гостиница на восемь комнат. Сверху из нашего зарешеченного окна был виден залив во всю его ширину, замкнутый вдали цепью гор светло-серого цвета, которые закрывали горизонт. На повороте улочки кто-то играл на флейте. Перед нами на крохотной площади танцевали дети. В воздухе пахло цветами апельсина, лилии и эвкалипта. Лавры сгибались под тяжестью белых цветов. Яркие пятна герани выделялись на фоне окрестной зелени.

Сумерки были необыкновенными. Солнце ушло от нас в этот вечер, закутанное в складки розового, переходящего в фиолетовый. Ночь оказалась нам освещенной мириадами сверкающих звезд. Муэдзин тихо запел стихи из Корана с высоты мечети. У Тьерри и у меня перехватило

дыхание, и неопишуемое волнение овладело нами. Мы молчали, как будто слова могли разрушить волшебство, в которое мы были погружены.

Если вы когда-нибудь туда попадете, не ищите того, что я попытался вам описать. Этого мира больше нет. Монстр в ста лицах, которого называют модернизм, поглотил эту средиземноморскую Атлантиду. От этого чудесного образа ничего не осталось больше... Мираж исчез! От естественных звуков, которые раньше были ежедневными, осталось лишь эхо, непривычное новому уху, неспособному их отличить и узнать. Как жаль! Какая утрата!

Накануне 15 августа телеграмма положила конец нашим забываемым каникулам. «Просьба вернуться немедленно театр ждет. Подпись: Ольга – Жан». В Париже письмо от Ольги ждало меня дома. Она отдыхала и просила меня связаться с Жаном как можно скорее. Он мне все объяснит. В тот же вечер мы обедали вместе, он и я.

– Ты знаешь Рене Сен-Сир? – говорит он мне почти сразу.

– Ну... да... как все. Но я с ней никогда не встречался.

– Ты с ней встретишься завтра после 12:00.

– О, да? Зачем?

– Во-первых это очаровательная женщина и... я думаю, у нее есть план для вас обоих.

– Театр?

– Да.

– Что?

– Пьеса Марселя Ашара¹.

– Новая?

– Нет, старая.

– Какая?

– «Женщина в белом».

– Не знаю такой.

– Ну, что ж, ты ее прочтешь сегодня вечером, потому что, если ты понравишься Рене... ты будешь играть эту пьесу в начале октября.

¹ Марсель Ашар (1899–1974) – французский писатель, драматург, сценарист и журналист. Член Французской Академии с 1959 года.

– Какой театр?

– Театр Галерей.

– Каких Галерей? Я не знаю ни одного парижского театра с таким названием.

– Театр Галерей в Брюсселе.

Вместо того чтобы прыгать от радости, вместо того чтобы быть довольным этим проектом, я начинаю орать. Тут я весь! Еще немного, и я выйду из-за стола.

– Черт! Мне надоело играть в провинции! Эвиан, Экс-ле-Бэн, Венеция, а теперь еще и Бельгия! И что?.. Я... Париж... Никогда?

Жан дал мне пошуметь, поворчать, побрюзжать, не перебивая этот глупый монолог, который иссяк сам собой за неимением солидных аргументов. Я еще проговаривал свою досаду, когда Жан, не обращая на это внимания, сказал мне с полуулыбкой:

– Ну, если ты предпочитаешь ничего не делать...

Он знал – и я тоже – что цель была правильной. Вечер продолжался и закончился лучше, чем начался. Жан рассказал мне о пьесе и о Рене Сен-Сир. Расслабленный, просветленный, почти оптимистично настроенный, я вернулся к себе, чтобы прочесть пьесу.

Признаемся, что «Женщина в белом» не была лучшей пьесой этого автора. Встретив Марселя Ашара несколько лет спустя, я спросил у него мнение о пьесе. Он согласился, что, действительно, она была не лучшей... Тогда я не мог судить или сравнивать. Я просто убедил Рене Сен-Сир, что я идеальный партнер, которого она искала для Брюсселя.

Около четырех часов дня мы приехали на бульвар Ришар-Валлас в Нейи. Рене Сен-Сир жила в обширных апартаментах, высоко-высоко. Окна выходили на Сену, а вдали виднелись сады де Багатель. Изысканный интерьер, красивые столики, приятный запах, гигантские букеты цветов, удобные канапе. Пока мы ее ждали, я смотрел в большой проем окна, как выглядит конец лета в Париже. Еще далеко было до осенней меланхолии, и ковер зелени не был еще рыжим. Было мягко, спокойно и тепло.

Я думал о Рене Сен-Сир, об образе, который я себе составил, прежде чем она войдет сюда с минуты на минуту. Это звезда кино, и ее имя пишут крупно на театральной афише. Она снималась с самыми

великими: Ремю, Пьером Ришаром-Вильмом и многими другими. Пользуясь большой популярностью, она выбирала себе преимущественно драматические роли, и она волновала зрителя. Она также снималась в комедиях, но публика предпочитала, когда Рене плачет. Некоторые говорили с умным видом: «Да, это актриса, но не драматическая». И бац! Как мило, не правда ли?

В этой среде, где каждого обязывали занять свою полку, мадемуазель Сен-Сир некоторые классифицировали, как хныкающую плаксу, жеманницу, хорошенькую, вне всякого сомнения, но не наделенную драматическим темпераментом. Другие находили ее изысканной, соблазнительной, обладающей шармом. Все они были готовы растаять при звуках ее голоса. Я же, который ее еще не видел, я ничего не мог сказать пока. Она меня очень тронула в фильме Пьера Бланшара «Ночь в декабре».

Дверь открывается, я оборачиваюсь, вот она. Первая реакция: ой... какая она маленькая! Вторая реакция: но... какая хорошенькая! Рене не подходит ко мне, она подбегает. Как будто она давно ждала момента, чтобы со мной встретиться. Я удивлен, польщен, я склоняюсь и включаю шарм – полуулыбка, полуприщур. Она обворожительна, и мне не нужно себя заставлять, чтобы она поняла мой образ мыслей. Она входит в ту категорию женщин, которые, я не знаю, каким образом, производят впечатление, что они только что вышли из ванной, от парикмахера или из-под рук кутюрье. Рене свежа, как мыльная пена... Легкий запах исходит от нее. Волосы черные в кудряшках, лицо миловидное, овальное, цвет лица светлый, матовый, как у севрского бисквита¹, большие темные глаза, глубокие, влажные, там могут происходить бури, брови красивого рисунка, крошечный носик строптивного свойства, ярко-красный маленький рот с вечно двигающимися губами, когда она улыбается, говорит или молчит. Улыбка? Ожерелье настоящего жемчуга. Ее голос не спутаешь ни с каким другим, временами очень высокий. Руки, как крылья, вечное движение.

Она села после того, как уселись мы и были поданы стаканы с холодным питьем, положила красиво ногу на ногу. Они обсуждали с Жаном

¹ Севрская мануфактура знаменита производством фигурок из так называемого «бисквита» – это непокрытый эмалью фарфор, необыкновенной белизны.

последние события в театральном мире. Она смеялась: целый каскад хорошего настроения, как освежающий дождь. Чем больше я на нее смотрю, тем больше нахожу у нее достоинств, у этой мадемуазель Сен-Сир.

Я не могу долго оставаться безмолвным и только рассматривать ее. Я вхожу в игру. Наши взгляды встречаются, мы улыбаемся друг другу. Пошло. И так хорошо пошло, что в конце концов мы станем настоящими друзьями. Мы не только играли вместе в театральной пьесе, но и снимались в одном фильме несколько лет спустя. И потом были вместе в ситуациях, связанных с различными жизненными коллизиями... Мы часто были рядом и виделись с радостью. Ты знаешь, Рене, что ты занимаешь огромное место в моей памяти. Я тебя обнимаю.

В «Женщине в белом» рассказывается любовная интрига, типичная для предвоенного времени. Сегодня эта пьеса была бы неприемлема. В 1950 это еще «проходило», и очень хорошо. Первый акт. Пятидесятилетний месье, я (да, да!) говорит со своим старым другом, у которого он просит руки его дочери. Отец колеблется из-за большой разницы в возрасте. Дочь влюблена. Отец сдается. Конец первого акта. До сих пор все нормально... не правда ли? Все согласны! Подождите, что будет дальше!

Второй акт. Возвращаемся на двадцать пять лет назад. Месье пятидесяти лет (это все еще я) возвращается в свою молодость. Он любовник жены своего старого друга из первого акта, соответственно матери невесты... Вы следите? (Она, впрочем, умерла... бедняжка, иначе не было бы пьесы). Этот акт приближается к бурлеску¹. Занавес.

Третий акт. Я не очень хорошо помню, что там было еще, кроме разногласий между невестой и пятидесятилетним месье. Она узнает, что ее родная мама была любовницей человека, который просит ее руки... Вы понимаете жанр? Не очень-то веселая ситуация. А потом все устраивается. Они поженятся. И будут счастливы.

Рене играла двойную роль матери и дочери. Я, жених одной, затем любовник другой, прежде чем стать вновь женихом первой. Чтобы это казалось правдивым, решили сделать мне седые виски, брови и усы и надеть

¹ Бурлеск – вид комической, пародийной поэзии и драматургии, разновидность развлекательного театрального шоу.

очки в первом и в последнем акте, а вернуться к моему настоящему возрасту только во втором акте. Вот, вы все знаете... или почти все. Эта составная роль меня интересовала. Было забавно постареть до пятидесяти (сегодня я бы предпочел наоборот). Надо было не только наложить грим, но замедлить походку, речь, быть похожим на пятидесятилетнего.

Я отправился в Бретань на неделю к друзьям, чтобы подумать обо всем этом и выучить мой текст. Треберден, опять курорт, но уже последний.

На пляже я увидел Жерара Филипа, я его узнал, он меня нет (терпение, я иду!). Весь сентябрь мы работали с Рене Сен-Сир под руководством Тани Балашовой, славянский персонаж, как видно из ее фамилии. Она была более «удобна», чем Эдвиж Фейер в качестве режиссера. Надо сказать, что и драма месье Дюма-сына не имела ничего общего с этой комедией Марсея Ашара.

В первых числах октября мы уехали в Бельгию. В Брюссель.

Я не знал Бельгии. Она меня знала. Вот уже несколько месяцев Жан озаботился поговорить обо мне с помощью хвалебных статей об «этой восходящей звезде». Самое удивительное, что в газетной колонке говорилось о звезде-призраке, так как никто еще не видел его на экране (я тоже). Новая Арлезианка¹! Эти статьи (которые читали), эти фотографии (которые видели) помещали меня в сознание людей. Благодаря этим предварительным маневрам, я проникал в их память. Мое имя и мое изображение становилось знакомым. Принудительно прочитав эти интервью, где воспевались на все лады многочисленные качества вашего покорного слуги, я спрашивал себя, если после всего сказанного я не был «настолько хорош» (уловка самоотравления), это не мешало трезвой стороне моего характера заметить Жану, что я находил подобную шумиху в прессе преувеличенной и даже опасной. Он попросил оставить его в покое, он знал свое ремесло. Он был прав. Эта привязанность к Правде не была – и все еще – не в моде в мире спектакля. Он был прав, говорю я вам. Это было

¹ Новая Арлезианка – невидимый персонаж из новеллы Альфонса Доде «Арлезианка».

заметно сразу, как только я вышел на сцену в «Женщине в белом» в Королевском Театре Галерей в Брюсселе.

Не успел я войти в декорацию, как раздалась целая буря аплодисментов и длилась долго. Уверяю вас, что это шок для первого раза, и я не был к нему готов. Как я мог предвидеть, что буду встречен таким образом? Я вас очень удивлю, если скажу, что моим первым рефлексом была паника? Да, я был испуган. О, всего лишь мгновение, но мне рассказывали потом, что я побледнел и слегка покачнулся на моих длинных ногах.

Я обрел хладнокровие, атаковал текст, и мы начали. Рене Сен-Сир улыбалась. Представление прошло хорошо. На следующее утро Жан возник в моей комнате с кипой газет в руках. Критика! Он хотел мне ее прочитать. Я, расслабленный и едва проснувшийся, был убаюкан звуками его голоса до того момента, пока не услышал хвалебных слов в свой адрес. Я думал, что он все придумал, и вдруг обнаружилась моя черта «Фомы неверного»... Я тут же проснулся, отобрал у него газету и захотел сам все прочесть. Я должен был перечитать несколько раз эти статьи, чтобы убедиться, что в них шла речь обо мне. Что-то в моей глупой голове не доверяло написанному. Нормально! Нет? Да! В 23 года есть масса вещей, которые происходят с вами впервые.

Мы должны были сыграть эту пьесу Марселя Ашара 15 раз. Директор театра был доволен. Зал был набит битком каждый вечер. М. Розими (очень известный антрепренер тех времен) присутствовал на одном из представлений. После долгого разговора с Рене Сен-Сир он предложил ей летнее турне по казино и курортам в июле и августе следующего года. Рене была в восторге от этой затеи. Жан хлопал в ладоши, готовя уже мысленно (я был в этом уверен) французскую кампанию хвалебных статей

Ольга постановила, что надо сделать это турне. Я... да, конечно... Мне нравилась Рене, моя роль и путешествия... Но, Париж... когда? Родился Растиньяк! Или скорее желание сказать наконец: «Поборемся, Париж!» Определенно, это будет потом. Я подумал и подписал свой контракт, одновременно довольный и... недовольный. Мне не хватало кинокамеры. Мне хотелось сниматься в кино. Проекты были туманными в этом направлении, но они были. Ольга и Жан ничего не говорили. Я проявлял

нетерпение немного. Мы покинули Бельгию с сожалением и вернулись в Париж.

Веселого Рождества! С Новым 1951 годом! И тут вдруг, отплываем! Отплываем стремительно! Жан мне сообщает (он вынашивал идею многие месяцы): «Готовься! – К чему? – К фильму! – Какому? – Он будет называться «Их было пятеро»¹. Это история о пяти парнях, которые служили вместе в армии во время войны, а потом встретились на гражданке и тогда»...

Он мне рассказывает сценарий. Я ему говорю, что это слабовато, но так как мне все равно делать нечего, меня не нужно долго уговаривать, так как я умираю от желания оказаться снова перед камерой. Продюсер – человек очаровательный, влюбленный в кинематограф, Робер Ж., мы зовем его Бобби. Сценарий Мишеля Журдана. Жак Пиното будет режиссером, а ассистентом его брат Клод. Диалоги Пьера Лароша и музыка Жоржа ван Париса. Пять парней – герои фильма – будут Мишель Журдан, названный выше, Франсуа Мартен, едва закончивший курс Симон, Жан Гавен, Жан Карме и я. Встречаемся все на обеде вечером. Нам рассказывают сценарий. Жак Пиното полон энтузиазма. Когда пришло время уходить, он меня задерживает и замечает вскользь: «Кроме Франсуа Мартена, они все брюнеты, Журдан, Гавен и Карме. Я хочу, чтобы ты был блондином... ты понимаешь?»

Бах! Начинается! Нет, решительно, это мания! Я сжимаю кулаки в карманах и отвечаю, что мне все равно. В такси, которое нас увозит, я взрываюсь. Мы подъезжаем к моей двери, я выхожу из машины, продолжая ворчать. Жан успевает только мне сказать до того, как такси продолжит свой путь: «Раз у тебя такое плохое настроение, я не расскажу тебе хорошую новость, о которой хотел тебе сказать». Я больше не злюсь, но нервничаю из-за собственного неудовлетворенного любопытства. Жан прекрасно отомстил за мой скверный характер. Он метил верно. Он знает, что ничто не приводит меня в отчаянье, как детская фраза типа: «Я что-то

¹ «Их было пятеро» – фильм Жака Пиното 1951 года. Демонстрировался в России (русский дубляж). Есть на *YouTube*.

знаю, но тебе не скажу!» Я засыпаю, задавая себе вопросы. Жан, немного затаив обиду, (он никогда таким не был со мной) звонит мне рано утром.

– Ну... ты хочешь знать?

– И где твоя хорошая новость?

– Нет... не сейчас.

– Как?

И он объясняет мне, что заедет в полдень, так как мы идем на студию Булонь, там снимают «Расстрелянный на рассвете», где главную женскую роль играет Натали Натье. Жан хочет сделать наше совместное фото. Он мне расскажет «хорошую новость» очень скоро. А пока он вешает трубку.

Выбора нет. Я готовлюсь. Натали Натье снималась с Ивом Монтаном в фильме Карне «Ночные двери», заменяя пару Габен – Марлен Дитрих, намеченных до того. Говорят, фильм стоил очень дорого. Карне потребовал восстановить в студии станцию парижского метро и несколько прилегающих улиц. Короче, Натали Натье представляла тогда действующую звезду, и Жан – за все золото мира не мог пропустить возможность сфотографировать меня вместе с этой молодой, очаровательной женщиной, на которую вся корпорация наставила свои бинокли.

Новый «сюрприз» был, действительно, важен. Жан сказал мне, что Эдвиж Фейер решила возобновить «Даму с камелиями» в октябре следующего года, в Париже, в театре Сары Бернар. Будет пятьдесят спектаклей и что... если не случится какой-нибудь катастрофы... я буду снова «ее Арманом Дювалем!» Она уже подписала контракт.

Вот уже несколько недель я живу на широкую ногу. Я купил свою первую машину в Бельгии. Это купе Линкольн Континенталь (подержанный) цвета граната. Я рад, как ребенок, и могу сказать: «я раздражаю буржуа»¹ и некоторых других. Простительное тщеславие, я думаю, в этом возрасте. Ездить на американской машине – это было «нечто» в Париже, еще не забывшем о четырех годах оккупации. Понятие «жизненный статус» существовало всегда, даже если это выражение сильно изменилось. Очень

¹ *Épater les bourgeois* – означает шокировать, провоцировать средний класс, буржуа. Выражение пришло от поэтов-декадентов Бодлера и Рэмбо.

приятно сказать кому-то «я за вами заеду» и радоваться заранее его выражению лица, когда тот увидит современное средство передвижения, да еще «американское»!

Ольга, едва вернувшись в Париж, дает мне подписать контракт «Дамы с камелиями» на октябрь 1952... Больше года ожиданий! Я же воплощенное нетерпение. Ольга меня успокаивает и рассказывает кучу новостей. Сначала она мне сообщает, что мне будет чем заняться. У нее есть один проект фильма в Италии на следующее лето. Надо принять решение. И еще. Один молодой режиссер, еще неизвестный, Ив Сиампи, убедил Пьера Френе сниматься под его руководством в фильме о медике. Есть много интересных ролей вокруг этого большого актера. Она ждет сценарий прямо сегодня. Ив Сиампи позвонит мне завтра, послезавтра. Я грежу. Ольга меня будит: «Определенно, вы никогда не читаете то, что вы подписываете... Посмотрите, какая будет афиша театра Сары Бернар».

Я перечитываю внимательно на этот раз и не верю своим глазам. Эдвиж согласна, чтобы мое имя стояло сразу после ее имени и до названия пьесы. Это что-то невероятное для молодого дебютанта, то есть для меня.

Для тех, кто не знает, это место над названием пьесы ничего не значит, но для других оно очень важно. Это означает, что вас рассматривают как полноценную звезду. Но нужно не потерять это непредвиденное преимущество. Есть прекрасные артисты большого таланта, которые ждали годами подобного результата. Что самое необыкновенное в этом отдельном случае, так это то, что после Пьера Ришара-Вильма, Эдвиж Фейер никогда не допускала никакого Армана Дюваля перед названием пьесы. Это была «Эдвиж Фейер» в «Даме с камелиями». Затем шли другие имена. Я был взволнован. Я хотел поблагодарить Ольгу, но она мне сказала честно, что она тут ни при чем, так как Эдвиж сама это предложила. Я ухожу от Ольги в состоянии эйфории, которую трудно описать.

Съемки «Их было пятеро» закончились. Не видя демонстрации картины, я все еще не могу сказать, на кого я похож в кино. Это скоро случится.

Глава девятая

Звонок от Ива Сиампи. Он посылает мне сценарий. Повесив трубку, я спохватываюсь, что не спросил его, какую роль он мне предназначает. К 11 часам я в постели и читаю. Через два часа чтение закончено. Превосходно. Сценарий Ива Сиампи и Пьера Вери погружают нас в современную медицинскую, хирургическую среду. Авторитетный патрон – этакий мандарин¹ – царит над всеми в госпитале. Страстный профессионал, человек, влюбленный в свое искусство, он почти забывает, что существует нормальная жизнь. Его племянник, молодой человек, настроенный романтично, продолжает свою учебу, чтобы стать доктором, но страшится жизни, которая его ожидает, если он «посвятит себя карьере». Его невеста отговаривает его продолжать учебу, мечтая о нормальной семейной жизни.

По контрасту с этим персонажем, автор показывает интерна госпиталя, карьериста и циника, который готов на все ради своего профессионального успеха. Сюжет прекрасно разработан, блестящие диалоги и характеры персонажей нарисованы точно. Короче, при чтении понятно, что здесь собраны все необходимые ингредиенты, чтобы «слепить» хороший фильм. Размышляя об этой истории, я себе говорю, что не нужно даже спрашивать у режиссера, какую роль он мне готовит. Само собой – это племянник большого патрона, этот сомневающийся молодой человек, готовый бросить медицину... У меня еще светлые волосы моего персонажа из «Их было пятеро»... Держу пари на два пятьдесят, что режиссер попросит меня остаться с волосами зрелой пшеницы, чтобы воплощать роль романтика. Это слово все чаще и чаще прилипает к моему имени в прессе.

Я думаю, какому молодому актеру режиссер отдаст роль интерна-циника, потому что очень интересно было бы играть этого персонажа... Наконец... я засыпаю, находя очень странным быть приговоренным оставаться блондином из роли в роль. Арман Дюваль, принц из «Суда Божьего», «Их было пятеро» и теперь вот это.

Неважно, главное, я снимаюсь! Около 12:00 я встречаюсь с Ивом Сиампи. Ему тридцатник, начинает лысеть, симпатичный, нервный,

¹ Мандарин – высший чиновник в феодальном Китае.

мягкие пряди волос светлого шатена, глаза серо-голубые слегка навывкате, тонкий нос, ухоженные зубы цвета слоновой кости и очень быстрая речь. Я искренне хвалю его сценарий, а он рассказывает в общем о фильме, о чем он хочет поведать, снимая эту историю. В какой-то момент я задаю ему вопрос, который меня мучает:

– Скажите... кто будет играть роль интерна? – Он смотрит на меня, как будто я свалился с Луны и отвечает четко:

– Ну... это вы... Безусловно! – Теперь моя очередь открыть рот.

– А! Потому что, я думал, что...

Сиаampi хохочет и веселится, видя, как я ошибся. Он мне объясняет, что видел меня в модном ресторане некоторое время назад, где я что-то резко обещал с кем-то, и что моя манера «говорить то, что я думаю» точно подходила к персонажу интерна. Ему понравился тон. К этому он прибавил мой рост, мою походку, мои жесты, все соответствовало.

– Естественно, вы будете брюнетом, сообщил он, а племянник будет блондином.

Сорок восемь часов спустя я возвращаюсь (наконец!) к моему натуральному цвету волос. Между делом я перечитал раз двадцать сценарий, рассматривая в лупу роль Марсийака, интерна, которого мне предстоит изображать. В то время, как Ольга занимается контрактом, а Жан наслаждается набрасыванием в общих чертах новых статей, я беспокоюсь. (Что вы хотите, это в моем характере, и это будет всегда.) Я беспокоюсь, потому что это не просто роль, а роль медика. Невозможно импровизировать жесты, положения, поведение интерна в госпитале, не имея хотя бы слабого представления о том, что такое ежедневная жизнь больницы. Можно изобразить принца Баварского, молодого влюбленного провинциала, каким является Арман Дюваль, но профессионального хирурга... это не так легко, как мне кажется.

Сиаampi предупредил меня, что скоро мы начнем съемки, в начале июня. Остается две недели, едва-едва. Я ему звоню и сообщаю свою озбоченность по поводу моего полнейшего незнания медицинской сферы.

Он не кричит, не смеется, он понимает. И понимает настолько хорошо, что я оказываюсь, по его просьбе, пансионером¹ в госпитале Сен-Луи.

Я оставался там неделю под руководством профессора Миаларе. Я смотрел, слушал, понимал, открывал мир, который я не мог даже себе представить. Я видел разных людей, которые вели себя по-разному – пациенты, медики, интерны, экстерны, медсестры и ассистенты. Я узнал теплоту человеческих отношений и их холодность, иногда необходимую.

Я задавал бесконечные вопросы, рискуя утомить уши тех, к кому я обращался. Ненасытный, я хотел все знать, все понять сразу. Эта стажировка меня захватывала. Меня не выставили за дверь госпиталя Сен-Луи, но вы не отнимете у меня мысль о том, что они не без облегчения увидели, что я, наконец, ухожу от них. Я чувствовал себя относительно уверенно и понял тогда, что могу взяться за эту роль.

Мандраж? А как же! Всегда страшно влезть в шкуру кого-то (это не ты), но вместо того, чтобы плавать в неизведанном, не зная, с чего начать, «зацепить» персонаж. Я чувствовал себя относительно уверенно. Это было необходимо, чтобы показать характер этого интерна в каждой сцене. Он должен был проявить себя решительным, четким, властным, не оставляющим места ни малейшему сомнению. К счастью, Сиампи поддержал мою идею стажировки. Без нее, я думаю честно, что я прошел бы по касательной этой роли, разочаровав всех, а себя в первую очередь. Это стремление к перфекционизму (и в радости, и в горе) меня не покидало на протяжении всей моей карьеры. Может быть, поэтому, развиваясь профессионально, я получил твердую репутацию зануды, которую глупцы с удовольствием распространяли обо мне и раздували ее до бесконечности.

В повседневности я импровизирую с радостью, позволяя моему воображению выражать все, не сдерживая себя. Я люблю жонглировать словами, идеями, продвигая – игрой или упражнением – парадокс, превращая его в теорию, противоположную моим собственным убеждениям, просто из удовольствия противопоставить их утверждениям собеседника, задевая дух противоречия, которое меня забавляет. Если он говорит

¹ Пансионер (от франц. *pension*) – 1) учащийся, получающий полное содержание; 2) жилец пансиона; 3) нахлебник.

«черное», я говорю «белое». Чем больше он защищает свою точку зрения, тем больше я изворачиваюсь, чтобы доказать ему, что он не прав. Это весьма развлекательное упражнение при условии, само собой, что соперники молчаливо соглашаются, что сражаются без оружия.

Нет, я не думаю, что я умнее других, но и не глупее. И потом, это зависит от того, с кем ты ведешь эту словесную дуэль. Моя подруга Луиза де Вильморен говорила: «Когда меня сажают во время обеда между двух дураков, я становлюсь полной идиоткой и произношу глупости». Она права. Со своей стороны, когда я общаюсь с людьми умными и образованными, я чувствую, что я тоже умный, и наоборот, как Луиза.

Съемки начинаются с довольно легких сцен и, вступив в игру, я нахожу правильный тон. Режиссер меня поздравляет. Он доволен, я тоже. А затем приходит день, когда впервые я должен обменяться несколькими фразами с Пьером Френе. Вначале атмосфера, которая устанавливается на площадке в это утро, не такая, как обычно. Некоторые нервничают, другие слишком спокойны. Ив Сиампи показывает наши места, устанавливает камеру, регулирует свет, и мы начинаем репетировать. Сиампи пока замещает Пьера Френе. За ним послали. Я даю свои реплики так же уверенно, как раньше. Все идет хорошо.

Пьер Френе возникает на площадке. Он приветствует каждого, улыбочивый и любезный. Режиссер идет ему навстречу. Они беседуют, оба совершенно расслабленные. Я жду, слегка замерев, среди актеров, принимающих участие в этой сцене. Пьер Френе и Ив Сиампи приближаются. Сиампи нас представляет. Крепкое, искреннее рукопожатие. Первый контакт с взглядом Френе, глаза зеленые. Я глотаю слюну. Сиампи дает указания Френе – большому патрону – он слушает внимательно, прищурив глаза. А затем: ГОЛОС!

– Хорошо... итак... начнем, пожалуй?

Все знают этот голос. Сколько раз я его слышал, оценивал, восхищался в театре и в кино, но тут я вдруг его слышу совсем рядом... Я снова глотаю слюну и прокашливаюсь, как будто это мне необходимо для голоса.

– Начали... пожалуйста, господа... Тишина на площадке... Репетируем!

Сиампи отдал приказ. Сцена начинается. Пока без меня. Я в диалоге, ожидая момента вступить с ответом на вопрос Большого Патрона. Он его задает. Я хочу ответить. Я отвечаю. Не получается. Я отвечаю голосочком, который мне не принадлежит. Во всяком случае, я его не узнаю – Сиампи тоже, и он смотрит на меня вопросительно.

Сцена продолжается. Я произношу слова беззвучно наполовину. Режиссер позволяет разматывать сцену. Она заканчивается. Сиампи встал, объясняя одному и другому, что он в точности хочет, какой тон, какие жесты в тот или другой момент. Он подходит ко мне и тихо спрашивает не заболел ли я. И добавляет, что то, что он только что слышал, «это совсем не то». Я соглашаюсь, уныло. Репетируем снова. Я концентрируюсь и заставляю себя контролировать дыхание – нелегко – репетируем. Чуть лучше. Сиампи ничего мне не говорит, только смотрит.

Репетируем. Голос, кажется, вернулся. Я делаю резкое движение, непредвиденное, и толкаю локтем Большого Патрона. Я говорю инстинктивно: «О... простите меня!» Это рефлекс. Идиотский рефлекс, который не только прерывает ритм репетиции, но добавляет что-то в текст, который не соответствует ни ситуации в этой сцене, ни персонажу, которого он изображает. Мой интерн не может никоим образом сказать: «Извините меня». Снова репетируем. Я говорю теперь громче, но... я начинаю прокатывать мой текст и мямлить... недостатки галопируют, и самоконтроль быстро улетучивается.

Пьер Френе, который уже давно наблюдает за мной краем глаза, прерывает репетицию и, мягко перебивая меня, говорит своим звенящим голосом: «Это из-за меня у вас такое?» Взгляд зеленых глаз под поднятыми бровями меня изучает. Я колеблюсь три секунды: соврать или сказать правду? Вокруг нас возникает такая тишина, что ее можно пощупать. Я беру еще секунду на окончательное решение: «Да, месье!» Ответ взлетает четкий: «Ну, не надо, старина... Я не такой уж сердитый, знаете ли... Ну, ну... расслабьтесь и доверьтесь мне. Все будет хорошо». Затем, обращаясь к постановщику, он добавляет: «Скажите, Ив, если мы начнем снимать сейчас?»

Это вопрос-приглашение, а приглашение Френе – это приказ. Мы снимаем. Мы снимали эту сцену три раза. Последняя проба была самой

лучшей. Сиампи, который потерял много времени, устанавливает план следующей сцены. Я в поту. Я ругаю себя мысленно, а потом уговариваю, что если снимали сцену три раза, то это было не только из-за меня! Бывают моменты, когда в конце концов веришь тому, что сам себе наплел. Я все-таки был напуган. Какой человек! Какой взгляд! Какой голос! Мне никогда не удастся отвечать ему с такой непринужденностью, на которой так настаивает Сиампи.

Съемки продолжают. Эпизоды следуют один за другим, сменяются декорации и по мере того, как проходит время, с каждым днем я чувствую все большую уверенность. Я не только не боюсь больше Пьера Френе, но мне его не хватает в сценах, где его нет. Мне кажется, что я играю хуже, мне не хватает естественности и спонтанности. Иллюзия? Может быть. Но это правда, и я отдавал себе отчет на протяжении всей моей карьеры, что играешь лучше, когда находишься на пару с великими актерами. Что случается не каждый день, особенно в кино.

Когда я даю реплику Пьеру Френе, исполняя свою роль, я за ним наблюдаю, сознательно или нет, но для меня это урок. Урок необыкновенный. Во-первых, точность жеста. Согласившись с постановщиком, он будет повторять его много раз, сколько потребуется. Затем ритм сцены будет установлен раз и навсегда. Он будет возобновлять его каждый раз при съемке эпизода точно и определенно, ничего не меняя, не добавляя и не исключая. Модуляции голоса, молчание, взгляды и движения изменены не будут. Самое поразительное (для меня), что каждый раз у вас будет впечатление, что он импровизирует. Это действительно большое искусство и прекрасный элемент для размышления для очень молодого актера, для меня. Во время съемок этого фильма мне была дана возможность немного продвинуться в сторону технических секретов. Я часто слышал Пьера Френе, который спрашивал:

– Мы где? – Оператор отвечал:

– На 28, на 35, на 40, на 50 или 75, – в зависимости от плана, который собираются снимать.

Для меня эти цифры были китайской грамотой. Я захотел узнать, что это такое и, естественно, оператор мне объяснил. 28 – это когда снимают «большую панораму» и актеры видны во весь рост на фоне декора,

35 – актер виден по пояс, 40 – это уже ближе, 50 – еще ближе, 75 – совсем близко, крупный план, лицо, 100 – это так близко, что почти никогда так не снимают, лицо входит в кадр до корней волос. Эти драгоценные указания мне очень помогли, и я еще лучше понял фундаментальную разницу, которая существует между театральным и кинематографическим воплощением. Если вы знаете, что экран кино увеличивает ваше изображение в 36 раз, вы все поняли. Я даже скажу, что театральный актер и киноактер обладают не совсем одной профессией.

А сейчас, неопытный, но стремящийся научиться, я участвую в последних съемках (где я занят) фильма Ива Сиампи. Вынужденный наблюдать за Пьером Френе, я кончил тем, что так проникся этим замечательным персонажем, что стал имитировать его голос. Мне казалось, что я «попал» довольно верно, обезьянничая его особую манеру фразировки и артикуляции. Оказалось, уверяю вас, что совершенно случайно, я должен был сняться в длинной сцене монолога, где Большой Патрон, выйдя из декорации, просит интерна продолжать обход больных. Осматривая, диагностируя, утешая, приказывая, я должен был имитировать открыто Большого Патрона, чтобы впечатлить молодых экстернов и медсестер, которые раньше были с ним, а теперь следуют за мной. Смертельный номер! Очень интересно играть это! И очень трудно!

Снимали накануне вечером план, где Пьер Френе приказывает мне продолжать обход вместо него и выходит из зала. Сегодня он больше не снимается. Режиссер нам рассказывает, что он ожидает от одних и от других, а потом обращаясь ко мне, добавляет: «Ну... А теперь ты... и не забудь, что ты должен произвести впечатление на тех, кто тебя слушает. Имитируй Большого Патрона сейчас!»

Репетируем. Мой текст «отскакивает от зубов». Я несколько дней готовился к этой сцене. Я атакую, уверенный в себе, я говорю о трансплантации, об удалении аппендикса, поликистозе почек, как будто эти слова входили в мой ежедневный лексикон. Я ничего не упустил и выражался авторитетным тоном, который я внутренне считал сногшибательным. Очевидно, режиссер не разделял моего мнения. Мы возобновили сцену. Он мне настойчиво рекомендует больше имитировать Френе. Я умудряюсь делать это, но не осмеливаюсь опуститься до карикатуры. Я боюсь,

что надо мной будут смеяться или что режиссер разозлится, увидев, как я имитирую большого актера.

Мы снова репетируем (и только я). Синхронность наших движений с движением камеры должна быть превосходной. Последняя техническая репетиция, и будем снимать первый эпизод. И здесь Сиампи мне рекомендует в сотый раз и решительно: «Давай, не бойся... Имитируй Френе... Ты сделаешь это так же хорошо, как он... Ну, попробуй, по крайней мере... Давай, мотор!.. Поехали...» И я начал на самом деле. Эта последняя рекомендация Силами задела меня за живое... укус слепня. Я имитировал Френе, копируя его жесты, его голос и его интонации, делал паузы там, где я предполагал, он бы их сделал. Съемка мобильной камерой довольно длинная – четыре минуты. Я подошел к концу текста. Среди раскатов хохота, громких и всеобщих, я слышу слово «снято», выкрикнутое смеющимся Сиампи. Вокруг него вся техническая группа покатывается со смеху. Я тоже засмеялся, думая, что это была неплохая шутка. Ив Сиампи, отдышавшись, объявляет: «Эту пробу мы сохраним, я хочу ее посмотреть. Снимаем следующую». Нервный, но веселый, он отводит меня в сторону: «Это потрясающе... Это как раз то, что нужно сделать. Это как раз то, что я хочу... Это как раз то, что делает этот персонаж Марсийак, как только патрона нет за спиной, он его имитирует, воображая себя на его месте... Это так, ты понимаешь?.. А сейчас ты сделаешь то же самое, в точности, но уже своим собственным голосом. Я тебе разрешаю одну, две интонации Френе, но не больше. Ты понял? Давай, начали!»

И мы это сделали. Было три пробы «в ящик». Сиампи был доволен.

Назавтра я должен сниматься в сцене, где мало текста, нужно выразить некоторое количество намерений, более или менее точных. Схема проста: я один в хирургической, я изучаю какой-то документ, когда входит медсестра, она несет поднос с инструментами. Верх ее блузки расстегнут (упущение или уловка с ее стороны), я смотрю на ее декольте, когда она проходит мимо. Она ставит поднос. Я смотрю на ее грудь и действую. Я подхожу к ней и мило предлагаю разделить со мной вполне определенное удовольствие. Она отказывается. Я ее обнимаю. Она сопротивляется. Я держу ее за талию и увлекаю в сторону хирургического стола, куда ее опрокидываю, продолжая уламывать и обнимать. Медсестра защищается.

Я сильнее – и хочу, чтобы она подчинилась. Мы с ней знакомы и уже не однажды занимались любовью. Я ей напоминаю об этом. Она мне отвечает, что не любит грубиянов, и пытается освободиться. Я хочу ослабить свои объятия. Вдруг она вырывается и убегает из кабинета. Камера наезжает на меня – и в кадре мое лицо крупным планом. Я должен сказать что-то в том направлении, куда убежала медсестра. Сказать с досадой, с сожалением, с яростью и неизбежностью одновременно: «Ну, и убирайся, тварь!» Эта совсем маленькая реплика почти обозначила настоящее начало моей карьеры.

Пришло время попрощаться с командой «Большого Патрона». Мне немного грустно, потому что я чувствую, может быть, впервые – что мы сделали хорошую работу вместе. Пьера Френе нет. Ив Сиампи отводит меня в сторону: «Я хотел тебе сказать, что ты был великолепен. Все находят тебя замечательным. Ты исполнил свою роль даже лучше, чем я ожидал. Я скажу тебе: ты меня удивил... и я не один такой. Ты скоро увидишь... ты взорвешь экран вместе с Френе, когда фильм выйдет в прокат. Жан Клод, я повторяю, ты был замечателен». Он так убедительно это говорил, что я заплакал... как мальчишка. «Держи... чуть не забыл тебе отдать вот это от Френе». Он протягивает мне конверт. Я кладу его в карман и собираюсь покинуть площадку, как вдруг останавливаюсь в дверях от голоса Сиампи. Я возвращаюсь. Из глубины декорации он кричит мне радостно: «Ве-ли-ко-ле-пен!»

Я убегаю, наклонив голову, чтобы никто не увидел мои слезы, текущие по щекам. У меня было тяжелое ощущение, что я расстался с взаимной страстью, которую я больше не встречу... Позднее я открыл конверт. Три строчки: «Я верю в то, что вы сделаете прекрасную карьеру. Приходите ко мне в театр, мы поговорим об этом. До скорого. Френе». Я был у него в театре, мы поговорили. Но жизнь наполнена разными удивительными вещами. Не с ним, а с его племянником – настоящим – я продолжил диалог. Мы скоро его встретим. Это Ролан Лауденбах.

Глава десятая

Лето 1951. Мне не сидится на месте. Сиампи, конечно, мог мне сказать, что он находит меня замечательным, как это мило с его стороны

и вселяет бодрость – все, что угодно, но я бы предпочел сам наконец понять, что я такое на экране. Я хочу увидеть там, какая у меня физиономия – даже блондином! Цвет волос имеет значение меньше, чем голова, силуэт, голос, игра... Я умираю от любопытства.

Жан опять все организовал рукою мастера. Я не знаю, как это ему удалось, но он добился от организаторов фестиваля *Knokke-le-Zoute*, чтобы представили на международной премьере 7 июля «Суд Божий», а 10 июля «Их было пятеро». Когда он мне сообщает про это «двойное неправдоподобие», я отказываюсь поверить, прежде всего потому, что это кажется невозможным. Он показывает мне программу летнего фестиваля на бельгийском побережье – и, действительно...

5 июля отправляемся в Бельгию. Все рады, все милы и любезны, кроме меня. Я – комок нервов. Завтра демонстрация «Суда Божьего». Беспокойный, занятый собой, я почти не замечаю это прекрасное побережье... продуваемое всеми ветрами, эту «плоскую страну», которую так хорошо воспел Жак Брель, а я часто исполнял эту песню впоследствии. Я просто ничего не вижу. Я едва притрагиваюсь ко всем вкусностям, которые нам предлагают в ресторане «Резерв», великолепной резиденции *Knokke*, где целая плеяда звезд, приглашенных на фестиваль, веселится и шумит.

Я не очень-то любезен и стараюсь не раскрывать рта. Жан, понимая мое состояние, пытается занять время, привлекая меня к интервью и репортажам, следующим друг за другом. Перед фотографами мои улыбки, о которых меня просят, натянуты и похожи на гримасы. Я не могу расслабиться. Я паникую.

Наконец, наступает торжественный вечер. Я в смокинге и готов за два часа до начала. Я хожу кругами по комнате и поглощаю виски. Впечатление, что я пью воду. Жан, чья комната на том же этаже, приходит за мной. Мы отправляемся в казино. Он что-то говорит мне. Я курю сигарету за сигаретой и отвечаю односложно. Он советует мне сменить лицо (как будто это так просто). Я белый, как листок бумаги. Мы занимаем наши места в большом зале казино. Мне кажется, что люди рассаживаются слишком медленно. Ольга здесь, но без Эдвиж. Она хлопает меня по плечу и советует успокоиться. Я пытаюсь. Свет гаснет. Я замираю. Я в поту.

Начинается демонстрация фильма. Музыка Жозефа Косма прекрасна, изображение Роже Юбера замечательно. А потом... вдруг я вижу, как на экране появляется какая-то белая спаржа, которая двигается и говорит, как человеческое существо. Что? Это я... вот ЭТО! Я поражен, я столбенею от ужаса. Что-то во мне упрямо отказывается признать себя в этом неловком флюгере, который, кажется, собрал все недостатки, которые я замечал и критиковал у других актеров. Голос прежде всего: невыразительный и высокий. Невероятно! Я говорю с такой скоростью, что сам не понимаю половины сказанного. Я говорю невнятно один, два раза в каждом эпизоде. И потом этот тон, сухой и нервный... Я не слышал ничего хуже. А жесты? Не будем о них. Паяц, которого неизвестно кто дергает за ниточки. Я двигаюсь скачками, как автомат. Что касается походки, я в ужасе. Как... это я? Этот деревянный танцор, который прохаживается и покачивается, поводя плечами и бедрами, как выздоравливающий инвалид?

Я застыл, расстроенный и пораженный увиденным. И еще: «Моя физиономия!» Под гримом (тяжелым в те времена) она похожа на Луну с двумя круглыми дырочками – это глаза и еще две маленькие дырки – это ноздри. Остальное? Ничего. Выражение лица, как у доски для глажения. И потом эта светлая до плеч шевелюра, которая обрамляет то, что служит мне лицом, добавляет что-то женственное персонажу, которого я нахожу все более и более неприятным. Я в ужасе. Фильм скоро кончится. На экране сейчас утопят Аньес, а принц последует за ней, прыгнув с высокого утеса в темные воды Дуная. У меня сильное желание провалиться сквозь землю в спасательный люк. Я хочу убежать, мне стыдно. Но нет времени.

Свет зажигается, и зал взрывается продолжительными аплодисментами. Присутствующие долго выражают свое удовольствие.

(Я себя спрашиваю: они сумасшедшие или полные идиоты?) Потом все встают: обмен улыбками и рукопожатиями, следуют различные поздравления, всевозможные комплименты, хвалебные приторные оценки, которым нет конца. Жан и Ольга, которые прекрасно меня знают, помогают мне уйти незаметно. Мы идем в бар. Еще виски. Прежде, чем я успеваю что-то сказать, мне преподают урок: мы должны присутствовать на торжественном ужине. Что бы я ни думал об этом, я звезда мужского

пола этого фильма. И я должен играть роль юноши, который, не выражая чрезмерного удовлетворения, все-таки рад, что участвовал в съемках такой грандиозной ленты и т. д...

Вечер заканчивается поздно. Я сделал все, что мог, чтобы защитить цвета «Суда Божьего». Цепляясь за свою искренность, я настаивал на том, что мне казалось главным в фильме, то есть сюжет, постановка Раймона Бернара, удачные декорации Робера Жи, изумительное изображение Роже Юбера и потрясающие костюмы Розин Деламар. На этом я пошел спать. Ольга с Жаном отказались говорить о чем-либо, так как было поздно, разговор был бы бурным, тем более что я уж очень часто прикладывался к бутылке. Поговорим завтра.

Назавтра не было времени поговорить. Впрочем, что бы мы могли сказать? Когда фильм закончен и представлен публике, уже ничего нельзя ни убавить, ни прибавить. Жребий брошен. Жан, верный своей политике: «Воспользуемся любой оказией, будем их провоцировать, если нужно, чтобы заставить их говорить о Ж.-К. Паскале», – увлекает меня в водоворот встреч с фотографами и журналистами. Он прибавляет к этому интервью на радио. Он мне объясняет опять, что не стоит терять времени и закидываться на том, что мне не понравилось во вчерашнем показе, а скорее подумать о следующем показе: послезавтра «Их было пятеро». Он опять прав. Я подчиняюсь и играю в эту игру еще несколько дней.

Я хотел бы здесь открыть скобку – «Влияние алкоголя». Я знал, я знаю больших актеров, которые не могут играть в театре или перед камерой, не «приняв заранее (из предосторожности) что-то на грудь». Некоторые орошают свои обеды хорошим живительным бордо, кофе и *pousse-café*¹. Эта манера свойственна их натуре, и если они так успокаивают себя, нужно их понять. Что касается меня, я не способен проглотить хоть что-нибудь перед спектаклем, в театре или в кино. Но как только представление окончено, я наверстываю упущенное с радостью и с большим аппетитом.

Зато – и здесь я не совсем нормален – когда мне нужно встретиться лицом к лицу с незнакомыми людьми в обычной жизни, мне необходимо

¹ *Pousse-café* – арманьяк, коньяк, водка, ликер, ром. Подается после кофе.

«подкрепиться». Волнение актера перед выходом на сцену всем известно. Волнение индивидуума – это другое. Можно бояться, становясь другим. Можно бояться еще больше, становясь самим собой. Это как раз мой случай. Как только мне нужно встретиться с кем-то, от кого зависит то или другое решение, касающееся проектов (любого сорта), я чувствую, как меня охватывает беспокойство, и я прибегаю (умеренно) к тому, что поднимает дух. Я играл сцены, симулируя опьянение в девять часов утра в студии, выпив заранее две-три чашки черного кофе. Я должен был выпить три-четыре скотча, прежде чем встретиться с Орсоном Уэллсом¹, и два-три аперитива перед встречей с Сашей Гитри². На сцене я всегда натошак. В театре жизни мне нужно принять допинг, чтобы участвовать дальше в человеческой комедии. Закроем скобку.

10 июля вечером мы присутствуем на публичном показе «Их было пятеро». Будучи лишь одним из пяти героев этой истории, я меньше занимаю экран. То, что я вижу в этот вечер, меня немного успокаивает. Мне кажется, что я двигаюсь менее напряженно. Этот все еще блондин, которого видят и слышат, отдаленно напоминает меня. И если мой персонаж не совсем удался, я отмечу мимоходом, что его артикуляция стала намного лучше. Изображение неравномерное. Некоторые сцены освещены хорошо, другие недостаточно. Есть одна среди других, которая происходит в фуникулере на Монмартре. Я констатировал с сожалением, что во время долгих минут мое лицо было перечеркнуто поперек тенью от балок. Я вспомнил, что тогда во время съемок я заметил это и сказал главному оператору, что свет недостаточно освещает лицо. Он пожал плечами, занятый более важными вещами и считая явно, что моя ремарка неуместна. Сейчас, видя эту сцену на экране, я понимаю, что был прав.

Несколько лет спустя, когда я снимался в большом фильме, мне была дана возможность выбрать главного оператора по моему

¹ Орсон Уэллс (1915–1985) – американский актер, сценарист, продюсер. Автор 48 фильмов. «Гражданин Кейн», 1941, долго считался лучшим фильмом всех времен и народов. «Леди из Шанхая», 1947, комедия в жанре нуар.

² Саша Гитри – Александр Жорж Пьер Гитри (1885, С.-Петербург, Россия – 1957, Париж, Франция) – французский драматург, актер и философ, автор 115 пьес и 21 киносценария.

усмотрению. Мне предложили автора этой ошибки. Без всякого колебания я отклонил предложение. Он не будет снимать эту ленту. В жизни по обстоятельствам, которые, увы, случаются, я был вынужден прощать какие-то действия или поведение. Не однажды я стремился стереть оскорбление или злонамеренность, которые были очевидны, на мой взгляд, и старался их забыть. Но я с трудом прощал профессиональную ошибку. Требовательный к себе самому, как никто, я все еще полагаю, что имею право ждать того же и от других, и ищу взаимности в исполнении наших обоюдных функций.

Эта форма непримиримости в работе не всегда была оценена, и на меня часто сердились. Глупо было обижаться. Люди умные, те все прекрасно понимали. Не нужно было им долго рассказывать об основе моих требований: они разделяли мои идеи и шли иногда дальше меня в этом поиске «сделать лучше». Но еще не пришел час применить это на практике. Моя цель в этот момент жизни была учиться моему ремеслу, как кустарю-одиночке.

Я покинул Бельгию и вернулся в Париж для того, чтобы сменить чемодан. Я убрал смокинг и достал из ящиков старую летнюю одежду, которую я обожал. (Я до сих пор очень привязан к некоторым старым дырявым свитерам.) Я звоню Жану и Ольге и еще двум семействам, чтобы сообщить, что я исчезаю, чтобы перечитать в тишине мой текст «Женщины в белом». Мы начинаем турне через десять дней. Я звоню Рене Сен-Сир, чтобы предупредить ее о том, что меня не будет три-четыре дня, и чтобы она не волновалась. Я вернусь для репетиции пьесы в ее салоне, прежде чем уехать вместе для завоевания городов-курортов и летних казино.

Жан вне себя, рассержен и разочарован тем, что я уезжаю один и неизвестно куда. Я ему объясняю, что мне необходимо разобраться с самим собой, поставить точку. После всего этого шума вокруг моей персоны на бельгийском побережье вслед за показом двух фильмов мне надо немного отдохнуть. Я уезжаю. За рулем моего прекрасного американского автомобиля я провожу несколько часов, чтобы преодолеть километры, которые отделяют меня от места назначения: Канкаль. Почему Канкаль? Потому что это маленький очаровательный рыбацкий порт, расположенный

как раз напротив моего детства – там, на другом берегу залива Мон-Сен-Мишель. Я связан с этим уголком Франции, где я жил, счастливый и беззаботный, когда был маленьким.

Мои дедушка и бабушка с материнской стороны были обладателями пристанища у монахов знаменитого аббатства Мон-Сен-Мишель: замок Брион. Незадолго до войны они его покинули и купили себе другую собственность на берегах Луары. Часть моего раннего детства дремлет еще в этом месте. И когда мне нужно восстановиться, я инстинктивно направляюсь сюда. Я возвращаюсь сюда без печали, без сожаления и горечи. Я знаю, что невозможно возродить прошлое, но мне достаточно посмотреть на портик, окно, аллею, которая вьется к морю, чтобы (как будто это было вчера) заметить мальчишку в коротких штанишках, который прыгает в поисках сокровищ, которых он никогда не найдет. Это путешествие не навеивает меланхолию, и, – улыбаясь, я прохожу там, где бегали маленькие ноги.

Эти дюны, покрытые дроком и овечьими ветрами, этот песчаный берег жемчужно-серого цвета, отсвечивающий, как муар, полет чаек и куликов, странный крик ворон, запах йода, маки, спрятанные в траве, прыгающие сороки, лай собак вдалеке, убегающий заяц, камелии, растущие прямо на земле, курлыканье диких голубей, кукушка, стук клюва дятла о кору бука и необыкновенное небо именно здесь, а не везде. Этот удивительный свет, который придает формам особый рельеф. Все это вместе составляет то, во что иногда хочется окунуться. Не делая высокопарных аллюзий о птице-феникс, которая возрождалась из пепла, я думаю все-таки, что это погружение во вчерашнюю улыбчивую юность чрезвычайно благотворно для меня.

Есть только одно, чем я не могу поделиться. Я не хочу никого со мной рядом. Любое чужое присутствие разрушит мой мир. Это будет вторжением. Я был бы обижен нахождением еще кого-то и считал бы это святотатством. Надо было бы отвечать на вопросы, объяснять, рассказывать, вспоминать. Мне казалось бы, что хотят взломать дверь, которая ведет в мои тайные сады. Ревную? Не уверен. Исключение составляет только мое детство. Я не допускаю, чтобы касались моего утерянного рая.

Я обещал себе не касаться этой темы в своем рассказе, а потом... в процессе написания, невольно возникают образы. Если их отодвигаешь, они появляются вновь через пять-шесть страниц, упрямые, настаивающие, как будто они боятся, что их позабудут и отодвинут.

20 июля, я думаю, мы возобновили «Женщину в белом». Первый спектакль состоялся в казино «Динар». Мы перемещались на машине. Рене и один из ее друзей в одной, мы с Жаном в другой. Декорации и актрисы доставлялись отдельно. После каждого выступления, за ужином, мы намечали маршрут на завтра, изучая карту и отыскивая в Мишленовском¹ путеводителе самый лучший гастрономический этап. Все участники склонялись к хорошей кухне. Это турне превращалось в прогулку. Мы любили смеяться, шутить, развлекаться, и мы себя этого не лишали.

Я уже сейчас не помню, где это произошло, но я хочу вам поведать об одном эпизоде, который заставил нас безумно хохотать. Я вам уже рассказывал, что в этой пьесе Ашара мне надо было быть 50-летним в первом акте и 25-летним во втором. Седые волосы и брови, седые усы вначале, а затем у меня всего несколько минут, чтобы переодеться и привести в порядок воло, брови и усы. Чтобы выиграть время, я использовал черную краску для бровей и усов, после чего сушил все это при помощи кисточки. Не знаю почему, но у меня не было времени, чтобы подсушить краску. Я вышел на сцену с усами угольного цвета.

В какой-то момент Рене Сен-Сир и я обмениваемся страстным поцелуем. Как и каждый вечер мы исполняли (с удовольствием) это любовное движение, предусмотренное в этой сцене. Когда она высвобождается из моих объятий и отходит немного, чтобы сказать свою реплику, я неожиданно замечаю четкий отпечаток от моих усов над ее верхней губой. Не успевает она открыть рот, как зал разражается громким хохотом. Рене в замешательстве на секунду и не понимая, что вызвало эту всеобщую веселость, продолжает свой текст. Я же смотрю на нее в ужасе, ища способ предупредить и исправить как можно скорее этот невольный комический

¹ Гастрономический Мишлен – «Красный Гид». В 1900 году Андре Мишлен издал справочник автостоянок, сервисов техобслуживания, отелей и кафе. Его можно было купить на заправке. Тогда и появились первые звездочки. Звезду сейчас получает не только заведение, но и повар. Три звезды – высшая награда.

эффект. Я бросаю свои реплики, но думаю о другом. Она отвечает мне, играя и все еще не понимая, какой образ она дает залу, который не унимается и смеется все больше. На голове у нее большой капор¹, она одета в длинное кружевное белое платье. Но ее лицо украшено темной чертой как раз под носом.

Понимая, что только моя отвага может спасти положение, я, нарушая ритм обычной сцены, решаюсь взять ситуацию в свои руки и шепнуть ей на ухо совет стереть черноту. Видя, что я устремляюсь к ней, Рене не понимает почему, и перемещается на другую сторону сцены. Мы продолжаем обмениваться репликами. Зал покатывается от смеха и веселых восклицаний публики. Каждый раз, когда я приближаюсь к Рене, она хочет убежать. Она все еще не понимает, что происходит. Мы вынуждены играть комедию «Кошки-мышки». Рене удивлена и просто в восторге от того, что происходит в зале. Она показывает свою радость и должна бы себя спросить, почему так не было на предыдущих спектаклях.

Мы продолжаем обмен репликами, все еще на фоне смеха аудитории. В полном отчаянии, я пытаюсь показать жестами, что не так. Она смотрит на меня, слегка оторопев, так как я часто тру у себя под носом. Она думает, что у меня нервный тик. Она не понимает все еще. Однако смех в зале заразителен. Мне становится все труднее сохранять серьезность. Рене невозмутимо исполняет свою роль, немного снизив концентрацию. Наконец, фатально наступает момент, когда я не могу больше сдерживаться и захохоту вместе с залом. Рене, растерявшись, останавливается. Я пользуюсь моментом и направляюсь к ней большими шагами. Мне удается вырвать у нее платок, который она держит в руке. Затем, обняв ее почти силой, я начинаю вытирать ее лицо, повернувшись спиной к публике. Результат ужасен! Черная краска смешалась с ее собственным макияжем, и Рене выходит после моего объятия с широким серым пятном от уха до уха.

Зал гогочет. Зрители сгибаются от смеха на своих местах, а я начинаю икать и не знаю, куда девать глаза. Когда же безумный смех

¹ Капор – женский головной убор, удерживающийся широкими лентами, бант под подбородком.

становится всеобщим, занавес наконец падает, в сопровождении самой уморительной веселости. У меня и у Рене спазмы в животе из-за неутомимого смеха, который мы стараемся остановить.

Турне продолжается без сучка и без задоринки. Царит хорошее настроение. Каждый день другой город, отель, ресторан и зрительный зал. Мы проезжаем красивые места и останавливаемся, чтобы посетить аббатство, музей и т. д. Как и предполагалось, мои дедушка и бабушка с отцовской стороны переместились в Нормандию, чтобы посмотреть на своего внука на сцене. После спектакля они сидят у меня в ложе и молчат. Бабушка взволнована и вытирает глаза. Дед, который хочет показать свое хладнокровие, старается скрыть удивление и восхищение под маской достоинства. Влажные глаза и слегка трясущиеся губы выдают истину. Зная его хорошо, я чувствую, что он испытывает гордость. Он был, конечно, счастлив, как будто я получил Нобелевскую премию!

Мне кажется, что в Нери-ле-Бен произошло важное событие моего существования. Я мог бы обойти молчанием этот эпизод, но мне кажется справедливым осветить правильно и точно некоторые факты, которые отмечают издалека, как указатели, повороты моей жизни. Мы играли как обычно в этот вечер. Представление состоялось при полном зале, и мы были абсолютно расслаблены после великолепного ужина в отеле. Была лишь одна легкая тень: Жан должен был нас покинуть завтра и уехать в Париж для продолжения своей деятельности журналиста. Турне заканчивалось, через несколько дней мы встретимся вновь до моего отъезда в Рим, где я приму участие в фильме «Четыре красных розы». Съемки скоро начнутся.

Было довольно жарко в эти первые дни августа. Рене Сен-Сир, чтобы наше расставание не было печальным, решила предложить всем шампанского на террасе отеля после ужина. Отъезд Жана не представлял собой ничего драматического, но всегда тяжело прощаться, после того как провел две недели вместе, не только работая, но и отдыхая. Жан, не переносящий шампанского, предпочел виски. Мы удобно расположились: курили, пили и шутили, устроившись в уютных креслах. Лампы освещали террасу, сверкали звезды и луна, голубоватый прожектор, посылая сверху вниз свой свет. Эта мирная атмосфера нарушалась лишь нашим

продолжительным разговором. Нам было хорошо здесь на свежем воздухе. Мы заканчивали вторую бутылку шампанского. Можно было оставаться здесь еще долго, но Рене благоразумно напомнила о завтрашней дороге и решила пойти спать. Все встали. Обменявшись пожеланиями спокойной ночи, я было собрался ее проводить в холл отеля, когда Жан удержал меня:

– Ты можешь остаться еще на несколько минут, я только допью стакан...

Я снова сел в мое кресло рядом с ним и сказал:

– Я не хочу еще спать... И потом здесь так хорошо на воздухе, в этот час.

Ночь была великолепна. Я прекрасно это помню. Я положил голову на спинку кресла и закрыл глаза. Была феерическая тишина, и запах цветов порывами доходил до террасы. Жан предложил мне сигарету. Я покачал головой отрицательно. Я чувствовал себя спокойно, расслабленно, мои руки лежали на подлокотниках кресла. Я испытывал что-то вроде блаженства.

– Так ты отправляешься в Италию?

Я был далек от того, чтобы думать об Италии. Эти несколько слов вернули меня в действительность и сломали мой кайф.

– Ну, конечно, я еду в Италию... Съёмки должны начаться, я там буду после 15 августа.

– Съёмки будут длинными?

– Я не знаю точно... Ольга говорила о восьми неделях, но кто его знает...

– Это долго, два месяца!

– Ну, нет, это не долго... и потом мне очень интересно сниматься в Италии. После Венеции, Рим...

– Тебе там будет скучно.

– С чего ты взял, что мне будет скучно?

Страшный эгоист, я рассуждал в соответствии со своей ничтожной персоной, не ухватывая мысли, которую Жан пытался мне передать. Я был все еще с закрытыми глазами. И тут я ощутил руку Жана на моей, когда он мне сказал, бедняга:

– Это я буду скучать, ты знаешь!

Эта сердечная фраза меня бы, конечно, тронула, если бы она не сопровождалась жестом, которого я не ожидал и который неожиданно заставил меня вздрогнуть. Я заставил себя не убирать его руку, лихорадочно-горячую. Я молчал, ожидая, что последует за этим, и инстинктивно этого опасаясь. Через несколько секунд, видя, что я не реагирую, Жан убрал руку. Я вздохнул с облегчением, но что-то неуловимое изменило атмосферу. Мы сидели все также рядом, молчали, но все говорило о том, что мы уже не те, начиная с этого момента. Несмотря ни на что, положение вещей могло оставаться прежним, и я мог бы сломать эту тяжелую обстановку: встать и уйти спать.

Теперь, тридцать лет спустя, я говорю себе – то, что я услышал в тот вечер, было неизбежно. Рано или поздно возникло бы признание. Жан был не в состоянии хранить только в себе самом то, о чем он хотел бы мне сказать. Он желал изо всех сил, чтобы я принял некоторые вещи, надеясь, может быть, что я разделю это с ним. Страсть, с которой он предпринимал все, что было возможно, чтобы сделать меня «успешным», превосходила все границы в его упорстве. Он перебарщивал, действуя так, как можно естественно ожидать от усердного сотрудника – то есть настоящего друга – каким бы энтузиастом он ни был. Даже восхищаясь так называемыми качествами молодого человека, никто не мог бы сделать этого, не будучи охвачен неистовым и постоянным упрямством, источник которого он находил в патетической привязанности ко мне.

Я не был ни глупым, ни слепым. Я уже давно догадывался, что кроме глубокой и верной привязанности ко мне, он испытывает на мой счет чувство более точное, о происхождении которого мы подозревали оба, начиная с наших первых встреч. Поэтому, по общему негласному соглашению, мы никогда не обсуждали эту горячую тему, предпочитая, что он, что я, сохранять *status quo*, который я эгоистично и легко соблюдал с моей стороны. И вдруг в эту ночь, в свежести этой летней террасы, Жан «раскололся». Он мне рассказал, что его душило и почему он не разрешал себе признаться до сих пор. Он плакал, признаваясь мне в том, что расстраивало его рассудок и переполняло его сердце.

Я выслушал, не перебивая, этот поток слов и образов, льющихся каскадом один за другим из его рта. Он был не в состоянии их удержать. Плотина рухнула. Взволнованный, потрясенный тем, что я должен был услышать, я подождал, пока его голос утихнет и перестанет выражать свое смятение. Затем очень мягко, как только мог, я ответил ему не спеша, как брату, к которому сердечно привязан и которому хочешь помочь, зная – не лицемера, – что ты ему не скажешь того, что он ожидает услышать.

Он не вынес бы такого приговора от меня: «Между нами... это... никогда!» И тем не менее, во время долгих минут, я ухитрился сказать так, чтобы он это принял. Это не легко, не ранив, сказать кому-то, кто без конца вам доказывает свою преданность и отдает вам самое лучшее – себя самого: «Нет, спасибо, я не хочу!» Это могло бы очень больно и непоправимо ранить.

Сидя рядом с этим человеком, абсолютно обезоруженным теперь, после признания, я хотел избежать, как можно деликатнее, насыпать соль на эту открытую рану, но думал о себе – (всегда!). Я понимал важность уберечься от того, что могло быть впоследствии – угрызений совести. Я думаю, что моя знаменитая трезвость ума, которая, как часовой, дремлет, когда ей захочется, помешала мне тогда трусливо слукавить и дать ложную надежду. Во время серьезных коллизий в моей жизни я никогда не мог врать. Если я испытываю боль, вспоминая именно этот момент, я не чувствую никакого стеснения, отражая все то, что было. Сколько людей, более или менее расположенных, принимали желаемое за действительное. Мне кажется, пора им узнать правду. Не было ничего необыкновенного между Жаном и мной, необыкновенной была лишь наша дружба. Там родилась привязанность, ничего больше. Я утверждаю это здесь. Он, наверное, страдает от этого.

Затем, поняв, что я не сдамся, зная, что меня не переделать, он понемногу изгнал из головы, ценой невероятных усилий, то, что могло его задеть еще больше: поддерживать надежду, что было и останется невозможным. Был некий раздел между нами, ров, который мы так и не засыпали до конца. Отбрасывая идею установить этот мостик, который бы соединил нас так, как ему бы хотелось, мы шли параллельно, каждый на своем берегу, но двигаясь в одном ритме, немного прихрамывая. Дорога

была длинной, прекрасной, трудной, иногда жестокой. Тогда мы обменивались улыбками, как сообщники, над этой спящей водой, которая разделяла наши тела. Но отблеск изменчивых небес освещал наши души, вливая в нас силу и отвагу продолжать дорогу и идти к новым битвам, которые мы выигрывали вместе, связанные дружбой.

Ирина Лир

Тетраэдр

Роман в четырех частях (журнальный вариант)

*Посвящается светлой памяти моей мамы Евгении Шмуклер-Макаревич
и ее двоюродного брата Марка-Мордехая Бернштейна*

Продолжение, начало в № 9, 2023 г.

Грань вторая. Музей *(продолжение)*

Отношения со свекровью у Полины не сложились с самого начала. Родители Михи даже не были на свадьбе молодых. Мама Михи, сама врач-фтизиатр, пришла в ярость от того, что сын привел в семью туберкулезную больную.

Молодых приютила мама Полины, делившая с сыном его девяти-метровую комнату, полученную им от завода. Служебную жилплощадь мужа, ту самую комнату в подвале школы без воды и отопления, в которую они всей семьей вселились в 1944 году, мама потеряла вместе со смертью мужа. Ее отдали сменившему его новому директору школы. Они втроем, Полина, ее мама и брат, оказалась на улице. Мыкались по углам, снимали на последние деньги. Спасибо завод помог: выделил брату, как мастеру цеха и передовику производства, одну комнату в коммунальной квартире. Три кровати не влезло, да и денег на третью все равно не было. Поставили две: на одной Полина с мамой валетом, на второй – брат.

Вчетвером с Михой стало совсем тесно. Хорошо еще, что брат работал посменно. Когда он уходил в ночную, Полина с Михой занимали его кровать. Ну а когда брат работал в дневную смену или в вечернюю и ночевал дома, то они стелили себе матрас под обеденным столом.

Вот так вчетвером они промучились почти целый месяц. От постоянного бытового неудобства, недосыпа, психологического напряжения отношения стали портиться. Появились размолвки, обиды, ссоры. Так больше жить никто из них не мог. Полина с Михой вынуждены были уйти.

Два дня они продержались в студенческом общежитии, прячась от коменданта. Друзья-аспиранты пустили их за шкаф, передвинув в комнате

мебель. А на третий день Полина, неосторожно вышедшая в магазин, все-таки попала, и они с позором и угрозами были изгнаны на улицу.

Спас их дед Михи. Он пустил молодых в свой маленький домик около железнодорожной станции в Петровско-Разумовском, а сам вскоре перебрался жить к своему второму сыну. Просто чудо: в их распоряжении оказалась бывшая сторожка путевого обходчика. Одна комната с маленькой кухонькой. Нереальное везение, как это считалось по тем временам. А с тем, что это полчаса на электричке от института, вода из колонки в двухстах метрах от дома, угольная печь, уголь в сарае, туалетная будка через огород, справимся. Зато одни в своем гнезде. По тем временам о таком счастье большинство могло мечтать.

– Удачи вам в работе и успехов в личной жизни, – напутственно пошутил пришедший на новоселье Глеб, уже коммунист и тоже, как и Полина, аспирант кафедры.

Этот старенький деревянный домишко стал центром их жизни. В нем постепенно сформировалась их дружеская компания, в нем родились и подросли оба их сына. Этот домик запомнит большой праздник по случаю вступления Полины в Коммунистическую партию Советского Союза, а через три года после окончания института – по случаю успешной защиты кандидатской диссертации, а потом – по случаю получения должности доцента.

«Может быть, так и должно выглядеть мое счастье: дом, семья, муж – коллега и единомышленник, друзья, интересная работа», – думала Полина.

С конца 50-х годов на кафедре сложилась традиция: в субботу молодые преподаватели, аспиранты и сотрудники едут к Михалинским на дружескую вечеринку. Интересные интеллектуальные разговоры и споры, авторские песни под гитару, дружеская атмосфера и, конечно, вкусный стол. Полина любила и научилась принимать гостей. Каким образом двадцать, а то и больше человек размещались в двенадцатиметровой комнате и пятиметровой кухоньке, нормальными законами физики объяснить никто не мог. Оставалось разве что вспомнить гипотезы об искажении пространства и расширении Вселенной и предположить, что именно в этом домике открывается соответствующий портал. «Михалинская аномалия»

– так единогласно был назван этот феномен, сохранившийся в фольклоре кафедры.

Однажды по старой памяти к ним простодушно присоединился Глеб, уже молодой декан факультета. Красиво пошутил, связав свои сибирские корни, аномальность тунгусского феномена и феномен михалинской аномалии. Однако эта шутка не разрядила атмосферу. Присутствие высокого начальства вызывало напряжение среди молодых сотрудников и подчиненных. А Глеб сделал тогда для себя рабочий вывод, во многом определивший его дальнейший стиль работы: капитаны пьют только с капитанами.

Изредка «на огонек» михалинской аномалии заглядывал отец Михи – профессор химии, уволенный из физико-химического института в безумии священной войны с «безродными космополитами».

«Подзарядить аккумуляторы», – так в шутку называл профессор Ханин свои визиты.

Ему были рады. Удивительным образом он вливался в молодежную компанию, участвовал в дискуссиях, сам рассказывал интересные истории, делился полезной информацией – и общежитейской, и профессиональной. Обычно после его визитов как-то легко и плодотворно думалось, рождались новые научные идеи, исследовательские проекты, серьезные работы. Отставная кавалерия по-прежнему была в седле. Несмотря на принадлежность к разным поколениям и частенько расходившиеся взгляды на жизнь, с ним было легко, интересно и естественно.

И мало кто из той молодежной компании задумывался об истории этого человека. Для них она была в прошлом. А прошлое потому и прошлое, что уже прошло. Они смотрели вперед. Жили в настоящем и строили светлое будущее. Лучшее в мире будущее. Они верили в себя. Они собирались жить при коммунизме.

Миха закрыл альбом с фотографиями и вернул его в шкаф.

– Удивительное дело: казалось бы, просто бумажные картинки, а переносят в прошлое, и оно опять оживает. Как будто мы путешествуем в машине времени, – сказала Полина.

– Знаешь, мой отец много думал о времени и говорил со мной об этом на склоне своих лет. Он считал, что мы ошибочно называем наш мир

трехмерным, ведь фактически мы постоянно перемещаемся в четырех измерениях: в трех пространственных и еще в одном временном. Путешествуем из прошлого в будущее и обратно с промежуточной станцией в настоящем. Уникальность этого движения по оси времени в том, что для его реализации не требуется никакого топлива, кроме энергии мысли, и никакого транспортного средства, кроме желания, при этом само перемещение происходит мгновенно, а покрываемое расстояние безгранично. Просто удивительно, что вот такая фантастическая «машина» реально существует, причем встроена в каждого из нас от рождения, – ответил Миха.

– Это два принципиально разных вида движения: в пространстве и во времени. В первом случае перемещается физическое тело по законам механики, а во втором – перемещается информация не очень понятно каким образом. Вот, например, обязательно ли нужен для этого физический объект? Допустим, что эти наши фотографии сейчас исчезнут. Тогда воспоминания все равно останутся с нами, и наше прошлое продолжит существовать. Для нас. А для наших внуков его не было и не будет до тех пор, пока мы им не расскажем. Но их прошлым станет вовсе не то, что мы им рассказали, а то, что они услышали и как сумели это понять. И обе эти картины будут серьезно отличаться, причем чем больше расстояние, тем сильнее отличие. Получается, что, путешествуя во времени, человек сам создает свой мир из того, что он пережил реально или виртуально, – задумчиво проговорила Полина.

– Да, похоже, что так. Человек воспринимает события через фильтр мыслей и эмоций, которые эти события в нем вызывают. И живет в этом своем субъективном мире. Сколько людей, столько миров. Поэтому у каждого своя правда. Мне так кажется, – ответил Миха.

– А как же объективная реальность? Она вообще существует? – спросила Полина.

– Не знаю. Если где-то как-то и существует, то, похоже, не слишком доступна конкретному человеку. Может быть, поэтому мы без конца воюем друг с другом за все: за ресурсы, за идеи, за правду. При этом стараемся сохранить свое видение мира и передать его дальше детям и внукам: делаем фотографии, пишем мемуары, собираем музеи, – ответил Миха.

– Ну да. Это же способ развития – сохранение и передача информации. Мы можем только рассказать, что и как с нами было, и надеяться, что музей это сохранит, а кому-то это пригодится. Его ответственность – что из это взять, как интерпретировать и как использовать, – подытожила Полина.

– Кого «его»: музея или человека? – не понял Миха.

– Обоих, – уточнила Полина.

Миха сел за пишущую машинку, заправил чистый лист бумаги и застучал по клавишам: «Наша семья принадлежала к той группе людей, которую социологи называют научно-технической интеллигенцией: ученые, инженеры, врачи, организаторы и руководители производства. Эти люди, поколениями отдававшие стране свои знания, опыт, умение работать и создавать, построили советскую науку и промышленность. Они же сделали возможным восстановление и развитие экономики Советского Союза после всех его катаклизмов и войн».

Миха остановился, убрал руки с клавиатуры машинки и задумался: «Почему же так получилось, что эти специалисты, видевшие свой гражданский долг в процветании страны и честно исполнявшие его, так тяжело жили и массового страдали от ложных обвинений и необоснованных репрессий власти? Они даже не считались отдельным классом общества. В победившем рабоче-крестьянском государстве их, людей умственного труда, считали некой социальной прослойкой, не имеющей собственных интересов, а лишь служащей коренным интересам рабочего класса.»

– А здесь военные фотографии, – сказала Полина, открывая следующий альбом.

– Да, там вперемежку мои фронтовые и отцовские. Давно собирался разобрать. Мы с ним оба до Германии дошли, – кивнул головой Миха.

* * *

Отец Михи, профессор Ханин был крупным специалистом по химии порохов и много лет возглавлял научную лабораторию в физико-химическом институте. Воевал, имел награды. А в конце войны был командирован к группе специалистов, занимавшихся в Германии отбором и

демонтажем немецкого промышленного оборудования с целью его использования в России.

«Как удивительно распределились приоритеты, – думал профессор Ханин, возвращаясь как-то вечером к себе в часть после утомительного рабочего дня на большом химическом заводе. – Советский Союз возит оборудование, а американцы собирают документацию, охотятся на ценную секретную рецептуру немецких фирм».

Профессор был совсем не уверен в правильности того, что наши делают. Может быть, экономически было бы более выгодно не разрушать немецкую химическую промышленность, а обязать побежденного противника поставлять продукцию в Россию в качестве репараций? И шире использовать немецкий опыт при восстановлении старых и строительстве новых более современных заводов? А может быть, это политическое решение, и сейчас так правильно? А будет ли это оборудование эффективно использовано в СССР? Оборудование современное и весьма ценное, состояние хорошее, вполне рабочее, но сумеет ли огромная страна организовано и целенаправленно внедрить его?

От раздумий его отвлек неприятный скрип качавшейся на ветру незакрытой оконной рамы. Оказалось, что он проходит мимо развалин разбомбленного дома. Среди битого кирпича, осколков стекла и обломков мебели ветер гонял клочья бумаг и листал несколько книг. Справочники по физической химии, термодинамике, органической и неорганической химии, химической кинетике, физическим и химическим константам. Возможно, в этом доме жил химик или была лаборатория. Книги были густо запорошены кирпичной пылью, но целые и еще сухие под только-только начинавшимся дождем. И советский ученый их спас. Видимо, Провидение предназначало им дальнейшую жизнь. Так шесть немецких химических справочников перешли к их законному правопреемнику, к российской науке, выросшей, как известно, из немецкой научной школы.

Опасения профессора относительно судьбы оборудования оказались обоснованными. Часть приборов и аппаратов действительно продолжила работать в научных институтах, лабораториях и на промышленных предприятиях, где было смонтировано сколько-то цехов. Однако значительное количество так и не дошло до места своего предполагаемого

использования. Студенты, возвращавшиеся на кафедру после производственной практики на различных химических заводах страны, даже в конце пятидесятых годов рассказывали об огромных горах ржавеющего оборудования, просто сваленного вдоль железнодорожных путей еще в 1945 году.

А вот подобранные тогда в развалинах книги сыграли в жизни своего спасителя роковую роль. Бдительные товарищи из Первого отдела обвинили профессора в том, что он оставил себе эти книги для пользования. Действительно странно получается: профессиональные справочники и почему-то оставлены для пользования! Простите, а для чего они нужны? Просветите, пожалуйста, несмышленного профессора. Ах, я их оставил себе. Да, книги стоят у меня в кабинете в шкафу, но ведь стоят открыто, и любой сотрудник лаборатории может ими воспользоваться. Заметьте, стоят на работе, а не дома.

– Не радуйся, домой мы к тебе тоже придем, – пообещали ему товарищи.

Они действительно пришли. Тем же вечером. С обыском. Грубые и злые. Все перерыли. И наконец нашли, по их мнению, компромат: официально изданное государственным издательством и свободно продававшееся в книжных магазинах «Руководство по переплетению книг» и игрушечную типографию с буквами из резины, с помощью которой можно было напечатать текст из трех-пяти слов. Эта игрушка когда-то была куплена в магазине «Детский мир» для тогда еще маленького Михи, а теперь стала уликой при обыске и аргументом обвинения.

Наконец они ушли. Разбитые стекла книжных шкафов, вывернутые и разбросанные на полу книги, разрозненные листы, в беспорядке вытряхнутые на пол из разных рабочих папок, зачем-то оторванная обивка мягкой табуретки, почему-то именно табуретки, сорванные со стены часы, упавшие на один из томов коричневого шеститомника Шолом-Алейхема. «Вероятно, так выглядели дома после погромов», – промелькнула ассоциация. Зато пока живы. Надолго ли? Впрочем, обвинение необоснованное. Ну и что? Брат жены, высокий чин в правительстве Дагестанской АССР, расстрелян без суда и следствия просто по ложному обвинению завистливых соседей. Его семье вернули одежду и заставили заплатить за

хранение. Но это было в 37-ом. Ежовщина. Разнарядка. А сейчас начало пятидесятых. Другое время. Нет, не другое. Другое название политической кампании, а по существу... «Неладно что-то в датском королевстве». Великий Шекспир, четыре века прошло.

Порыв ветра ворвался в комнату, громко стукнув рамой незакрытого окна, и зашелестел на полу бумагами. «Осколки стекла, обломки мебели, собирающийся дождь, ветер гоняет клочья бумаг и шелестит раскрытыми книгами», – всплыла в мозгу та военная картина. Не хватало только битого кирпича и красно-коричневой кирпичной пыли.

После обыска профессор Ханин долго стоял у окна, смотрел на пустынную ночную улицу и думал о Михе, о семье, о странностях жизни. Вот трехлетний Миха отчаянно старается четко произнести свое полное имя Михаил. Детские, еще не полностью развитые лицевые мышцы не слушаются. «Миха» уже получается хорошо, чисто, а вот дальше трудно, пока не идет. Вот Миха школьник. В магазине детских игрушек они покупают очередной конструктор. Да, и этот набор для авиамоделизма мы тоже возьмем: Миха увлечен техникой. Это хорошо. У него явные способности к этому делу. Недавно он сам собрал радиоприемник. Еще немного подрастет – нужно будет выписать ему популярные технические журналы. Он уже сейчас много и с удовольствием читает. Ты спрашиваешь, что это за яркая коробка там на полке? Будьте любезны, покажите нам, пожалуйста. Да, понятно, это набор для печати слов: касса букв из резины и специальный штамп. Из букв можно набирать слова и с помощью штампа печатать предложения. Как в типографии. Хорошо, дорогой, купим тебе на день рождения, раз тебе это интересно.

А теперь у него очень серьезная проблема от того, что он купил ребенку игрушку в государственном магазине. Как это может быть? А как справочники по химии могут быть криминалом? Даже трофейные из Германии. В сорок пятом году сосед этажом ниже привез с фронта коллекцию настенных и напольных часов. Собрал в брошенных домах Германии почти пятьдесят штук. Этот сосед до сих пор благополучно живет рядом. Никто его не трогал, хотя о коллекции знают все. Многие ее сами видели.

А коллекция у него была занимательная. Тогда, в сорок пятом, из-за неточности хода некоторые часы отставали, некоторые торопились,

какие-то больше, какие-то меньше, но все показывали разное время, отличное от настоящего точного. Соответственно били они тоже вразнобой, каждый в свой момент и на свой лад, кто раньше, а кто позже положенного. Их переключка продолжалась минут двадцать, и сосед приглашал друзей и знакомых посмотреть коллекцию и послушать этот странный концерт.

– Думайте, как настроить послевоенную жизнь, чтобы не получилась вот такая какофония, – как будто сигналило людям Время.

Но его никто не понимал. Смутное было время. Послевоенное. Разруха в хозяйстве. Разброд в умах. Неопределенное будущее, то ли дающее надежду, то ли пугающее.

Получается странная вещь: часы, даже целую коллекцию, можно, а шесть рабочих справочников и эту детскую игрушку нельзя. Не понятно. То есть какие-то игрушки можно, а какие-то нет? Или покупать можно, раз государство продает, но опасно держать дома? Или кому-то можно, а кому-то нельзя? Просто какой-то театр абсурда. Хорошо зрителю. Может уйти, если спектакль не нравится. А вот актеру приходится играть до конца. Рискуя жизнью. Вопрос: что движет драматургом писать такие пьесы?

Так, в размышлениях и воспоминаниях у окна, прошла первая после обыска ночь. Первая в череде таких же бессонных в ожидании развязки. Начинало светать. В жилом доме напротив одно за другим зажигались окна. Просыпались люди. У них начинался новый день. А у него? Вспомнился старый анекдот о том, как некто раньше жил напротив тюрьмы, а теперь живет напротив своего дома.

Не посадили его только потому, что его педантичная жена сохранила и нашла квитанцию о покупке, на которой крупными буквами было напечатано название магазина – «Детский мир», игрушки – «Детская типография», и рядом номер артикула изделия. Жена вооружила этой квитанцией очень серьезного адвоката. И к ним в их «темное царство» все-таки пробился луч света. А он годами ворчал на жену, называл Плюшкиной и требовал не собирать в доме мусор.

Ему повезло, он еще легко отделался. Они конфисковали книги, а его подвергли «суду чести» и уволили из института. Если бы была

серьезная провинность, то суд и наказание были бы совсем другими.

«Папа долго был без работы и закончил свою трудовую деятельность мастером на рубероидном заводе», – написал Миха в своих воспоминаниях, оставленных внукам.

Зато в советской науке стало еще на одного «безродного космополита» чище.

* * *

– Кони сытые бьют копытами, – пошутил заведующий кафедрой, заходя к Ольге Фоминичне в лабораторию.

– Ребята к новогоднему застолью готовятся, – объяснила она, с удовольствием наблюдая за возбуждением и суетой, царящими среди младшего поколения кафедры.

Молодежь активно обсуждала меню новогоднего стола и программу веселья. Женщины планировали заливную рыбу и утку с черносливом и яблоками. Мужчины горячо спорили, какое вино покупать и сколько. Ведь к рыбе идет белое, а к мясу и птице – красное. Так что, покупать разное или то, которое любит большинство? Где собираемся, всем было понятно. Конечно, у Михалинских, в их, нет «в нашей» аномалии.

– Счастье, что их наконец-то занимают такие вопросы. В добрый час. Значит, дожили. Есть возможность планировать и выбирать. Пятнадцать лет прошло после той страшной войны. Значит, жизнь наладилась. Пусть не у нас, а у следующего поколения, но мы создали им базу. Значит, мы победили еще раз, – думала Ольга Фоминична.

Она помнила их послевоенными студентами, когда они сдавали кровь за талоны на хлеб, полагавшиеся донорам, а уже поев, по привычке голодного военного детства, продолжали собирать хлебные крошки со стола. «Техника продовольственной безопасности», – ходило среди них тогда такое выражение.

«Смотри, ты всю жизнь как на войне и каждому достижению радуешься, как фронтовой победе. Разве это нормально?» – спросила себя Ольга Фоминична.

* * *

– Зайдите ко мне, – голос нового заведующего кафедрой в телефонной трубке звучал сухо и требовательно.

Полина напряглась: тон настораживал и не предвещал ничего хорошего. Тем более, они с заведующим и так не очень ладят. Ему не нравится тема, которой занимается Полина. Неперспективная, считает он. Даже одного из аспирантов забрал. Идти в кабинет на очередную битву ей совсем не хотелось, но выбора не было.

– Я пригласил Вас с тем, чтобы..., – начал свою речь заведующий.

«...сообщить вам пренеприятнейшее известие», – ассоциативно отозвалась в сердце Полины цитата из Гоголя.

– ...чтобы познакомить с циркуляром Комитета по науке и технике, – продолжил заведующий.

И он с видимым удовольствием сообщил ей, что 1961 год объявлен Организацией Объединенных Наций Международным годом здравоохранения и медицинских исследований. В соответствующих международных документах, подписанных в том числе и советским представителем, говорится: «...оказывать техническую и финансовую помощь центрам и учреждениям, проводящим научно-исследовательские работы, координацию научных исследований, подготовку научных кадров, сотрудничество между странами для координации программ...» А это значит, что кафедра, разумеется, не может остаться в стороне от решений партии и правительства.

Радость заведующего была Полине понятна. Для него, специалиста по физиологически активным соединениям с большим опытом работы в области фармацевтической химии, это была редкая удача, попутный ветер, да еще силы мирового уровня. «Мейнстрим», как начнут говорить в институте в девяностых годах.

А вот для Полины эта новость была однозначно плохой. Она занималась совсем другим. Фотохромными соединениями. Удивительными, должно быть, волшебными веществами, способными под действием света обратимо изменять свои физико-химические свойства: цвет, оптическую плотность, показатель преломления, электропроводность, растворимость, реакционную способность и, наверное, что-то еще. Захватывало дух при мысли о прикладных возможностях.

Проблема была в том, что эта тематика и раньше-то не очень приветствовалась новым заведующим, очень далеким от этих вопросов, а уж

теперь, в свете «текущего момента», как это называется на бюрократическом языке, тем более оказывалась «в загоне». Полученный циркуляр давал ему все основания и административные возможности направить основные силы и финансы на то, что объявлено приоритетным. То есть, в переводе с чиновничьего языка на общежитийский, его тематика получала законный зеленый свет за счет остальных.

– Вашу тему нужно закрывать. Вы коммунист и работаете в государственной организации. Разумнее заниматься тем, что диктует партия и правительство, а не отвлекать государственные средства и рабочее время на удовлетворение собственного научного любопытства, – жестко заявил Полине заведующий кафедрой.

– Конечно, разумнее. Особенно, когда личные интересы оказываются в русле государственных, – недипломатично вырвалось у прямой и честной Полины, потерявшей самообладание под угрозой закрытия ее темы.

А вот это уже было явно лишним. Прозвучавший подтекст был услышан, понят, и правда сильно задела собеседника. Отношения, которые можно было постараться удержать в рамках профессиональных разногласий, теперь переросли в личную неприязнь.

Вечером дома расстроенный Миха рассказывал, что защита его диссертации отложена на неопределенное время. Сегодня Ученый совет его института вывесил план защит на ближайший год. Вопреки предыдущей устной договоренности, Миха в этом списке вообще не числится. Он ходил сегодня к Ученому секретарю выяснять причину. Надеялся, что, может быть, случайно пропустили. Ведь было же запланировано. И предзащита прошла успешно. Стоял вопрос только о дате защиты. Но оказалось, что нет, не пропустили. Места Михе не хватило. Перегружен совет соискателями.

– У меня тоже неприятности на работе, – пожаловалась Полина и рассказала о сегодняшней стычке с заведующим.

Прямые и порядочные люди, Михалинские не сразу связали между собой события того дня, хотя, разумеется, знали, что новый заведующий пришел на кафедру из химико-фармацевтического института, где все еще сохраняет за собой полставки. Там под его началом теперь работает Миха,

которому спустя почти десять лет после окончания института наконец-то разрешили перейти с производства на исследовательскую работу.

Только позже, когда от Полины ушел аспирант, переключившийся на другую тему, и в институтский альманах впервые не приняли ее очередную статью, а защиту Михи опять отложили, они поняли, что против них ведется война. Ну конечно, они же оба «в одной лодке».

Миша занимался как раз синтезом новых лекарственных препаратов, и его работа была вполне в русле мейнстрима, но его научной карьере это обстоятельство не помогало. Война заведующего с Полиной была по обоим Михалинским. Служебные рычаги у него имелись на обоих фронтах. Но оставить свою тему Полина не могла. Эксперименты давали интересные результаты и требовали продолжения.

Собравшись с силами, Полина вступила в войну на выживание. Работала одновременно на трех фронтах: преподавательская деятельность, научная и еще общественная. Она же коммунист. Партия требует. А дома по ночам начиналась четвертая смена...

...Сегодня они засиделись за полночь на кухне. Писали совместную статью. На столе среди разложенных листов дымились две кружки горячего чая.

В комнате проснулся и заплакал ребенок. То ли что-то приснилось, то ли почувствовал, что родителей нет рядом. Полина завернула малыша в одеяло, взяла на руки и принесла на кухню, чтобы продолжить работать с Михой над статьей.

«Хиральность, изомерия, гиперконъюгация, ангидрид, гомолог», – слушал малыш странный разговор родителей, вновь засыпая в безопасности материнского тепла.

Миша смотрел на жену с сыном на руках. Праматерь с младенцем.

«Вот, смотри: третье поколение химиков твоей семьи впитывает первые слова профессионального языка», – шепнуло Михе Время.

* * *

Полина закончила лекцию, ответила на вопросы и покинула аудиторию. Она устала, но была довольна собой: ее лекции пользуются спросом у студентов. Сегодня опять был полный зал, приходят даже с других потоков. Слушают внимательно, в глазах интерес, вопросы задают

серьезные. Приятно. За прошлый семестр она была признана лучшим лектором института.

По воспитанной жизнью скромности и требовательности к себе она даже не догадывалась, что еще много раз за свою многолетнюю педагогическую деятельность будет получать это звание, что конспекты ее лекций будут сохранять после сданных экзаменов и использовать в работе, что ее лекции будут переписывать еще долгие годы даже после того, как она прочтет свою последнюю лекцию в возрасте 70 лет.

Полина просто не думала об этом. Готовясь к лекциям, она искала, как сложное объяснить просто, интересно, образно, на каких ассоциативных примерах. Как сделать сложные вещи наглядными и доходчивыми.

И еще она думала о том, что ее научная работа под большим вопросом. Угроза закрытия темы висит дамокловым мечом, изводя Полину и мешая работать. Защита докторской откладывается на неопределенный срок. Она не входит в планы кафедры, о чем заведующий заявил прямо и категорически. Поэтому он требует бросить многолетние исследования фотохромных соединений и заняться лекарственными препаратами. Тем, что имеет конъюнктурный спрос. «И близко ему лично», – понимающе добавляла про себя Полина, но помалкивала, следуя рекомендации свекра.

– Послушайте меня, старика: не всегда полезно быть правым, иногда хорошо быть мудрым, – посоветовал им как-то отец Миши, заглянувший позаниматься с внуками в выходной день.

Она вернулась в лабораторию. На столе лежала записка, что звонила секретарша проректора. Полина перезвонила. Оказалось, что Полину вызывает проректор. Секретарша назначила ей время визита.

Поднимаясь в главный корпус, а потом сидя на кожаном диване в обшитой дорогим деревом приемной проректора, Полина, разумеется, размышляла, зачем ее вызвали. А еще она удивлялась стремительной карьере, которую делает Глеб. Из них троих, одновременно поступивших в этот институт и закончивших полный курс обучения, Миша однозначно самый умный, а у Глеба был самый низкий старт. И вот: Глеб уже проректор, Полина – доцент, а Миша – всего лишь научный сотрудник без степени. Его многие годы продержали на производстве, не подпуская к академической деятельности, пока наконец-то разрешили перейти в научно-

исследовательский институт, а сейчас не дают защитить уже готовую кандидатскую. Почему вышел такой расклад?

Секретарша пригласила Полину в кабинет. Глеб встретил ее дружески-приветливо, но из-за стола не вышел, показывая субординацию. Сразу перешел к делу.

– Есть указание министерства о реорганизации структуры института. Будет учрежден новый факультет. Общетехнический, объединяющий двадцать семь общинженерных кафедр и координирующий обучение всех студентов первых трех курсов. Мне нужен декан, на которого я могу положиться. Я рассчитываю на твое согласие.

– У меня нет опыта такой организационной работы, – прямо и честно ответила Полина.

– Не страшно. Опыт – дело наживное. Сможешь советоваться со мной. Всегда помогу, – обнадежил Глеб.

«Понятно, ищешь марионетку. Хочешь контролировать двадцать семь кафедр», – промолчала Полина и попыталась отказать, сказав:

– Боюсь, что не справлюсь. У меня очень большая лекционная нагрузка и еще научно-исследовательская работа.

– Твоим фотохромам эта должность пойдет только на пользу. Твоя кафедра есть в перечне входящих в новый факультет. Ее заведующий окажется у тебя в подчинении, – парировал Глеб.

– Ты знаешь, что между нами происходит? – удивилась Полина.

– Я должен знать, что происходит во вверенном мне институте, – ответил Глеб.

«Ого, как он формулирует: вверенный ЕМУ институт! Прямо «оговорка по Фрейду». Точно уже видит себя ректором. Но для меня это, пожалуй, единственный реальный выход ограничить власть заведующего и предотвратить закрытие темы», – раздумывала Полина.

– Значит, решили, – добавил ее Глеб. – Скоро выйдет приказ об открытии конкурса на замещение вакантной должности декана. Подашь документы и можешь больше не обращать на него внимание.

– Какой конкурс? – не поняла Полина.

– Это выборная должность. Я должен объявить конкурс, – объяснил Глеб.

* * *

Полина сидела в сквере рядом с институтом. Отдыхала на нежарком московском солнце конца июня. Закончилась летняя сессия, а вместе с ней почему-то и череда дождей, и теперь можно было спокойно передохнуть на воздухе.

Позади первый год ее деканства. Было очень тяжело, незнакомо, непонятно, и, пожалуй, не все она сделала правильно. Признает, что были ошибки, недочеты и промахи, но общем-то она справилась. Лекционную деятельность, конечно, пришлось сильно сократить, а вот в исследовательском плане она здорово продвинулась. Ну да, лучшая помощь – это не мешать. Ее прежний начальник-противник, а теперь подчиненный, демонстрирует абсолютную лояльность. Похоже, ищет дружбы или хотя бы примирения. И еще аспирант толковый подключился. Если никто и ничто дальше не помешает, то, пожалуй, через два года они оба смогут защитить. Аспирант – кандидатскую, она – докторскую. Вот будет подарок ей на пятидесятилетие! Да, даже как-то страшно представить: ей будет пятьдесят.

* * *

На четвертом году своего деканства она действительно вышла на защиту. На пять лет позже, чем могла бы, сложились обстоятельства по-другому.

Полина была страшно напряжена. До дикой боли в затылке, до бешено колотящегося сердца тоже почему-то где-то там в затылке. Ее волновали двое из присутствовавших в зале: заведующий кафедрой, так возразивший против этой защиты, и подсевший к нему незнакомый Полине человек, на протяжении всей защиты обменивающийся репликами с заведующим. Среднего роста, ничем особо не примечательный, этот незнакомец настораживал именно той явной доброжелательностью, которую проявлял к нему заведующий. А потому ничего хорошего от этой пары Полина не ждала.

Ученый совет положительно оценил ее работу. Выступавшие оппоненты отмечали серьезность и глубину исследований, научную и практическую значимость полученных результатов, перспективность их применения в лазерной технике и для создания устройств обработки оптической информации.

В конце защиты заведующий взял слово для выступления. Удивительно, но он говорил, что много лет знает Полину как высокого профессионала, что эта работа пионерская, имеет большую научную новизну и технологическую перспективу.

– Я горд за нашу кафедру, где проводятся такие исследования, – с пафосом заявил заведующий.

– Ну да, а кто столько лет меня мучил? Кто всячески мешал? Кто категорично заявлял, что этой защиты не будет никогда? Сколько здоровья мне стоила эта война! Как будто жизнь человека бесконечна, а силы и нервы беспредельны, – прошептала Полина Михе, сидевшему рядом с ней.

– Разве ты его не поняла? Он же исповедует идею древних: победителей не судят, к ним присоединяются, – тихо ответил Михе.

А уже после защиты Полине рассказали, что неприметный незнакомец руководит серьезным подразделением в военно-химической промышленности, что специально приехал детально ознакомиться с результатами работы и что заинтересован в той технологии, которую разработали Полина с ее аспирантом на основе новой реакции, ими же открытой.

Заведующий кафедрой не скрывал своей радости, предвкушая золотой дождь перспективы совместных работ с военно-промышленным комплексом.

На двойном торжестве по поводу пятидесятилетия Полины и присвоения ей звания профессора среди множества роскошных поздравительных адресов самая шикарная папка будет именно от заведующего.

* * *

Этажерка с заморскими фруктами стояла на улице у входа в обычный московский овощной магазин и вызывала оторопь прохожих, собирая вокруг себя толпу. Удивляло сразу все: и этот необыкновенный ассортимент, и вот так просто стоящие на улице продукты питания, и тот невероятный факт, что они даже вообще никем не охраняются.

Свежие ананасы, диковинные кокосы, виданные только в книжках по географии, необычно красивые отборные бананы, незнакомые оранжево-желтые плоды округлые с одного конца и чуть вытянутые с другого, и еще что-то неизвестное – овальное, зеленое – в прозрачных пластиковых коробках. Уже сам факт того, что вся эта экзотика вообще «имеет место

быть» в жизни обычных советских граждан, делал всю картину нереальной.

– Зеленые это фейхоа, а оранжевые – это мушмула. Я такие видел однажды на Кавказе в Ботаническом саду, – сказал один знаток из толпы.

– А картошка тут зачем среди фруктов? Да и странная она какая-то. Кто знает, может быть, такую вообще есть нельзя? – спросил кто-то.

– Это не картошка. Это называется «киви». Тоже фрукт. Я с ребенком в Биологическом музее была. Там на стенке фотография висит в зале тропиков, – отозвалась молодая женщина.

– А это все настоящее? – недоверчиво спросил кто-то.

– Потрогайте, – посоветовали ему.

– Вот вы сами и трогайте, – опасливо ответил вопрошавший.

– И что, это все продается? – спросили «в воздух» сразу несколько голосов.

– Сейчас узнаем, – решительно сказала грузная женщина с большой хозяйственной сумкой и двинулась в магазин, столкнувшись в дверях с выходящей на улицу продавщицей в красивой форменной одежде вместо обычного грязно-белого рабочего халата.

Продавщица вынесла несколько плетеных корзинок со свежей, крупной, необыкновенно красивой и замечательно пахнущей клубникой и разместила их на этажерке.

– Можете зайти в магазин, взвесить и купить, – объяснила, улыбаясь, продавщица, повергнув в двойной шок людей, неизбалованных ассортиментом товаров и приветливостью работников советской торговли.

– Кажется, мы все-таки дожили до коммунизма, – обескураженно пошутил кто-то в толпе.

– До Олимпиады в Москве мы дожили, – озвучил правильную догадку кто-то особо сообразительный.

Дома вечером Миха рассказывал Полине о том, что у них в институте всем сотрудникам предлагают на выбор любые путевки в санатории и дома отдыха на июль и август, причем всего за тридцать процентов стоимости. Остальные семьдесят доплачивает профсоюз.

К середине июля 1980 года, как раз перед открытием Московских Олимпийских игр, город преобразился. Полина и Миха в приятном

изумлении бродили по улицам, заново знакомясь с Москвой, в которой родились и выросли. Чисто, красиво, тише, чем обычно, и довольно малоллюдно, если не считать олимпийские объекты. Все желавшие отдохнуть москвичи разъехались по льготным путевкам в санатории и дома отдыха, а въезд иногородних в Москву власть сильно ограничила. Стало свободно в общественном транспорте. В магазинах появилось непривычно огромное разнообразие всего, причем без очереди и по доступным ценам. Кроме советских товаров лежат еще какие-то иностранные в неизвестных красивых упаковках. Везде порядок, правда, как-то особенно много милиции. Она повсюду: на улицах, в общественных местах, в транспорте, в метро особенно: непрерывно ходит патруль из вагона в вагон. Все театры в городе, а не на гастролях. Билеты на любые спектакли, концерты и представления доступны в свободной продаже по государственной цене. Только скажи, куда и когда ты хочешь. И стоит замечательная погода. Приятное тепло, ясное голубое небо, и ни одного дождя за все две недели олимпиады. Хотелось гулять даже по ночам. Было просто хорошо. Действительно возникала ассоциация с обещанным народу коммунизмом. Ведь провозгласила же партия торжественно на XXII съезде КПСС: «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!» Наступление коммунизма планировалось на 1980 год.

Однако после закрытия олимпиады и отъезда ее участников и гостей, этот «коммунизм» почему-то быстро закончился. Как будто его построили только в одном отдельно взятом городе на один отдельно взятый неполный месяц. И острый на язык народ сочинил горькую шутку, которая поползла по стране: «Вместо коммунизма, обещанного советским людям к 1980 году, москвичи получили олимпиаду».

...Миха задумчиво листал сохранившуюся в домашней библиотеке Третью программу КПСС и другие материалы XXII съезда партии. Он хорошо помнил тот 1961 год, насыщенный переломными событиями как в жизни всей страны, так и в профессиональной карьере самого Михи. В тот год из мавзолея на Красной площади вынесли тело Сталина, в Кремле построили прекрасный новый Дворец съездов, а сам съезд, названный Съездом строителей коммунизма, принял программу, обещавшую советским гражданам построение коммунизма и потрясающие

потребительские возможности к 1980 году: от каждого – по способностям, каждому – по потребностям.

Тогда, в конце 1961 года, Миха сдавал вступительные экзамены в аспирантуру. Требовалось показать знания по химической технологии, английскому языку и почему-то еще по истории КПСС, хотя ни эта самая история, ни какая-то другая гуманитарная наука специальностью Михи никак не являлась. Вот тогда-то Михе пришлось проштудировать огромное количество материалов партии, особенно касающихся последнего съезда. Строгий экзаменатор проверял даже знание конкретных цифр роста, заложенных в этой программе ненаучной фантастики на 20 лет, и Миха вынужденно барабанил: по росту промышленного производства превзойти США в 6 раз, в 5 раз увеличить объем национального дохода СССР, в 3,5 раза увеличить реальные доходы населения, установить самый короткий в мире рабочую неделю до 35 часов в 1980 г. с дальнейшим постепенным ее сокращением, каждого гражданина обеспечить по меньшей мере 20-ю квадратными метрами жилой площади и каждую семью, включая молодоженов, отдельной благоустроенной квартирой.

Последнее для многих тогда звучало особенно сказочно-привлекательно. Уж очень хотелось в это верить. Этот жилищный вопрос был огромной проблемой для подавляющего большинства советских граждан. У них попросту не было нормального жилья. Устраивались кто как мог: ютились в подвалах и полуподвалах, в многонаселенных коммунальных квартирах, в бараках, снимали углы в маленьких частных домиках, часто без водопровода и канализации. «С удобствами во дворе», как это тогда называлось.

Принятая на съезде Третья программа КПСС рисовала картину фантастического благополучия простых советских людей: изобилие материальных и культурных благ, стирание различий между городом и деревней, а также между умственным и физическим трудом, отмена подоходного налога, бесплатные дома и квартиры, включая коммунальные услуги, бесплатные бани, общедоступное и тоже бесплатное здравоохранение, образование и общественное питание. Короче, самый высокий уровень жизни по сравнению с любой страной капитализма, включая даже эту

самую богатую Америку, которую «догоним и перегоним». Причем это все еще при жизни нынешнего поколения.

– И еще «никакой домашней работы для женщин!» – добавила Полина, цитируя те материалы.

Она тоже хорошо помнила этот съезд. Для партии – двадцать второй, а для нее и Глеба – их первый, на котором они, молодые коммунисты, удостоились присутствовать. Полине тогда казалось, что звучащие с трибуны слова обращены непосредственно к ней. Ведь для выполнения программы партия считает необходимым ускорить научно-технический прогресс, совершить технологический прорыв и многократно увеличить производительность труда. Полностью удовлетворив свои материальные потребности, – учила партия, – люди смогут реализовать свой творческий и культурный потенциал, а также воспитать в себе моральную чистоту и физическое совершенство.

Скепсиса Михи по поводу реализации этих «планов громадьа» Полина не разделяла. Она искренне считала, что есть реальное основание для оптимизма: в стране налицо рост экономики. Вот хотя бы за прошедшие десять лет их с Михой совместной жизни их зарплаты увеличились в полтора раза. Теперь у них мясо или рыба на столе почти каждый день, и молочные продукты тоже. И так почти у всех их знакомых. А брат Полины на заводе получает уже в два раза больше того, что он получал в конце сороковых, когда начинал свою производственную карьеру.

– Посмотри сам на статистические отчеты за последнее десятилетие, – увлеченно говорила Полина Михе, вернувшись домой с заключительного заседания того съезда. – Жизнь советских граждан действительно улучшилась, зарплаты выросли, пенсии увеличились. А главное, налицо успехи науки и техники: мы же первые в мире, кто осуществили пилотируемый космический полет.

В своем воодушевлении Полина была не одинока, но уже через год число оптимистов заметно поубавилось. Цены на основные продукты питания выросли в полтора-два раза, а еще через год с полок магазинов исчез хлеб. Старший сын Михалинских гордо приносил домой булочки, купленные им в школьном буфете. Там булки еще были.

Летом 1963 года Полина с детьми поехала отдохнуть на юг к Черному морю. Миха остался в Москве. Шло масштабирование нового технологического процесса на пилотной установке, и он не мог оставить работу. Договорились, что он присоединится к ним чуть позже. Полина писала, что море чудесное, погода тоже, с питанием вроде бы устроились. Выручают фрукты и горячая вареная кукуруза с солью и сливочным, – как здесь говорят, «коровьим» – маслом, которая очень понравилась обоим сыновьям. А вот хлеба у них практически нет. Если когда-нибудь и привезут сколько-то в магазин, то сразу выстраивается преддлинная очередь, и «задним», как здесь называют хвост очереди, конечно, не достается. Да и невозможно угадать, куда, когда и сколько хлеба привезут и привезут ли вообще.

Очевидно, в Москве положение было все же лучше, чем в целом по стране. Во всяком случае, собираясь к семье, Миха сумел несколько раз отловить хлеб в московских магазинах и к отъезду собрать чемоданчик буханок. Арестовали Миху с этим чемоданчиком прямо в аэропорту перед вылетом и обвинили в спекуляции. Дело принимало серьезный оборот, сильно осложненный тем фактом, что речь шла о дефицитном товаре. Спасли Миху Полина, которая бросилась разыскивать пропавшего мужа, и Глеб, организовавший телефонный звонок из министерства. Миху выпустили, а вот хлеб не вернули, как и потраченные на его покупку деньги.

Миха оторвался от воспоминаний и убрал том материалов партийного съезда обратно в книжный шкаф.

– А знаешь, если подходить формально, то можно сказать, что партия свое обещание хоть частично, но все же выполнила. Ведь не гарантировалось же, что коммунизм будет построен в СССР повсеместно и навечно. Это люди решили, что так оно подразумевается, – пошутил Миха, обращаясь к Полине.

– Если говорить серьезно, то жилищную проблему все-таки во многом разрешили. Действительно развернули массовое строительство и переселили людей из подвалов и полуподвалов, и огромные коммунальные квартиры тоже расселили. Это сейчас мы высмеиваем дома-хрущевки, а тогда многие считали счастьем получить такую квартиру, и, заметь, действительно бесплатно. Ты вспомни, как мы сами с тобой тогда

жили, и с каким трепетом оборудовали эту нашу теперешнюю квартиру, – возразила Михе Полина.

– Помню. Я все помню: и домик наш маленький около железнодорожной станции, и посиделки с друзьями, и наши горячие споры о смысле жизни и не только об этом, – сказал Миха, доставая из шкафа следующий фотоальбом.

– И как твоя мама нас выгнала? – не удержалась напомнить Полина.

– И это тоже было, – согласился Миха.

* * *

Разговор с Глебом, теперь уже ректором, был жестким. У него есть серьезные замечания по работе деканата общетехнического факультета. Он согласен, что действительно тяжело совмещать административную работу с педагогической, научной и еще партийной. Не каждый сможет. Он благодарит Полину за пять лет преданной работы по организации и развитию нового факультета и предлагает ей вернуться к лекторской деятельности.

«Ну понятно, тебя не устраивает, что марионетка выросла и принимает собственные решения, отличные от твоих, да к тому же спорит и отстаивает свою правоту», – промолчала Полина.

Она уже давно чувствовала его недовольство и понимала, что рискует должностью, но поступиться своей совестью коммуниста и делать то, что считает неправильным, она не могла.

– У тебя явный талант к преподаванию. Не каждый, кто знает сам, может хорошо объяснить другим. Еще труднее научить, как объяснять. Ты не думала о методической работе? Систематизировать твой положительный опыт и распространить его на курсах повышения квалификации преподавателей? Перед страной сейчас остро стоит задача первостепенной важности: повысить квалификацию преподавателей высшей школы на местах. Нам нужны хорошие методисты, – продолжал Глеб.

«Разговаривает прямо как государственный чиновник на трибуне. Похоже, уже видит себя в министерстве. А меня хочет убрать из института. Неудобные сотрудники ему не нужны», – думала Полина, выходя из кабинета Глеба.

Заявление на переизбрание в должности декана Полина даже не подавала. Во-первых, понимала, что больше не пройдет, а, во-вторых, все равно бы не успела это сделать. Она угодила в больницу.

...Вообще-то, она давно чувствовала себя неважно: периодически сильно болела голова, ломило затылок, тошнило, кровь шла носом. Полина объясняла это крайней усталостью, чрезмерной рабочей нагрузкой, непрерывным физическим и психологическим напряжением. Иногда она пила какие-то таблетки от головной боли, говорила себе, что все-таки нужно обратиться к врачу, хотя бы зайти в институтский медпункт, но как-то все было некогда. А может быть, у нее просто не было привычки думать о себе. Ее с детства учили, что нужно заботиться о других. Она так и делала всю жизнь: кому найти врача, кому достать лекарство, за кого попросить, кого научить, кого приютить, кого накормить... Помогала всем знакомым, не очень знакомым и совсем незнакомым. Всем, кто к ней обращался прямо или косвенно. А заботиться о себе она так и не научилась. Они с Михой периодически говорили, что нужно взять отпуск, поехать куда-нибудь отдохнуть, но как-то все не получалось оторваться от работы. Все время что-то происходило, и именно сейчас оставить было нельзя. Вот закончим и тогда уж точно отдохнем...

Но сегодня было как-то особенно нехорошо. Видимо, на нее так сильно подействовал разговор с Глебом. Ну конечно, неприятно, когда тебя увольняют. Тем более с работы, которой ты пять лет отдавала всю душу и силы, которую считаешь своим детищем, за которую чувствуешь себя в ответе. Ведь она же первый декан в истории этого факультета, ведь они же создавали его и поднимали «с нуля».

Полина заварила себе большую кружку крепкого кофе и села в кресло. Хорошо, что она уже дома. На работе в таком состоянии ей было бы еще тяжелее. А дома, как говорится, «и стены помогают». Вот сейчас она попьет кофе, посидит спокойно, и ей полегчает...

Но после кофе стало только хуже, началось еще что-то с глазами: все поплыло вокруг, мелькают молнии и летают какие-то «мушки», а пол с потолком почему-то наклонился.

– Хватит геройствовать. Я вызываю скорую, – категорично заявил Миха, не предлагая, а ставя ее в известность.

Врач скорой послушал сердце, измерил давление и зачем-то взял кровь из пальца. Покривился. Нахмурился.

– У Вас гипертонический криз и сахар высокий. Раньше такое бывало? Когда к врачу последний раз обращались? На учете по гипертонии состоите? А по диабету? Когда анализ крови сдавали? Какие лекарства регулярно принимаете? – засыпал врач вопросами.

– Никакие не принимает и к врачу не обращалась. Пила что-то «от головы», когда сильно прихватывало, – ответил за Полину Миха.

– Ну как же можно так к себе относиться! Вроде разумные люди... Сейчас я Вам сделаю укол для снижения давления и госпитализирую, – решил врач.

– Я не смогу идти, – сказала Полина.

– У вас носилки есть? – спросил Миха врача.

– Носилки-то есть, лифта у вас нет. А на лестничной клетке вашей хрущевки мы с носилками не развернемся. Несите стул и идите просить шофера помочь. Он на улице, сидит в машине. Втроем на стуле вынесем, – распорядился врач.

Они усадили Полину на стул, привязали ремнями, и втроем потащили по ступенькам с третьего этажа. Было очень тяжело и неудобно. Уже в больнице Миха недоумевал, как он справился с такой ношей. Это при его-то пороке сердца! Но тогда, когда они ступенька за ступенькой несли Полину к машине «скорой», он о своем сердце совсем не думал. Он думал только о том, чтобы она удержалась на стуле.

Когда Полина, проведя десять дней в больнице, вернулась в институт, ее ждали два приказа. Один – о том, что по состоянию здоровья она освобождена от занимаемой должности декана общетехнического факультета. Второй – о том, что по рекомендации министерства высшего образования она направляется на методическую работу.

– Ну вот, мы же говорили, что нужно отдохнуть. А отдых, как известно, – это смена обстановки и рода деятельности. Это мы еще в средней школе учили, – пошутил дома Миха, стараясь подбодрить крайне обиженную и огорченную Полину.

– Плюс этого назначения в том, что я буду меньше бывать на кафедре. Я ведь теперь опять под началом моего бывшего шефа. Меняемся

субординациями в замкнутом цикле. Как в плохой пьесе. Или в дурном сне, – ответила Полина.

– Видишь, вот еще один плюс: будешь меньше бывать на кафедре, будешь меньше с ним сталкиваться. Как говорят старые евреи, все, что ни делается, все к лучшему, – подхватил Миха.

...И закрутились большие гастроли по институтам и университетам Советского Союза, социалистических стран и так называемых «стран народной демократии». К счастью, новое дело приносило пользу обеим сторонам. Давая лекции и методические курсы, Полина видела, что нужна людям, а сама отдалается от кафедрального конфликта и набирается душевных сил, несмотря на большую физическую нагрузку. И одновременно профессионально растет как методист, делая по ходу полезные для себя наблюдения, выводы и доработки. Обратной связью в министерство приходили официальные письма благодарности, отмечавшие ее лекторское мастерство и реальную помощь студентам и профессорско-преподавательскому составу.

Если бы еще здоровье было получше... А вот этого не получалось. Теперь в ее послужном списке кроме двух замечательных сыновей, докторской ученой степени, звания профессора, сотен публикаций в престижных журналах, десятков благодетельствованных ею людей, были еще гипертония и диабет. Довоевалась за правду...

Продолжение следует.

Мария Фердман
Записки из тумбочки

Оставленный дом

Тропинки к дому зарастают, храня покой.
Кто жил в нем? Жив?
А может, канул он в мир иной?
Когда-то из его окошек лил теплый свет
сквозь кружевные занавески – теперь их нет.

На апельсиновых деревьях висят плоды
и в лето знойное мечтают испить воды.
А вдалеке стоит, брошен, мой старый дом.
Антоновка висит на ветках в саду моем,

Почтовый ящик у калитки засыпал снег.
И только там легко и звонко звучал мой смех.

Распахну оконные рамы

Распахну оконные рамы –
Облетев моря, океаны,
Дуй-дуй, ветер, на душевные раны!
Будто в детстве – губами мамы...

Наш дом, оставленный когда-то

Наш дом, оставленный когда-то,
Чужим рукам родная – дверь...
Крыльцо дощатое покато –
Укрыто снегом все теперь.

И черный кот исчез куда-то,
И вишни вымерзли в саду...

А я во снах еще крылата –
Ищу тебя... Ищу и жду.

Прости меня, мой милый

Я каюсь, каюсь, каюсь:
Я снова возвращаюсь –
Я снова возвращаюсь,
На скользкое крыльцо...

Следы укрыты снегом,
Мне ясно: ты тут не был,
А как хотелось мне бы
Взглянуть в твое лицо...

Прости меня, мой милый,
Что я не позабыла.
Прости меня, мой милый –
А ты забыл давно...

Я каюсь, каюсь, каюсь,
Забыть тебя стараюсь.
Забыть тебя стараюсь –
А мне любить дано!

Есть слово «никуда»

Илье Дворкину, моему отцу

Есть слово «никуда».
Туда уходят нежность,
И талая вода,
И верб весенних снежность –
Как будто навсегда
Из рук моих пролиты...

Есть слово «никогда» –
Оно из монолита.
Спросила: «Прощена?» –
У твоего портрета...
Есть слово «тишина»,
Где не узнать ответа.

Твой номер телефона

Н. А.

Твой номер телефона – не исчез,
Не стерлись цифры, и цела бумага.
И птицы за моим окном, и влага
Росой на листьях отражает лес...
Все так же солнце смотрит из ветвей...

Я набираю номер осторожно,
И понимаю: это невозможно: –
Услышать голос твой – что всех родней.
Роняю трубку, что, как боль, черна,
И равнодушно входит тишина...

Я пою колыбельную маме

Я тихонько пою и молюсь,
Потревожить я маму боюсь.
И, мелькая, как хрупкий снежок,
Бродит память по сотням дорог.

Силы маме смогу ли вернуть
И продлить ее жизненный путь?..
Вот обрыв – дальше нету дорог.
Вдоль обрыва пройти хоть шагок!

Я пою колыбельную маме,
Поменялись мы с нею ролями!

До отхода поезда

До отхода поезда ровно пять минут,
А слова не сказаны, они губы жгут.
А слова не сказаны, а глаза кричат.
Поезда бездушные по путям скользят.

Вот и твой отправился в свой обычный путь,
И в купе холодное кипятком несут.
Мчится поезд с грохотом мимо хат, берез –
Как нам было весело, весело до слез!

Я стою безмолвная на втором пути –
Вместе с ветром кружатся снег и конфетти.

С головой укутаюсь

С головой укутаюсь в деревенский плед –
И уже не мучаюсь: любишь или нет.

Я уже вопросами сердце не томлю –
Успокойся, бедное, больше не люблю.

Отгорело пламенем, отцвело кустом...
Только все мне кажется: ты стучишься в дом.

Верни мне сердце

Верни мне сердце, раз тебе не надо
Ни доброты, ни теплоты.
Не посылай мне бабочек из сада,
Сожги мосты.

Нам не бродить с тобою по полянам,
Где воля и простор цветам.
Живи в саду с ликующим бурьяном –
Мне душно там.

Я тебя закружу

Я тебя закружу, от всего огражу,
Если теплое море – его охлажу,
А холодное будет – согрею, любя...
Только где ты такой, чтобы все для тебя?

Твои крылья не для полета

Твои крылья не для полета –
Что ж, давай обживать болота.
Все стерплю – и тину, и слякоть,
Я согласна с тобою крякать.

Пусть не буду я птицей гордой,
Что стремится к вершине горной...
Но ночами мне будет сниться,
Что опять я вольная птица.

И над морем лечу глубинным,
И над степью кружу полынной...
На душе лишь щемящая нота:
Жаль, что ты не осилишь взлета.

К черту одиночество

К черту одиночество, в горле ком,
Мне твои пророчества нипочем!
Мной твоя изучена западня –
Знаю, ты прирученной ждешь меня.

Чтоб тебе поверила, сплел плетень,
Там, где было дерево, – только пень...
Верила и слушала... – Ну и что ж?
Все давно разрушила твоя ложь!

Сама его короновала

Сама его короновала,
Но праздник превратился в боль –
Без объяснений и скандала
Сбежал залгавшийся король.

Не умерла, жива осталась.
Но не слеза в моей строке,
А только горькая усталость –
Свободой в сжатом кулаке.

Я писала записки

Я писала записки на крыльях стрекоз,
Я писала записки на листьях берез,
На прибрежной волне, на скале, на траве...
Я писала записки, молясь о тебе!

Как же ты не услышал, как поет синева? –
Как же ты не увидел, не прочел те слова?!

Была когда-то

Была когда-то гордой птицей,
Всегда витала в облаках.
А стала я простой синицей –
Синицей, да ни в чьих руках.

Вот и еще

Вот и еще
На ступеньку спустилась,

Первый раз в жизни
Сама объяснилась,

Первый раз в жизни
Просила сама...

Скоро зима.

Юбилей

Я отмечаю нынче юбилей,
Непрожитых с тобою вместе дней.
Непрожитых с тобою вместе лет.
Полынный в памяти остался след...

Вина невыпитого мне налей –
Я отмечаю горький юбилей...
На дно бокала оседает боль.
Зажившей ране не опасна соль.

Ох, как я распахнуто жила

Ох, как я распахнуто жила!
Свою радость напоказ несла
И чужую боль к себе впускала.
А беда – меня одну застала...

Потихоньку добивали

Потихоньку добивали,
По кусочку вырывали –
Кто из сердца, кто из рук,
Говоря в глаза: «Я друг».

Ничего не объяснили,
Искры счастья загасили –
Не пройти уже босой
По траве с хмельной росой.

Не найти цветов лесных,
Не закончить этот стих...
По кусочку отрывали,
Потихоньку добивали.

Меня лечили

Меня лечили от болезни «дружба»,
Щедры в ученье были доктора:
Вот ценные таблетки равнодушья:
– Мы принимаем, и тебе пора.

Меня лечили от болезни «верность»,
Изменами лечили: – Раз живем!
Меня лечили от болезни «честность» –
Лечили обещаьем и враньем...

Как ветром оторвавшийся листок

Как ветром оторвавшийся листок,
Себя я брошу в уличный поток.
Как в пустоту, войду я в суету...

Жаль жизни, что ушла на маету –
Десятки лиц навстречу, сотни глаз,
Но некому сказать и пару фраз...

Опустит ветер занавес из туч,
А я еще держусь за солнца луч.

Две свечи

Что-то холодно нам даже здесь,
В крае, вечной жарой утомленном,
И дожди зарядили с небес,
Барабана по стеклам оконным.

Серых туч беспросветна постель,
Наплывает тоска ожиданья.
Хорошо бы улечься в постель,
Все дела отменив и свиданья –

В эти дни... Бесконечен их ряд.
И все те же сплошные заботы...
Но, вселяя надежду, горят
Две свечи наступившей субботы.

Море

Вот и море! Это чудо! –
Встану я у парапета,
Просто слушать море буду,
Познавать его секреты.

И на солнечной дорожке
Видеть зайчиков заплывы,
Мальша с песком в ладошке –
И учиться быть счастливой.

К морю летит песок

К морю летит песок,
Волны ему навстречу.
Пенный, хмельной завиток
Я, любуясь, замечу!

Кто-то диктует стих
Тут, в тишине у моря.
Ты стал задумчив, тих –
Нет огонька во взоре.

Годы не обмануть –
Быстро летели, слишком...
Как мне тебя вернуть
Тем озорным мальчишкой!?

Ветер с моря

А ветер с моря мне принес надежду,
А ветер с моря оживил мечту...
И я себя почувствовала прежней,
Свободной, гордой – стоя на мосту.

И волосы летели, и во взоре
Была крылатость вольных смелых птиц.
А ветер – с моря... Ухожу от моря –
Безвольно плечи опустились вниз...

Мне со счастьем чужим

Мне со счастьем чужим
было радостно встретиться.
Это рыжее счастье
глазенками светится.
По дорожке уверенно
ножками топает,
Золотыми ресничками
весело хлопает.

Я стою и люблюсь,
я просто прохожая.
Я такую хочу

или очень похожую.
Посвящу ей стихи,
напеку ей оладушки.
А она будет звонко
кричать: «Моя бабушка!»

Моя любовь

Я скучаю без него! Мне необходимо видеть его!
Только при мысли, что я увижу его, даже издалека,
мое сердце наполняется радостью!

Даже в пасмурный зимний день мне кажется,
что пришла настоящая весна,
И нежный ветерок приносит запах талого снега...

Какое чудо встреча с ним!
Да, характер у него сильный, бурлящий –
спокойным бывает редко.

Я готова часами сидеть возле него и слушать.
Как я жила без него столько лет, мечтая о встрече
с ним, таким чарующим и необыкновенным?!

Я снова спешу встретиться с ним, и я знаю,
что возле него я буду легка, молода,
свободна и – счастлива!

Я прокричу ему, что самое замечательное в мире,
что придумал Бог, – это
Море!

Я не Ассоль

Я не Ассоль –
Чего я жду у моря,

Где алых парусов в помине нет,
Где чайки легкокрылы на просторе,
А на камнях белеет соли след?

Я долгим взглядом горизонт окину,
Мой невод принесет сплошную тину,
Мне рыбку золотую не поймать –
Я понимаю: бесполезно ждать...

Но волны плещут, повторяя: «Жди,
Никто не знает, что там впереди».

Велосипед

Галочке Зиновчик

Я сегодня, как в детстве школьном,
Захотела велосипед...
Вспоминаю себя невольно:
Я подросток, тринадцать лет.

Покататься дала подруга –
Отвлекала от детских бед.
Нес меня по большому кругу
Утешитель-велосипед.

В листьях клена лучи играли
И дарили ласковый свет.
Я крутила, смеясь, педали,
И спешила ветрам вослед.

Нету рядом подруги любимой,
Может, спас бы от взрослых бед

– В моей памяти так хранимый –
Тот волшебный велосипед!

Нижешь ожерелья

Нижешь ожерелья –
Наберись терпенья...

Не играй словами,
Не бросай их в пламя –

Не пиши для тех,
Кому слезы – смех.

Что, одуванчик

– Что, одуванчик, отцветем,
Оставив несколько пушинок?.. –
Смотрю я в зеркало, а в нем
Глаза из тысячи грустинок...

– А знаешь, главное не в том –
И в зрелости своя есть прелесть...
И мы с тобою допоем,
Что в молодости не допелось!

Записка из тумбочки

Отменить бы слово «долг» –
И из жизни выйдет толк.

Диана Беребицкая

Педагогические этюды

Этюд –

- инструментальная пьеса для отработки какого-либо приема исполнения и усовершенствования технического мастерства исполнителя;*
 - подготовительный набросок – в изобразительном искусстве;*
 - один из видов композиции – в шахматах;*
 - ролевая игра – в театральной педагогике и при обучении языкам.*
- И, пожалуй, здесь уместно каждое из этих определений.*

Имя-отчество

Алинка рыдает. Глаза превратились в щелочки, нос – в небольшую редиску.

– Что случилось? Она давно плачет?

– Как отыграла, так и..., – разводит руками ее мама, извиняясь за то, что не сумела успокоить дочь или научить ее прилично себя вести. Она вообще все время будто извиняется: за то, что родила дочку в тридцать семь и воспитывает одна; что часто не успевает даже поговорить с ней, потому что тянет три работы; что отдала ее в школу при музучилище: здесь преподают студенты, и легче осилить платежи за учебу. Алинка – моя педпрактика. У нас с ней первый академконцерт.

Обсуждение окончилось только что. Учеников зовут, чтобы объявить оценки. Я успеваю крепко обнять Алинку и шепнуть ей на ушко, что она умничка. Она недоверчиво смотрит на меня и, еще продолжая всхлипывать, входит в зал. Не ожидала, что она так перенервничает. Алинка – первоклашка, легкая, веселая и звонкая, как ее имя. Она и в самом деле умница. Как-то на утреннике во время танца у нее отстегнулся беличий хвост, и она «вспомнила, что Тамарочка говорит: если что-то случилось, не останавливаться. И не остановилась!»

«Тамарочка» – это я, потому что вместо «Тамара Робертовна» у нее получается только «Роботовна», сопровождающееся бубенчиками смеха. За весь учебный год я не видела на ее мордашке даже тени печали.

И сегодня тоже печалиться вроде бы не о чем. Мы хорошо потрудились и получили «четверку». Если бы меньше хохотали на уроке и трудились на отлично, получили бы «пятерку». Но я вижу, что зареванную, но в общем довольную Алинку беспокоит что-то еще:

– А вы? А вам?

– Что мне?

– Поставили оценку?

– Да, «пятерку».

– Слава Богу! Мы за вас так переживали! Алинка вышла – и говорит...

– Да-да! – перебивает она, – Мне показалось, что я играю слишком медленно, и я стала ускорять. А потом поняла, что быстро – и замедлила. А потом опять... А потом я испугалась: что же делать? Теперь из-за меня Тамарочка получит плохую оценку!

И, поправляя себя, впервые выговаривает верно и без смеха:

– Тамара Робертовна!

Влюблена

Он азартен и умен. Хорош собой: осанка, плечи. А глаза!

Играет в театре. Увлекается плаванием, бальными танцами, фортепиано. Сегодня вдруг подошел и попросил у меня ноты: Чайковского. И обещал напомнить вечером, чтобы я не забыла положить в сумку.

Спешу домой с работы. С порога слышу, как мама говорит с кем-то по телефону:

– Вышел в финал? Поздравляю! Приглашаете весь первый «А» и учителей тоже? Передам. И Чайковского захватит... Знаю, знаю, конечно: моя дочь влюблена в вашего сына!

Аромат искусства

Прежде, чем я успеваю наклониться к ней, она обхватывает мои колени:

– Соскучилась!

Целую ее в душистую макушку. В полумраке прихожей светятся теплые елочные огоньки. С высокого потолка свисают шарики и сосульки.

– Какая сказка у тебя тут!

– Мы вчера весь день наряжали, – с гордостью отвечает она. – Вот эти снежинки я сама вырезала.

– Замечательно вышло: нежные, легкие, прямо взлетят сейчас... А позаниматься успела?

– Ага, конечно!

Она ведет меня в комнату и забирается на толстенную телефонную книгу, лежащую на стуле перед пианино. Открываю тяжелую крышку, тонким звоном отзываются латунные канделябры.

У нее сосредоточенный взгляд, чуть нахмуренные брови, ладошки собраны в аккуратные домики-полусферы, прикосновение уверенное, но мягкое. Играя, она вздыхает глубоко и с наслаждением.

– Это тебе музыка так нравится? – таю я.

– Нет, – качает она колокольчиками локонов, – Бабушка на кухне жарит котлетки... Так вкусно пахнут!

Отдаленные последствия

– Не прикасайтесь ко мне! Не трогайте меня руками!

Минуту назад я поддерживала двумя пальцами ее запястье, а сейчас вскочила с места и в полном замешательстве стою посреди комнаты. Вернуться к роялю? Развернуться и уйти? Но следующий ее выкрик:

– Я позову полицию! – как удар кнута, выводит меня из ступора и задает верное направление.

Прибежавшая на мой зов родительница лебезит одновременно передо мной и перед своим ненаглядным чадом, пытаясь уладить конфликт.

Я клопочу от возмущения, но мягким тоном профессионального психиатра объясняю: если сейчас не заниматься постановкой рук, девочка играть толком не научится. Поскольку она так категорически этому противится, нет смысла продолжать: у нее ничего не будет получаться, и, тут я ее понимаю, ей не будет нравиться.

– Я с удовольствием подбираю для вашей девочки пьесы и игры по ее вкусу, но беда в том, что она не слишком увлечена музыкой и все время ищет повод для пререканий.

В сущности, дело вовсе не в музыке. Она противится вообще всему, что ей говорят, постоянно «строит» взрослых в этом богатом, но неуютном доме. Что-то здесь пошло не так. Мне жаль мать, воспитавшую этого монстрика, но если десятилетний ребенок додумался до идеи пугать учителя полицией, то мне не следует тут оставаться.

– Ну, что вы! Мы так вас любим, мы постараемся, правда, милая?

Милая смотрит с насмешкой, чувствуя свою силу: как же, она ведь уже почти выжила очередную училку.

И теперь уже мне хочется немного попортить ей нервы:

– Если вы не хотите прекращать занятия, я попрошу вас постоянно присутствовать на уроках, чтобы не было никаких нареканий по поводу методики преподавания.

Не хватало еще, чтобы мне пришили дело...

Шокирующая, досадная история. Но кто бы вспомнил о ней теперь, через полтора десятка лет?

Я и не вспоминаю. Иду в парикмахерскую, стараюсь на полную катушку использовать пару часов свободы, которые сама же себе и выделила в своем суматошном расписании. По дороге выпила отличный кофе, зашла в цветочный магазин, чтобы вдохнуть запах цветов...

Середина дня. Парикмахерша тоже разнежилась и бездельничает, приклеившись взглядом к телеэкрану, где витийствует модная молодая журналистка – восходящая звезда. Неохотно отрывается от ток-шоу:

– Пусть говорит?

Киваю. Выбор у меня небольшой: в комплекте со стрижкой идут либо жизненные приключения моей мастерицы, либо телевизор. Тема сегодня самая актуальная: *me too*. Выслушав гостей, ведущая делится (это фишка ее авторской программы) своей историей, на этот раз – о перенесенной в детстве травме: учительница музыки расправляла ей плечи и локти, прикасалась к запястьям, пальцам, и она все время думала, что должно случиться что-то ужасное. Более того, она до сих пор уверена, что намерения учительницы были нечисты! Из-за этого рассказчица так никогда и не научилась играть на фортепиано. Спустия пару лет вообще бросила школу. Искала себя в ЛГБТ-сообществе. Годами посещала психолога. И вернулась в социум только благодаря тому, что стала известным блогером.

Моя мастерица осуждающе качает головой, а я судорожно вспоминаю, упоминала ли когда-нибудь при ней свою профессию. Как будто лично меня застали за чем-то постыдным.

– Видишь, что бывает, что выясняется? Какой ужас! Вот так и учи своего ребенка! Найти бы эту суку!

Внезапно в моем мозгу что-то детонирует, и я понимаю, что искать уже никого не надо. Вот она, растлительница, собственной персоной, отражается в обвиняющем зеркале напротив. Вжалась в кресло, а глазки-то бегают...

Я поворачиваюсь к телевизору, чтобы взглянуть на журналистку, и узнаю ее. Все сходится: и имя, и возраст. Сквозь макияж и вызов проступают черты той избалованной и несчастной девочки, которую я пыталась учить много лет назад.

Четыре урока демократии

Возмездие настигло меня неожиданно. До этого мне удавалось как-то ускользать от него. Да и провинность была небольшой. Ну кто, в самом деле, не капризничал в детстве из-за причуд взрослых? Если, например, ты играешь на пианино, не все ли равно, каким пальцем какую клавишу нажимать? Так нет. Пронумеруют пальцы, разведут в нотах муравейник мелких циферок так, чтобы играть стало невозможно.

И вообще, какая же это игра? Игра – это свобода заниматься чем хочешь в свое удовольствие и полная безответственность. А тут ты как сороконожка: пока отсчитаешь палец с нужным номером, уже хочется попить водички, конфету, поиграть с котом, и, вообще, мультики начинаются. И никакой музыки не выйдет, даже, если написать номера прямо на пальцах шариковой ручкой...

Согласна, тогда я пошла в своем упрямстве дальше простых капризов, припечатав:

– Композитор пальцы в нотах не пишет, это делает редактор, который играть не умеет и вообще дурак...

Но зачем же наказывать меня так жестоко?

Ведь в итоге я посвятила свою жизнь именно тому, чтобы сделать человеческой эту помесь математики с макраме, показать своим ученикам, что умные пальцы высвобождают ладонь для полета, что есть в этом что-то от работы фокусника и немножко – от колдовства. Для фанаток индийского кино я находила связь между движениями рук в танце и на клавиатуре; любительницам вязания «лечила» зажим в кистях рук; с мечтающими о карьере пилота работала над координацией; юным балеринкам внушала, что легкие пальцы ходят по клавишам на пуантах; эзотерикам намекала, что пальцы в нотах расставляют полубоги, провидящие невзгоды на пути и уберегающие от них...

В общем, умудрялась перехитрить учеников, чтобы они могли именно играть, не маясь стойким отвращением к аппликатуре¹, клавиатуре и прочей физкультуре.

Итак, о возмездии.

Ученик был взрослый, в энергичном возрасте чуть за тридцать. В какой-то вечер после работы он пришел записаться в музыкальную школу и сразу же поднялся ко мне в класс на первый урок. Ничего неожиданного: у нас немало взрослых учеников. Он внимательно слушал, живо реагировал и вдруг твердо заявил мне, что будет играть... без пальцев. Я вздрогнула, представив эту картину. Но он пояснил:

– Какой палец попадет, таким и буду нажимать на клавишу.

Это звучало оптимистичнее, но ненамного.

Заметив, что в этом случае он вряд ли сможет рассчитывать на мировое турне, я решила отвлечь его, как младенца погремушками: нотной записью, ритмическими упражнениями, просьбой напеть знакомую мелодию...

Второй урок дался мне еще тяжелее. Оказалось, что в планах моего ученика было научиться играть на фортепиано одной рукой. Мое предложение сначала попробовать научиться ходить одной ногой он проигнорировал.

На этом креатив не окончился. На третьем уроке мне был предложен новый формат: я буду рассказывать и играть на камеру телефона, а он – уже дома – слушать и заниматься сам.

– Давайте попробуем. А на следующем уроке вы покажете мне, что у вас получилось.

– Нет, зачем? Будем записывать дальше: так мы больше успеем.

¹ Аппликатура – порядок чередования пальцев при игре на музыкальном инструменте, указанный в нотах с помощью цифр.

Молодой человек выглядел абсолютно позитивным, целеустремленным, глаз блеснул. Эта фантазмагория неожиданно напомнила мне «Репетицию оркестра» Феллини, где музыканты, планомерно отказываясь от всех форм организации, пускаются вразнос и разваливают-таки прекрасный храм Музыки...

– Но вы же понимаете, что, если будут трудности, я не смогу вам помочь. Это совершенно непрофессионально и невозможно. Я жду вас на следующий урок, только если вы готовы учиться по-настоящему.

Он ушел, унося с собой запись урока на смартфоне, а у меня закрапилось подозрение, что все это был стеб. Но он не шутил.

Парень оказался музыкальным, и поэтому я обрадовалась, когда он появился в четвертый раз. Воодушевленный, он протянул мне фирменный бланк нашей школы.

– Вот!

– Что это?

– Я был у директора... Я ведь понимаю: вы боитесь неприятностей, если будете заниматься со мной не так, как принято. Но он разрешил!

У меня в руках была официальная справка, разрешающая учащемуся имярек воспользоваться при обучении любой методикой по своему выбору. Они еще забыли написать: «...включая изобретенную им самим». Это как же надо было давить на нашего консервативного шефа! И так жаль было повредить лучезарную радость моего визави, что я по-наполеоновски решила: «Ладно, вяжемся в бой, а там посмотрим: постараюсь незаметно переубедить его, и тогда у него все получится, я же вижу!»

Очень хотелось бы закончить рассказ тем, что он выучился играть, но увы. Через некоторое время он просто растворился, оставив мне на память эту историю, которую я панически начинаю рассказывать ученикам всякий раз, как вижу, что наступает час «икс» борьбы за демократию и свободу аппликатуры.

Дары

– Это нужно играть глубоко, доверчиво, так, будто ты этот звук даришь. Понимаешь? И тебе не нужна благодарность или восхищение тобой... Просто даришь и отходишь в сторону.

Ага, «не нужно восхищение». Эта двенадцатилетняя красотка минутно поглядывает на свое отражение в зеркальной стенке пианино. Она и играть-то учится только потому, что это, по ее мнению, придает ей эдакой изысканности, и мне больших усилий стоит убедить ее не оттопыривать мизинцы, как это делают принцессы на картинках

– Ну, как тебе объяснить... Вот так, слышишь?

Играю в надежде, что она хотя бы скопирует прикосновение, но в ответ:

– А давай сфоткаемся? Сыграй еще раз, а я встану вот тут, как будто я пою.

Палка для селфи валяется тут же, на диване. Безнадега...

Вдруг меня осеняет. Надеюсь, эта тема увлечет ее больше, чем селфи:

– Есть такая история. Жили как-то двое влюбленных, очень бедных. Наступал праздник, а денег на подарки у них не было. И вот девушка решила продать свои волосы, такие же прекрасные, как твои, так ей хотелось купить подарок своему любимому...

Далее следуют «Дары волхвов» О’Генри в моем вольном пересказе.

– Он ее разлюбил?

– Почему, разлюбил?

– Она же стала уродиной!

Да, Песталоцци из меня не выйдет. Еще одно трепыхание – вялая попытка моей ученицы проинтонировать злосчастную музыкальную фразу, и я завершаю урок.

Когда я появляюсь на пороге этого дома через неделю, двери мне открывает юная леди в шляпе с полями. О'кей, у нас очередной приступ нарциссизма. Она начинает играть, но вдруг резко встряхивает головой, и шляпа летит на пол, открывая коротенькие остриженные кудряшки. Из-под челки настороженно блестят глаза.

– Вот и я стала уродиной.

– Конечно, нет! Почему ты вдруг так решила?

– Мы с девочками решили отдать волосы на парики для детей, больных раком, и теперь я стала...

– Знаешь, я тебя никогда не видела такой красивой, как сегодня.

Бог с ней, с музыкой.

Арина Браги Маленький пожарный трак¹

Я проснулась утром в кемпинге с чувством огромной тяжести. Словно во мне три тонны веса. Причем не мяса, а железа. И глаза почему-то не открывались. Да и совсем не хотелось. Вспышками возвращалась память ночи накануне.

Когда поздно вечером я подъехала к поднятому шлагбауму горного серпантина на кемпинг – резко, ударом небес, вселенской мощью, электричеством – началась гроза с ливнем. Слишком медленно я взбиралась вверх, на острых поворотах грунтовку размывало, колеса спотыкались о ребра пересекающих дорогу канав, по ним взбухали мутные потоки воды. Шины проскальзывали и мотор моей полноприводной «субарушки» надрывался и хрипел.

Как бы не подсел аккумулятор, надо будет днем проверить.

В темноте спящего кемпинга, в косых струях света фар я долго искала свою стоянку. Ага – наконец – номер 43, криво процарапан по гнилому столбику, а столбик еще и развернут от дороги. Поэтому и не увидела сразу, и пару раз проехала вновь по кольцу лагеря.

Только хотела развернуть палатку, неважно, что дождь, у меня это дело отработано до автоматизма.

Не успела.

Стеной упал град. Градины с яблоко. Потом их выкладывали в соцсетях свидетели и потерпевшие. Удары грома шли сплошной канонадой. Боль в барабанных перепонках сводила с ума, уши у меня слишком уж чуткие, в шрамах, перепонки лопнули пару лет назад на рок-концерте в амфитеатре Красной Скалы.

Молнии сверкали без перерыва так, что их вспышки на сайте мониторинга погоды выбили экран в моем новеньком айфоне. Только я открыла рот для непечатного гнева, как увесистая яблочная градина ударила меня в висок и сбила с ног.

¹ Truck – грузовик (американский англ. – прим. ред.)

Последнее, что помню, как я дергаюсь носом в мутной луже среди холодных крупных градин, пахучих еловых веточек и шершавых обломков коры.

Да, это была ночь кошмара.

Глаза все еще не хочу открывать. Решила потрогать, есть ли шишка над виском, но поняла, что и потрогать нечем. Огромным напряжением попыталась все же открыть глаза. Со странным щелчком вспыхнул свет в глазах, и, проворачивая орбиты, я огляделась вокруг. Уже хорошо, лужа с грязными ошметками и желтой пылью сосны на поверхности воды далеко внизу подо мной.

Как я выбралась из нее? Куда это я взобралась?

Почему не слышу запаха? У меня нюх, как у собаки, и я помню наркотический запах гор по утрам после гроз. Вообще никаких запахов. Ну ладно, обонятельные рецепторы восстанавливаются неделю. Я, наверное, их повредила, пропахав носом мокрый песок.

А где мой нос? Вместо носа красный тупорылый капот с белыми полосками. Решила потрогать его рукой, но рук нет! Да что это со мной? Я что – сплю, и мне снится, что вместо рук и ног у меня огромные колеса?

Нет, вроде не сон. Я попыталась откашляться, но раздалось урчание мотора, я присвистнула от удивления, и свист получился коротким и пронзительным, как сирена пожарной машины, выворачивающей из гаража на проезжую часть.

Да что это?

Я двинулась, перемещаясь в пространстве, и покатила круглыми руками-ногами – колесами, их у меня оказалось шесть сдвоенных, по склону дороги в нижний лагерь.

С грохотом мотора и взвизгами пожарной сирены я качу мимо палаток и автодомов, мимо перепуганных, вскочивших со сна, туристов и мимо собак, взрывающихся первым хриплым лаем.

И эти нечеловеческие звуки, звуки пожарной машины, исходят из моего нутра. Перехватило дух от страха, мой мотор замер, и я затормозила. На мокрую дорожку передо мной выскочил зеленый рейнджер, его широкополая шляпа сбилась на затылок, желтый форменный галстук

перекрутился на спину, глаза выпучены, а широко раззявленный рот ничего не может исторгнуть.

Наконец он приходит в себя. Толпа зевак подтягивается и окружает нас. Все глаза обращены на меня. В них ужас сменяется удивлением, а затем и восхищением. Я подбадриваюсь и гордо урчу вхолостую, что, конечно, к счастью, так как мотор не заводится и я не сдвигаюсь с места, – я вдруг понимаю, что могу раздавить всю эту толпу.

Начинаю различать вскрики восторга:

– Раритет!

– Пожарная машина! Довоенный выпуск, глядите, цвет бордово-красный, не алый!

– Теперь так не делают! Уж какой крутой дизайн!

– Кузов обтекаемый!

– Глядите, знак горного пожарного легиона. Наверное, это машина-ветеран, много лет тушила лесные пожары на склонах.

– Так она сама покатилась?

– Да, с уклона – наверное, тормоза сорвало.

Да, тормоза сорвало. У меня.

Рейнджер поправляет шляпу и галстук, подходит к тому, что было моих ухом, открывает, а это теперь дверца моей кабины, усаживается внутри и осторожно заводит мотор. Я опять радостно урчу, потом мое урчание нарастает, и я веселодвигаюсь с места в карьер – нет, не слетаю со склона, а ловко проворачиваю поворот длинным кузовом и подкатываю к стоянке на въезде в лагерь.

У меня нет концепции человеческого времени. Я не знаю сколько прошло недель.

Я смирилась. Я пожарная машина. Красивая. Винтажная. Вдоль моих восхитительно красных бортов устроили скамьи, и детские зады их полируют. Взбираясь по лесенке, на скамьи усаживаются ребятишки из нашего кемпинга.

Каждый полдень, после церемонии подъема флага и серии игр в лазерные стрелялки, ребятишки взбираются на меня, и я их катаю. Три круга по лагерю с пронзительным присвистом сирены, ревом мотора и

смехом ребятни, когда внезапно я глушу мотор и все валятся друг на друга. Родители толпятся на площади станции главного рейнджера и весело машут детишкам, провожая их в путь. А некоторые ушлые мамы и папы сами норовят прокатиться, держа младенцев на руках.

Я работаю аттракционом, и я счастлива. Прошлая – человеческая, полная невзгод – жизнь приходит ко мне во снах, и я тороплюсь поскорее проснуться в новую реальность – радости, лета, ребятни и всеобщего восхищения.

Я пожарная машина в кемпинге медвежонка Йоги в Скалистых горах.

2 августа 2023

Колорадо

Марина Симкина
Несколько детских рассказов

Боксерские варежки

Мне купили варежки. Внутри теплые, а снаружи красные и кожаные – будто настоящие боксерские!

Теперь, когда к старшему брату приходили друзья, я надевала варежки и тузила их по-боксерски. Чтобы они знали, какая я сильная!

И гулять я тоже ходила в этих варежках.

И вот пошли мы с моим другом Толиком гулять. И нашли лед. Очень много льда. Так что на нем можно было кататься. И мы катались, и падали, и толкали друг друга, и снова катались.

Шаровары у нас от льда промокли, и шарфы от дыхания тоже мокрыми стали. И мы пошли каждый к себе домой.

Мама сняла с меня все мокрое, и оказалось, что от всей моей одежды плохо пахнет. Просто даже очень плохо! И от шаровар, и от шубы, и от варежек.

Оказалось, что этот лед был – от бань. Оттуда вода стекала и замерзала. И она была очень грязная, эта вода... И пока был лед, так не пахло. А когда дома растаяло, то получилась опять плохая вода.

Шаровары и шарфик мама постирала, шубу и ботинки помыла. А варежки очистить не удалось. И их пришлось выбросить.

Мои настоящие боксерские варежки...

Какая рука правая?

Меня привели записывать в школу. В школе пахло краской и почти никого не было. Зато там была красивая широкая лестница с коричневыми деревянными перилами. И перила не гладкие – к ним прибиты длинные кубики. Мне сказали, это чтобы дети по перилам не съезжали. Я удивилась: я не знала, что по перилам можно кататься...

По лестнице вверх мы не пошли, а зашли в комнату с открытыми дверями. И какая-то тетя начала спрашивать, как меня зовут, сколько мне лет, что я умею... Я сказала, что умею читать и писать печатными буквами.

А потом она меня спросила, какая у меня рука – правая. И я сразу не сумела ответить. Я попросила дать мне карандаш и попробовала, в какой руке мне его удобней держать... И тогда ответила правильно.

Кому отдать паровозик?

Мы с мамой навестить братика поехали. Он у нас за городом тогда был, в оздоровительных яслях.

Мама пошла с воспитательницей договариваться, чтобы Вовика нам погулять дали. А я пока в группе осталась, ждать. Я стою, жду и на малышей смотрю.

Вдруг один мальчик как выхватит у другого из рук паровозик, с которым тот игрался! И тот, конечно, заплакал. Тогда я подскочила к обидчику, отняла у него паровозик и отдала тому, который плакал. Тот сразу успокоился, но заплакал этот...

И я подумала: «А вдруг перед этим, наоборот: второй отобрал у первого?» И я не знала, как правильно поступить. И не знаю до сих пор.

А вы знаете?

Как зовут Вашего кота?

Заболела учительница. Всем классом мы пошли ее навещать.

Старенькая мама встретила нас, забрала пальто, ввела в комнату, расставила полукругом. Вера Ивановна – в постели. В кофте, горло перевязано – совсем не такая, как в школе. Оробели, стоим, смотрим.

В комнате – кот.

Я сделала шаг вперед и спросила:

– Вера Ивановна! Как зовут Вашего кота?

И сделала шаг назад, на свое место.

– Тиша, – хрипло сказала мне Вера Ивановна.

– Вера Ивановна! – более тихим голосом спросила я, снова выступив вперед:

– Как зовут Вашего кота?

И опять вернулась на свое место в полукруге.

– Тиша! – опять сказала Вера Ивановна.

– Вера Ивановна! – шепотом повторила я, выдвинувшись в третий раз:

– Как зовут Вашего кота?

– Да Тихон же его зовут, Тиша! – ответила мне Вера Ивановна.

Форму забыла!

Это было в первом классе. Однажды я забыла дома физкультурную форму. И мне должны были поставить двойку по физкультуре. А я двойки очень не хотела. И стала думать, как мне быть.

Форма у нас была такая: большие сатиновые трусы – синие или черные. Можно было взять папины или дедушкины. И в их низ вставлялись резинки. Получались такие короткие пышные шароварчики. Сверху – голубая футболка. И белые носочки с гимнастическими тапочками.

И я стала вспоминать, что на мне есть, под школьным платьем...

У меня был такой лифчик – с широкими резинками, чтобы чулки пристегивать. Все дети тогда такие носили. Он был как маечка, только сзади с пуговицами. Мама сшила его сама – из голубой фланельки с белыми мишками. Резинки для чулок от него отстегивались. И я решила, что он может быть как будто голубая футболка. А мишки не помешают. Так даже красивей.

За шароварчики вполне могли сойти мои теплые штанишки. Они тоже были с резинками внизу. Правда, голубые. Но ведь голубой цвет – это тоже синий, только светлый.

А чулки я закатала валиком вниз. И получились сразу – и носки и тапочки. Носки, правда, не белые. Но вдруг учитель не заметит!

Переодевались мы в своем классе, во время перемены. А потом строем шли наверх, на четвертый этаж. Физкультурный зал находился там. И еще там были старшие классы. И у них тоже как раз была перемена. И некоторые старшеклассницы очень удивились и стали что-то другу другу говорить и показывать на меня...

А вот учитель физкультуры ничего не заметил! И двойку мне не поставил!

Серезжка-выскачка

Мы все очень любили дежурить. И дежурили по очереди: парта за партой.

И вот утром входит учительница в класс и спрашивает:

– Кто сегодня дежурный?

А очередь как раз наша была. Со мной Серезжка сидел. Он такой выскачка! Он как выскачит – и кричит:

– Я!

А я медленней встала и говорю:

– Мы.

И получилось, как будто мы по слогам ответили:

– Я-мы.

– Кто дежурит? – Ямы.

И все ребята стали смеяться и повторять:

– Ямы дежурят! Ямы!

А еще один раз был такой случай. К нам пришли шефы. Это ребята из пятого «б». Они у нашей учительницы до этого года учились, а теперь мы начали.

У меня в этом классе был брат. Я так радовалась, что он придет, и все увидят, что я его сестра, и я буду им гордиться.

И вот они пришли.

К Наташе Саенко сразу ее старший брат подошел – он тоже в пятом «б» учился. И он стал проверять, есть ли у нее запасные перышки в пенале, и не сломался ли карандаш.

А мой Миша громко спросил:

– Эй, малышня! Кто хочет со мной цветы поливать?

И Серезжка, конечно, быстрее всех закрычал:

– Я!

И они пошли к подоконникам и стали вместе поливать цветы.

А я, конечно, расстроилась. Вот, думаю, кого выбрал! Сережку какого-то противного. А у этого Сережки, вообще, уши красные, и голова – как кочан капусты!

Я пообижалась, пообижалась – и вижу: девочка высокая стоит. Тоже из пятого класса. Косица у нее толстая-толстая и очень длинная. Я таких кос потом никогда больше не видела. И глаза огромные и черные. Прямо как большая кукла – очень красивая. Она стоит и не знает, над кем шефствовать. Я к ней подошла – а ее, оказалось, и вправду, как куклу, Лялей зовут. И я стала с ней дружить.

Потом мальчишкам-шефам надоело к нам ходить. Зато Ляля приходила к нам весь год!

Бинокль

Мы пошли с классом в театр. Я оделась нарядно и красную сумочку с собой взяла. В сумочку три рубля положила – мама дала, что-нибудь в буфете купить.

В гардеробе спросили:

– Бинокль хочешь?

Оказалось, он как раз три рубля стоит. Я обрадовалась и согласилась. Мы тогда с братом дома в пиратов играли. Бинокль – это же здорово!

Пока шел спектакль, все просили в бинокль посмотреть, и я давала – я-то еще дома наиграюсь. В перерыве я в буфет не пошла. Гуляла по фойе и думала, как брат дома доволен будет.

А когда спектакль кончился и мы стояли в очереди в гардероб, одна девочка мне говорит:

– У тебя сейчас бинокль отберут.

Я говорю:

– Неправда! Я его купила.

Но на всякий случай бинокль в сумочку спрятала. Сумочка маленькая и раздулась, как бегемот, но бинокля не видно.

А девочка говорит:

– Они все равно узнают. У тебя номерок другой.

Я смотрю – у меня номерок из коричневой пластмассы, и полосочкой. А у остальных – металлический и круглый – продолговатый, с дырочкой. Как в бане.

Я подумала: мало ли, могут быть номерки всякие. Может, не хватило всем одинаковых. Но настроение испортилось. Двигаюсь потихоньку в очереди и жду, что будет.

Подошла моя очередь, номерок у меня взяли, а пальто не дают, бинокль требуют. Я не отдаю, плачу, кричу:

– Я его купила!

Учительницу позвали. А она и так уже вся покраснелась. Ребята все одеты, стоять не хотят, разбегаются, а тут я – без пальто и зареванная.

Хотела Вера Ивановна на меня рассердиться, да пожалела:

– Ладно, – говорит, – ты пока бинокль отдай, а я тебе все в трамвае объясню.

Пришлось отдать...

В пиратов мы с братом играть перестали – мне стало неинтересно.

Екатерина Смеркис

Рива спешит в метро. Гарь и грязь металла. Так повторяется тысячный день подряд. Врач-парамедик на «скорой»... Она устала всех подменять, кто другим и себе не рад. Но заменяет Бэтти, Ивонн и Лотту – с этой работой так просто сойти с ума, но не ворчит и не просит менять работу – Риву не ждут, больше года живет сама. Дэвид не выдержал слез и валокордина, долгих рассказов о том, как уродлив мир, глаз ее льдины холодной – не то, что льдинок, тем, что изъедены молью давно до дыр.

«Тетенька, тетя! Вы видите ангелочков»? «Нет, дорогой. Дай закрою тебе глаза...»

Как объяснить родным, что в рассказе – точка? Как им об этом спокойнее рассказать?

Дэвид не знает, как. Чемодан пакует. Рива так пахнет смертью, другая – нет. Этим поступком многое растолкует, перед уходом гасит в прихожей свет. Риву не ждут... Или ждет неполитый кактус, Таня с Донеца в Скайпе и два кота. Таня не знает, что Риве пришлось расстаться, если бы знала – сказала бы: «Все не так». И отношения нужно беречь и строить, да и работе не место в кругу семьи. Рива смеется и знает, что тут другое. Впрочем, секреты у каждой семьи – свои. Выдержать ту, что живет постоянно *между*, может лишь тот, кто и сам из подобных «мест». Тот, кто создать семью не терял надежды, Ангела Смерти звал посмотреть невест.

– Ты мне скажи, – спросит Рива такого «свата», зная, кто он, но ни капельки не страшась, – как может тот, кто любил и мечтал когда-то, в миг превратиться в приют для червей и грязь?! Ты мне скажи, что не так вдруг пошло на свете? Как мне спасти, если можно еще спасти? Ведь «ангелочков» видят малые дети, а старики просят смерть по игле ввести!

– Дай мне попить, – улыбается Ангел Смерти, глядя то на мобильник, а то в окно, – если б я знал, я бы вам рассказал, поверьте. Я не тебе, я себе надоел давно. Я не люблю работу, с ее начала, вы ведь в Раю натворили себе беды.

Ангел был прав. Рива пару минут молчала.

– Я лишь из Стикса могу предложить воды! Хватит тебе, и верблюдам, и всем на свете! Пей хоть залейся! Тебе отдаю твое! Пусть «ангелочков» и дальше встречают дети. Старая плоть пусть и дальше живьем гниет. Буду черпать и черпать хоть года, хоть веки! Кто я такая – переть супротив рожна?

– Что ж, если вычеркнуть две или три огрехи, только такая Ицику и нужна.

Рива смеется – то верит, то вдруг не верит, у «не девиц» тоже в сердце кипит борьба, трудно любви пробиваться в стальные двери – Рива не знает, что Ицик ее судьба.

Ангела Смерти видели кот и кошка: он хоть и Ангел, но все же чуть-чуть следит. Хочется верить в чудо. Пока – немножко.

...А через год она близнецов родит.

Эйтан Адам Неброское наследство

Действующие лица

Д ж е й м с М а к - Г р е г о р, шериф
А й з е к А б р а м с, старый фермер, в прошлом боевой офицер, ветеран
Второй мировой войны
У и л с о н, пожилой полицейский
К а п и т а н Д ю б у а, военный летчик, участник войны во Вьетнаме
Р е б е к к а Ф о р д, жена старого мэра
Р е й ч е л М а к - Г р е г о р, мать Джеймса Мак-Грегора
С т и в Х о п к и н с, предыдущий шериф
Х е л е н А б р а м с, впоследствии К о в а л ь ч у к, старшая сестра Ай-
зека Абрамса

Место действия: Лимбург, штат Небраска. Время действия: начало 1980-х.

Перед занавесом появляется ш е р и ф М а к - Г р е г о р.

Ш е р и ф М а к - Г р е г о р. Это был обычный августовский день. Такой день, когда даже мухам неохота летать. И в который я, как обычно, рулил к участку.

Видите ли, я шериф Лимбурга, штат Небраска, меня зовут Джеймс Мак-Грегор. Причем шерифом меня избрали только в прошлом году. До меня более тридцати лет в моем кресле сидел Стив Хопкинс. Сидел по праву, у него все было схвачено и окорочено, я сам начинал свою службу под его началом и многому у него научился. Пока Стиву, наконец, не надоело и он сам не ушел.

Городок наш, как многие такие места – одно название, что город. Вокруг фермы. В городе тысячи две жителей, да на фермах около тысячи – вот и все. Ну, бывают еще сезонные рабочие. У нас даже мотель, как правило, пустует.

Занавес открывается. Полицейский участок. Слева стол и кресло шерифа, несколько стульев, сейф, книжная полка, на ней несколько папок и

книг, в том числе Библия. Справа что-то вроде кухоньки, где можно приготовить кофе или чай. В глубине решетчатая дверь с висячим замком, возле нее вольтеровское кресло спинкой к публике. У стола сидит
У и л с о н.

У и л с о н. Все в порядке, шеф. *(Берет исписанный от руки листок бумаги.)* Из тех, что в розыске, троих взяли в Омахе с поличным, еще один отстреливался и получил свое. Никаких других новостей ниоткуда нет. У нас от жары вообще все тихо *(кладет листок на стол)*.

Ш е р и ф. Хорошо, мистер Уилсон. Идите домой, отдыхайте *(садится за свой стол)*.

У и л с о н. К вам посетитель *(указывает на вольтеровское кресло и уходит)*.

М и с т е р А б р а м с встает с вольтеровского кресла и поворачивается лицом.

М и с т е р А б р а м с. С добрым утром, шериф, *(улыбается)* извините за беспокойство *(присаживается к столу)*.

Ш е р и ф. Рад вас видеть, мистер Абрамс. Но почему «шериф»? Вы меня знаете с детства, для вас я просто Джим.

М и с т е р А б р а м с. Нет уж, вы теперь официальное лицо. К тому же, я к вам по делу.

Ш е р и ф. Что-нибудь случилось? Почему вы не заявили Уилсону?

М и с т е р А б р а м с. Не в этом дело. Просто... Извините старика, но мне хотелось бы с вами поговорить. Именно с вами. Вы ведь были ближайшим другом... Эндрю.

Ш е р и ф вскакивает и выбегает на авансцену.

Ш е р и ф. У меня был друг детства, Эндрю Ковальчук по прозвищу Чуки. В раннем детстве мы были соседями, да и потом всю школу

сидели вместе. Оба играли в бейсбольной команде школы, оба были активными скаутами.

И оба любили читать. Я и сейчас люблю читать. Я уже давно прочел все стоящее, что есть в городской библиотеке, и регулярно заказываю себе книги по почте. Так что жена уже дважды подвигала меня на пожертвование старых книг библиотеке и школе.

Нам было по семь лет, когда его родители погибли – их машина свалилась с обрыва.

Кстати, их дело так и осталось незакрытым, поскольку были основания полагать, что это было убийство.

Мальчика взял на воспитание его дядя Айзек Абрамс, фермер. У него своей семьи не было.

М и с т е р А б р а м с. Эндрю еще в школе, что называется, заболел небом. У нас у некоторых фермеров были свои маленькие самолеты, так Эндрю их чуть ли не со слезами упрашивал взять его в полет – хотя они всего лишь опрыскивали посевы. И уехал он на следующий день после выпускного бала – поступать в военное авиационное училище.

Ш е р и ф. А я стал полицейским.

Он служил в разных местах, далеко от дома. Писал, приезжал два-три раза в год. Он очень любил наш городок и ферму мистера Абрамса, но глаза его были полны небом.

М и с т е р А б р а м с. Потом его послали во Вьетнам. Там его сбили, он попал в плен, нам сообщили через Красный Крест.

Но из плена он не вернулся...

Ш е р и ф. Чуки остался в моей душе огромной незаживающей черной дырой. Тем более что мы даже не знали, жив он или нет.

Ш е р и ф возвращается на свое место.

Да, конечно, мистер Абрамс. Я с удовольствием побеседую с вами, разве что нам помешают. Но я должен просмотреть почту...

М и с т е р А б р а м с. Разумеется, шериф, разумеется.

Ш е р и ф. Я вам пока сделаю кофе...

М и с т е р А б р а м с. Не надо, Уилсон меня уже напоил. Лучше я сам сделаю вам кофе, а вы пока займетесь делами.

Ш е р и ф читает почту, быстро отстукивает на пишущей машинке два коротких письма, подписывает их и ставит печать, заклеивает в конверты и надписывает их. М и с т е р А б р а м с приготавливает чашку кофе и дает ее ш е р и ф у, тот между делом пьет.

Ш е р и ф. Мистер Абрамс, я закончил с почтой. Финансовый отчет мэрии может подождать. Теперь я должен объехать город. Подождете меня здесь или присоединитесь ко мне?

М и с т е р А б р а м с. Подожду здесь.

Ш е р и ф встает и выходит на авансцену. Занавес закрывается за ним.

Ш е р и ф (*перед занавесом*). Как и везде, в таком городке, как наш, должны быть мэрия, церковь, полицейский участок и банк. Так вот, у нас есть целых две церкви – методистская и пресвитерианская. А еще в городе есть униаты, но у них своей церкви нет.

Кстати, отец Эндрю был униатом.

Между нами, я так толком и не знаю, что они собой представляют, эти униаты. Знаю только, что ближайшая униатская церковь находится в Литтл-Ривер-Сити, это шестьдесят четыре мили по шоссе номер сто восемьдесят пять.

Обе церкви, мэрия и банк с четырех сторон закрывают главную площадь. Главная улица пестрит вывесками, причем врачи облюбовали четную сторону, а адвокаты и полицейский участок – нечетную.

Занавес открывается. Та же сцена.

Я сделаю еще кофе...

М и с т е р А б р а м с. Знаете, англичане пьют почти исключительно чай. И у них есть куча сортов. Перед высадкой в Нормандии мы полгода проторчали в Англии, и я пристрастился. А потом на Эльбе мы

встретили русских, так они вообще про кофе не слышали, они пили только чай. Ну, когда не пили водку. *(Достает из кейса жестяную коробочку.)* Вот, «Эрл Грей». Я сейчас заварю.

Ш е р и ф. *(Садится на свое место. В сторону.)* Было ясно, что пришел он неспроста, но и не торопился перейти к делу. Как будто все у него уже было продумано и передумано и ему просто было неохота заняться конкретным исполнением.

М и с т е р А б р а м с методично заваривает чай, наливает две чашки, ставит их вместе с сахарницей на стол и е р и ф а, присаживается. Ш е р и ф внимательно смотрит на него. Во время разговора оба пьют чай.

М и с т е р А б р а м с. Я получил официальное извещение.

Ш е р и ф. Какое?

М и с т е р А б р а м с. Юридическое. Юридически Эндрю Ковальчук признан мертвым. Следовательно, наследники имеют право вступить в права наследования. А он, оказывается, указал наследником только меня. Единственным наследником.

Ш е р и ф. Думаю, что это совершенно справедливо. Весь город знает, каким вы были опекуном. Матери ставили вас в пример своим мужьям.

М и с т е р А б р а м с. Мне даже дважды предлагали жениться. Одинокие матери. Одна вдовушка была весьма богата – ну, вы должны помнить, миссис Оливия Тоби.

Ш е р и ф. Как же, как же. И вы отказались?

М и с т е р А б р а м с. Да.

А сейчас я единственный наследник Эндрю. И, следовательно, покойных Ковальчуков. Когда они... погибли, и я был объявлен опекуном Эндрю и его имущества, то магазин и мастерскую я выгодно продал, деньги положил в банк на имя Эндрю, а дом, как вы знаете, – вы же сосед, – я все время сдавал. И деньги также шли на счет Эндрю. Да и моя ферма давала и дает вполне приличный доход, так что мы с ним ни в чем не нуждались, а потребности наши, – как и большинства наших сограждан, –

были скромны. А став летчиком, Эндрю зарабатывал уже хорошо, но мало тратил. Плюс выплаты семье от министерства обороны. В итоге, я стал миллионером! На крови Эндрю... и Ковальчуков.

Мистер Абрамса буквально трясет. Шериф угощает его сигаретой и закуривает сам.

Я помню его последнее письмо. Он писал, что скоро кончается его год во Вьетнаме, что ему осталось сделать всего два боевых вылета. Он мечтал, что скоро вернется домой и демобилизуется. А дальше... Он хотел уехать в Канаду и летать на полярных линиях. Романтик! Это я, я подарил ему на день рождения «Маленького принца»!

Мистер Абрамс затягивается сигаретой, затем как бы прикидывает к чаю. Затем снова затягивается сигаретой.

И вот в предпоследнем вылете он был сбит. Помните, к нам тогда приехал капитан Дюбуа...

Появляется капитан Дюбуа.

Капитан Дюбуа. Я летел вторым в звене под командованием Чуки. Когда мы нарвались на целый фронт зенитных ракет, то Чуки пошел прямо на них, а звену велел возвращаться. *(Одну за другой наливает две рюмки виски и выпивает.)* Я могу такое рассказать... Куда там записным миротворцам!

Капитан Дюбуа исчезает.

Мистер Абрамс. Да, дурацкая это была война. Конечно, на любой войне бойцы могут озвереть, я и сам кое-что могу рассказать. Но, все-таки, в Германии это были исключительные случаи. А во Вьетнаме... Очевидно, от бессмысленности войны. Ребята чувствовали бессмыслицу.

А ведь Эндрю вовсе не мечтал, как многие мальчишки, о войне. Он мечтал о небе. Просто самым простым способом попасть в небо была карьера военного летчика. Зато потом: отслужил свое – и у тебя великолепный опыт, и можешь выбирать себе любую работу. Так он думал.

Это было очень похоже на моего старшего брата Джонни. Тот в свое время заболел морем. Стал штурманом, потом капитаном. До сих пор где-то плавает, а ведь старше меня на пять лет. Трижды был торпедирован немцами, дважды судно затонуло – а с него как с гуся вода: компас, штурвал и полный вперед.

Вы вот с Эндрю и скаутами были, и в бейсбол играли, но... Впрочем, вы, наверное, тоже пошли в полицию за романтикой. Я угадал? Ох, какие, все-таки, вы оба были книжные дети! Повезло вам, шериф, что вы рано женились, ваша Элис, видать, вправила вам мозги. Попомните мое слово: романтика до добра не доводит! Она до крови может довести!

Мистер Абрамс, волнуясь, встает, закуривает еще сигарету, размахивает руками.

Вы вот прославляете опекуна в моем лице. А знаете, как это было? На похоронах Ковальчуков я еле держался на ногах. Вообще-то я не пью, но тут украдкой выпил. И прямо у выхода с кладбища ко мне подошла жена мэра, – помните, старая Ребекка Форд...

Появляется Ребекка Форд.

Ребекка Форд. Айзек, вы должны стать опекуном маленького Эндрю.

Мистер Абрамс. *(В сторону.)* Я был как громом поражен.

Ребекка Форд. Я вам все просто объясню.

У отца Эндрю все родные канадцы, а передача несовершеннолетнего гражданина Соединенных Штатов родственникам за границу нежелательна. А у матери Эндрю два родных брата – старший Джон и младший вы. Правда, оба бессемейные...

М и с т е р А б р а м с. *(В сторону.)* Джонни женился через пять лет.

Р е б е к к а Ф о р д. Но Джон все время плавает, а вы всем известный уважаемый фермер, отставной офицер с боевыми наградами. Так что дело явно в вашу пользу, и я берусь по-быстрому задействовать все инстанции и решить вопрос.

Р е б е к к а Ф о р д исчезает.

М и с т е р А б р а м с. *(Присаживается обратно к столу.)* Знаете, шериф, мы все, вроде бы, христиане, я пресвитерианин, как и вы. Хотя на самом деле наша религиозность более чем поверхностна. Но тут даже у меня мелькнула мысль, что вот он – мой крест, который я должен нести.

Впрочем, позднее я о кресте уже не думал. Я просто добросовестно делал свою работу, а Эндрю по мере сил мне помогал. Так что все решили, что я прекрасный опекун.

А теперь я официально вошел в права наследования. Адвокат Гилберт все оформил...

Молчание.

Интересно, а что вы сами думаете о деле Ковальчуков? Впрочем, для вас это, наверное, архивная пыль...

Ш е р и ф. Нет, сэр. Официально дело не закрыто до сих пор. Видите ли, коронер еще тогда обратил внимание на некоторые обстоятельства наводящие на мысль о насильственной смерти обоих Ковальчуков. Так что дело до сих пор официально не закрыто.

Ш е р и ф открывает сейф, достает два толстых тома дела, кладет на стол, раскрывает первый том, привычно перелистывает. М и с т е р А б р а м с поражен. В течение следующего разговора ш е р и ф время от времени заглядывает в том и перелистывает.

Итак, очень важные показания дала соседка покойных Ковальчуков Рейчел Мак-Грегор. Моя мать.

Появляется Рейчел Мак-Грегор.

Рейчел Мак-Грегор. Дело в том, что я привыкла всю жизнь вставать ни свет, ни заря.

Как известно, покойный Бэзил Ковальчук был униатом. Хоть он и был женат на пресвитерианке, и его сын рос пресвитерианином, но сам Бэзил Ковальчук каждое воскресенье ездил в униатскую церковь в Литтл-Ривер-Сити. Для этого он выезжал, обычно, в семь утра.

Но, как я заметила, месяца за два до смерти он изменил свои привычки и начал выезжать очень рано, еще до рассвета.

Накануне рокового дня, в субботу двадцать третьего сентября пятидесятого года Хелен Ковальчук обратилась ко мне, своей соседке, с просьбой: поскольку назавтра она уезжает утром вместе с мужем, не могла бы я взять к себе на ночь и на половину следующего дня маленького Эндрю Ковальчука. Я с радостью согласилась – мой сын Джеймс дружил с Эндрю.

Ковальчуки выехали из дому в воскресенье двадцать четвертого сентября пятидесятого года в начале шестого утра, еще в темноте. У них был «кадиллак», который Бэзил Ковальчук купил по случаю, собственноручно отремонтировал и выкрасил в ярко-красный цвет. Поскольку была хорошая погода, крыша была сложена. Я заметила, что Хелен Ковальчук не села рядом с мужем, а легла на заднее сиденье, видимо, желая подремать дорогой.

Обыкновенно Бэзил Ковальчук возвращался в час-два пополудни. Но когда и в четыре пополудни Ковальчуки не вернулись, я забеспокоилась. Я позвонила на коммутатор. Удалось найти в Литтл-Ривер-Сити настоятеля униатской церкви отца Николаса Петренко. Тот, с большим удивлением, ответил, что Ковальчуков в церкви не было. Он сказал, что воскресная служба обычно начинается в девять утра и продолжается до полдвенадцатого, что Бэзил Ковальчук регулярно посещает воскресные

службы, что и в этот день служба прошла, как обычно, но Бэзила Ковальчука не было.

Тогда я позвонила шерифу Хопкинсу.

Рейчел Мак-Грегор исчезает. Появляется шериф Хопкинс.

Шериф Хопкинс. Я объявил розыск, но уже темнело. Полиция обзвонила всех, кого могла. Работники Бэзила Ковальчука очень удивились, они сказали, что в случае запланированной отлучки хозяин всегда их предупреждал и давал четкие указания. Брат Хелен Ковальчук Айзек Абрамс сказал, что к нему на ферму Ковальчуки не заезжали.

Ночью патрули, наши и из соседних округов, объездили все шоссе, нигде ничего не нашли. Были проверены дорожно-транспортные происшествия на сто миль вокруг, машина Ковальчуков нигде не фигурировала.

Утром я обратился по местному радио с просьбой о помощи в поисках. В два часа пятнадцать минут пополудни позвонил Сэмюэл Стэнфорд, фермер. Он сообщил, что облетал округу на своем легком самолете и заметил под Черным Утесом разбитую красную машину. В этом месте шоссе проходит по уступу утеса.

Полиция немедленно отправилась на указанное место. Это, действительно, была машина Ковальчуков. Оба трупа были в ней.

Разумеется, был вызван коронер. Он и его люди провели расследование. Вроде, все было ясно: шофер не справился с управлением, машина свалилась с обрыва со столдесятифутовой высоты. Но коронер обратил внимание на мелкие детали.

Ключ зажигания был в положении «выключен». Почему шофер, потеряв управление, выключил мотор? Впрочем, это могло произойти случайно.

У обоих трупов было множество переломов и ранений, часть из них были, что называется, несовместимы с жизнью. Коронер обратил внимание на ранение во лбу Бэзила Ковальчука. Оно было почти идеально круглым, как будто нанесенным тупым круглым предметом диаметром около трех четвертей дюйма.

Но точно такое же ранение было и в груди Хелен Ковальчук!

Никаких следов орудия убийства, никаких следов третьего человека! Коронер сомневался. Обычно в ране что-то остается от орудия: ржавчина, древесные волокна, краска, еще что-нибудь. Но здесь в обеих глубоких ранах не было ничего – притом, что на телах у обоих было много других ран разной формы, со следами камней и металла.

В конце концов, коронер отказался дать однозначное заключение. Но без его заключения дело нельзя было закрыть! Так что оно осталось официально открытым – кто знает, вдруг что-нибудь новенькое объявится.

Ш е р и ф М а к - Г р е г о р закрывает первый том, раскрывает второй, перелистывает.

Я уж не стану рассказывать обо всех прочих следственных мероприятиях. Около двух лет полиция пыталась нащупать след убийцы – и ничего. Через два года уже другой коронер все равно отказался дать заключение. Дело осталось открытым, но полиция перестала по нему работать.

*Ш е р и ф М а к - Г р е г о р закрывает второй том. Ш е р и ф
Х о п к и н с исчезает.*

М и с т е р А б р а м с. Да, а я и не знал, что дело не закрыто.

А знаете, шериф, а ведь именно я приучил Бэзила вставать и выезжать в воскресенье спозаранку.

Ш е р и ф открывает рот.

Бэзил появился у нас в городе перед самой войной. Он начал торговать велосипедами и мопедами, а также занялся их ремонтом. Я ушел в армию, стал офицером, дослужился до капитана, демобилизовался только в конце сорок шестого года. За это время моя сестра Хелен окончила колледж и стала учительницей, они с Бэзилом поженились, умерла моя мать,

родился Эндрю. Когда я вернулся, отец был уже плох, так что я должен был всерьез заняться фермой. Отец умер через год.

Я всегда держал несколько верховых лошадей – просто для удовольствия. От моего дома до Черного Утеса всего три мили по полям – это полчаса тихой рысью или около часа шагом. Хотя там и обрыв, но есть немало обходных тропинок, по которым можно подняться на уступ, где проходит шоссе. Там у шоссе широкие обочины.

Лошади – умнейшие создания. Если лошадь выучила дорогу, то она по ней пройдет шагом и в кромешной тьме – только не надо ей мешать. Так что тогда у меня была лошадь, которая могла подняться наверх и спуститься вниз в любое время суток.

А если встать на уступе перед рассветом... Утес у вас за спиной, и именно из-за утеса встает солнце. Равнина под ногами постепенно светлеет, потом появляются первые лучи солнца... Какое буйство красок, и они все время меняются, как в калейдоскопе! Да никакому Диснею такое не снилось!

Я стал туда подниматься каждое воскресенье перед рассветом – в другие дни на ферме было полно работы затемно. И как-то рассказал об этом Ковальчукам.

Бэзил загорелся посмотреть. Я сказал ему, что надо там быть до рассвета. И в ближайшее воскресенье он там был, и мы вместе встретили восход.

И так повелось каждое воскресенье – он на машине и я на лошади с охотничьим ружьем на сгибе локтя.

Да, я до сих пор член стрелкового клуба и часто участвую в соревнованиях, – и безуспешно, – у меня дома есть несколько разных стволов. Но мое немецкое ружье я никогда никому не показывал.

Достает из-за вольтеровского кресла двуствольное ружье, кладет на стол перед ш е р и ф о м. Ш е р и ф берет его в руки и внимательно осматривает, затем кладет обратно на стол.

Хотя в Германии мародерство пресекалось драконовскими мерами, на мелкие трофеи смотрели сквозь пальцы. Мы заняли замок какой-

то нацистской сволочи, и там я его увидел – это охотничье ружье. Там были и другие ружья, в том числе дорого украшенные – но это ружье было лучшим, я это сразу понял. И не ошибся.

Я забрал его себе.

Знаете, наша промышленность выпускает огромный ассортимент патронов. Но настоящий охотник снаряжает себе патроны сам. Гильзы могут быть картонными или металлическими, – последние можно использовать несколько раз, есть разные капсулы, разные виды порохов, разные дробы, картечи... Даже разные пыжи.

Так вот, я тоже экспериментировал. Я придумал стрелять льдом. Нужно было подобрать подходящий порох и, главное, подходящий пыж! Чтоб надежно отсекал лед от пороха, а то чуть-чуть воды – и все.

Я придумал делать пыжи из парафина. Сделать пыж чуть большего диаметра, слегка нагреть по краю, а затем с силой загнать в гильзу. Оказалось надежно.

Итак, берем картонную гильзу, вставляем капсулю, закладываем порох, загоняем нагретый парафиновый пыж. Затем заливаем воду – не доверху. В холодильник, в морозильную камеру. Получаем в патроне цилиндр льда. Закрутить края картонной гильзы – патрон готов.

Разумеется, нельзя его долго держать вне морозильной камеры.

Я много экспериментировал и нашел подходящую комбинацию пороха и льда. С сорока футов моя ледяная пуля пробивала кочан капусты, фанеру, тонкую доску. А парафин испарялся и сгорал.

Берет ружье, встает лицом к залу, взводит курки.

В то утро все было как обычно. Я подъехал раньше, привязал лошадь. Подъехал он, мы поздоровались. Ружье, как всегда, было на сгибе левого локтя. Вряд ли он заметил, что курки были взведены.

Прицельно стреляет. Опускает ружье.

С пятнадцати футов я попал точно.

И тут с заднего сиденья раздался жуткий крик!

Быстро стреляет навскидку.

Реакция меня не подвела. Она спасла мне жизнь на улицах Алансона, в Арденнском лесу, при захвате моста через Рейн. Не подвела и на этот раз, я выстрелил без промаха.

Хорошо, я много раз заранее прокручивал эту сцену в воображении. Увидев, что произошло, я, как сомнамбула, надел перчатки для верховой езды, снял машину с ручного тормоза, повернул руль и столкнул машину с обрыва. Затем сел на лошадь, и она доставила меня домой.

Садится к столу, кладет ружье на стол, вставляет ш е р и ф у в рот сигарету, дает прикурить, закуривает сам.

Знаете, попадись я в руки толковому следователю – раскололся бы в два счета. Но никому и в голову не пришло допрашивать меня. А на единственный заданный, да еще по телефону, вопрос, я ответил чистую правду: в тот день Ковальчуки ко мне на ферму не заезжали.

Открывает кейс, достал толстую папку, кладет ее на стол, раскрывает, она полна машинописных страниц.

Вот. Полное чистосердечное признание, заверенное адвокатом Гилбертом, в трех экземплярах. Со всеми техническими подробностями.

Вот ключи от дома и от мастерской в подвале. В холодильнике в морозильной камере две дюжины патронов со льдом, для следственных экспериментов. Не забывайте, их нельзя долго держать вне морозильной камеры, сорок-пятьдесят минут максимум. Если надо, я могу наделать еще патронов, все материалы в мастерской.

Все распоряжения по имуществу сделаны, Джонни, его дети и внуки получают кругленькую сумму. Еще чайку?

Ш е р и ф кивает. М и с т е р А б р а м с делает чай.

Знаете, это чистая правда – преступника тянет на место преступления. Года полтора я каждое воскресенье затемно поднимался на уступ – только без ружья. Потом меня как-то отпустило (*подает чай*).

Ш е р и ф. (*Пьет чай. В сторону.*) Я ничего не понимал.

С детских лет уик-энды на ферме Чуки и его дяди были для меня праздниками. Как мы скакали втроем по полям – я, Чуки и дядя Айзек! Какие готовили *барбекю*! Как спорили с Чуки о книгах – а дядя Айзек сидел рядом, слушал и иной раз говорил что-нибудь неожиданное.

А когда мы подросли, он учил нас стрелять. И хорошо научил!

И в шахматы мы играли! И в пинг-понг!

А что теперь?

М и с т е р А б р а м с. Ах, да (*улыбается*). Вам же нужен мотив.

Встает, снимает с книжной полки Библию, садится и раскрывает.

Вот, вы только послушайте:

«Пленила ты сердце мое, сестра моя, невеста! Пленила ты сердце мое одним взглядом очей твоих, одним ожерельем на шее твоей.

О, как любезны ласки твои, сестра моя, невеста! О, как много ласки твои лучше вина и аромат благовоний твоих лучше всех ароматов!

Сотовый мед каплет из уст твоих, невеста; мед и молоко под языком твоим, и благоухание одежды твоей подобно благоуханию Ливана!

Запертый сад – сестра моя, невеста, заключенный колодец, запечатанный источник.»¹

А вот еще:

«Пришел я в сад мой, сестра моя, невеста; набрал мирры моей с ароматами моими, поел сотов моих с медом моим, напился вина моего с молоком моим. – Ешьте, друзья, пейте и насыщайтесь, возлюбленные!

Я сплю, а сердце мое бодрствует. Вот, голос моего возлюбленного, который стучится: „Отвори мне, сестра моя, возлюбленная моя, голубица

¹ Песнь песней Соломона, IV, 9 – 12.

моя, чистая моя! Потому что голова моя вся покрыта росой, кудри мои –
ночной влагою“.»¹

Понимаете? Да нет, ничего вы не понимаете.

Закрывает Библию и кладет ее на стол.

Мудрым был царь Соломон. Понимал, что к чему. Понимал, что
такое сестра.

*Появляется восемнадцатилетняя Хелен Абрамс, подходит к
мистеру Абрамсу, обнимает его за плечи.*

Хелен была старше меня на три года. Обычно, когда мы после
школы ждали автобус, который развозил нас по домам, то мальчишки, как
водится, носились вокруг, девчонки шушукались... А мы вдвоем прогули-
вались, ее рука лежала на моих плечах, и я был так рад и так горд, что у
меня такая большая, красивая и умная сестра!

Хелен Абрамс исчезает.

Потом она уехала учиться в колледж, я окончил школу и ушел в
армию. На войне всякое бывало. Но письма...

Мне писали и мать, пока была жива, и отец, и старший брат
Джонни. И некоторые друзья, в том числе Робби, ваш отец блаженной па-
мяти. Но письма Хелен... Я их все сохранил, они заперты в левом нижнем
ящике письменного стола, что в гостиной.

*Появляется двадцатишестилетняя Хелен Ковальчук, в руках
книжки, на локте висит сумка. Пересекает авансцену, становится
наискосок от мистера Абрамса, который не сводит с нее глаз.*

¹ Песнь песней Соломона, V, 1 – 2.

И вот, в декабре сорок шестого в полдень я сошел с автобуса из Омахи на остановке возле школы. И тут она вышла из школы, с сумкой, с книжками в руках. Все это тут же упало, она бросилась мне на шею, залила меня слезами, все лицо покрыла поцелуями... И я целовал ее не помню куда, и весь мир для меня существовал только в ней!

Я не сразу понял, что со мной произошло. Наверное, не раньше, чем через полгода я отдал себе отчет: для меня другие женщины перестали существовать. Только Хелен!

Я не думал, что это инцест. Я не думал, что она может не согласиться на инцест. Я не думал, что она, скорее всего, любила Бэзила. Я не думал, что Бэзил ни в чем не виноват, и вообще он был хорошим парнем. Я не думал об Эндрю. Я вообще не думал.

То есть, я думал как раз о многом. Ферма требовала пристального внимания, а тут меня еще назначили в суд присяжных – может быть, слышали, дело Фокса. Но что касается Хелен, то мне все было совершенно ясно, без малейших сомнений.

Так и родился этот страшный замысел, так он и был исполнен. Так я и убил Хелен собственными руками.

Хелен Ковальчук исчезает.

Странно. Это совсем не отразилось на моем отношении к Эндрю. Просто нужно было выполнить свой долг, и я его выполнил. И считался образцовым опекуном.

Молчание.

Мистер Абрамс, улыбаясь, кладет обе руки на стол:

Шериф, допустим, я сам объявил о собственном аресте. О моих правах мне прочел вчера целую лекцию адвокат Гилберт. Но наручники?

Ш е р и ф. Что «наручники»?

М и с т е р А б р а м с Наручники должны надеть на меня вы. Собственноручно.

Ш е р и ф достаеа наручники.

Занавес

Хайфа, 18–20 Кислева 5781 г.¹

¹ 4–6.12.2020.

Вениамин Арцис

Авраам бен Дауд – великий предшественник великого Рамбама

«Авраам бен Дауд – единственный философ среди предшественников Рамбама»

Еврейский мыслитель XIV века Хасдай Крескас

Аннотация

Статья посвящена великому патриоту еврейского народа Аврааму бен Дауду (Испания, XII век), выдающемуся ученому, достигшему успехов во всех отраслях своей деятельности. Особенно значимых результатов он добился в философии – многие его разработки стали фундаментом для создания Рамбамом его эпохального труда «Путеводитель растерянных». Дауд показал лживость евангельских обвинений еврейского народа в убийстве Христа. Этого не было в ранних Евангелиях 1-го века и появилось в них лишь спустя 200 лет.

В конце жизни он оказался в застенках церковников-фанатиков, но не отказался от своих патриотических взглядов и мученически погиб.

Annotation

The article is dedicated to the great patriot of the Jewish people Abraham ben Daud (Spain, XII century), an outstanding scientist who achieved success in all areas of his activity. He achieved especially significant results in philosophy – many of his developments became the foundation for the creation by Rambam of his landmark work "Guide of the Confused". Daud showed the falsity of the gospel accusations of the Jewish people in the murder of Christ. This was not in the early Gospels of the 1-st century and did not appear in them until 200 years later.

At the end of his life, he ended up in the dungeons of fanatical churchmen, but he did not give up his patriotic views and died a martyr.

Евреи из-за сложной исторической судьбы родной земли многие века жили вдали от ее границ. Жизнь евреев в чужих странах неизменно сопровождали злая несправедливость и жестокие притеснения, но, несмотря на это, многие из них добились значимых успехов в науке и технике, медицине и искусстве, финансовых делах и управлении инфраструктурой. Именно к этим людям принадлежит герой нашего рассказа **Авраам бен Дауд** – еврейский ученый, родившийся в Испании в начале XII века, известный также под акронимом Рабад 1. Цифра 1 означает, что были и другие общеизвестные люди с таким акронимом.

Рассмотрим кратко, что представляла собой Испания в это время. В VII веке арабы под знаменем ислама овладели территориями Ближнего Востока, создали халифат со столицей в Дамаске и стали завоевывать соседние страны. В короткий срок они овладели всей северной Африкой. Обычно такие завоевания приносят большие бедствия местному населению, но в данном случае они привели и ко многим полезным изменениям. Арабы быстро создали систему мелиорации, что позволило вдвое увеличить посевную площадь, ввели более эффективный севооборот, и урожайность стала в 5 раз выше, чем в Европе. Было и много других полезных новшеств. Понятно, что местное население охотно принимало ислам и вступало в победоносную армию. В **711** г. арабы переправились через Гибралтарский пролив и захватили Андалузию – южную часть Испании. Продвигаясь на север, они в **732** г. подошли к городу Пуатье (250 км от Парижа), где их встретил отряд франков, возглавляемый **Карлом Мартеллом**. Франки победили, и арабы отказались от планов завоевания Европы, вернулись в Испанию, где они с переменным успехом в течение многих веков воевали со всеми христианскими королевствами Пиренейского полуострова. Окончательную точку в этой войне поставил **1492** год – объединенное Испанское королевство запретило проживать в стране всем, кто не придерживается христианских взглядов. Масса арабов и евреев отказались креститься и покинули страну. Число таких евреев оценивается в 300 тысяч.

Но вернемся в VIII век. Евреи к этому времени жили на Пиренях почти 1000 лет и натерпелись немало бед от христианских фанатиков. Поэтому они встретили арабское вторжение с большими надеждами,

которые в Андалузии долгое время сбывались. Пускай они обложили евреев и христиан налогом, пускай требовали называть Средиземное море Сирийским, как их халиф в Дамаске, заставляли носить особую одежду, но не касались религиозной свободы и всячески способствовали их хозяйственной деятельности. Евреев и христиан они называли весьма толерантными словами «Дети Писания». Поэтому арабы и евреи считают это время «Золотым этапом» своей истории. Культура евреев этого периода представлена такими гигантами как Иегуда Галеви, Авраам ибн Эзра, Моше ибн Эзра, Шломо ибн Габироль. Но в середине XII века наступили тяжелые времена. В 1147 г. власть в Андалузии захватило мусульманское фанатичное движение альмохадов, которое потребовало от всех или перейти в ислам, или срочно покинуть страну. И очень многие немедленно уехали. Семья 12-летнего Моше бен Маймона (будущего Рамбама) – на Ближний Восток, семья 37-летнего Дауда (будущего Рабада) – в Толедо, столицу Кастилии.

Развитие общественно-научных знаний у арабов в X–XI веках привело к постепенному отходу от неоплатонизма к натуралистическим воззрениям Аристотеля, считавшего что материя существовала всегда. В это время появилось много философских сект, которые угрожали и философии, и религии. Не случайно арабский ученый XII века **Аверроэс (Рушд)**, автор «Двойственной истины», т. е. независимости истин разума от истин религии, предлагал «запретить распространение высших знаний среди низших умов». В результате без должных доказательств было принято, что весь космический процесс подчиняется неизменным законам, нарушать которые не дано никому. Из этого следует, что материя не создана Богом, она вечна и несотворима. Такое мировоззрение не могло оставить равнодушным идеологов иудаизма. Задачу защиты авторитета Торы – основы иудаизма – выполнил Авраам Дауд в своей знаменитой книге «**Возвышенная вера**» (**эмуна рама**), послужившая основанием для многих известных разработок Рамбама.

О биографии Дауда, как и многих еврейских интеллектуалов той эпохи, известно мало. По мнению большинства специалистов, он родился в городе **Кордова (Андалузия)** в **1110** г. Через 25 лет там же родился великий **Рамбам**. Дауд был внуком главы еврейской общины Кордовы. Его

обучением в юности занимался родной дядя – известный раввин Барух бен Ицхак ибн Альбаляя. Многие родственники Дауда были профессиональными врачами, литераторами, астрономами, раввинами, бизнесменами, чиновниками, и любознательный Дауд уже в юные годы считался разносторонне образованным человеком. После захвата Кордовы альмохадами в **1147** г. он уехал в **Толедо**, где написал свои книги. Там в это время действовала первая в Европе **Школа переводчиков**. Руководитель Школы монах **Доминик Гундиссалин** сразу пригласил сотрудничать Дауда, хорошо знавшего много языков. Дауд под псевдонимом **Авендаут** сделал множество переводов сочинений современных и древних авторов. Почему он применил псевдоним? В своих книгах он этого никогда не делал. Считается, что это делалось из соображений безопасности. Христианские фанатики ненавидели Дауда за его смелую критику антисемитских действий Церкви. О работе этой Школы интересно рассказал советский переводчик **В. А. Иовенко** в статье «Школа переводчиков в Толедо». Следует отметить подзаголовок к статье – «Откуда корни нашей профессии». В дальнейшем христианским фанатам удалось погубить Дауда. Об его мученической смерти сообщает еврейский автор XIII века **Иуда бен Соломон Коэн** в своей энциклопедии «**Мидраш ха-Хохма**», которая считается первой великой еврейской энциклопедией. Он также сообщает, что Дауд читал подлинники писем **Хасдая ибн Шафрута**, врача и советника халифа Кордовы, **царю Хазарии Иосифу** и ответ последнего (**960** г.), подтвердившего, что еврейская религия имеет в стране государственный характер, и лишь после этого включил эти материалы в свою книгу.

Рассмотрим кратко основные идеи в книгах Дауда. Он разделял многие идеи великих мусульманских философов **Авиценны** и **Фараби**, был первым еврейским мыслителем, принявшим целый ряд положений **Аристотеля**. И до него еврейские философы не отвергали логику Аристотеля, но никогда не руководствовались ею. Дауд не стеснялся критиковать своих именитых предшественников. Так, он высоко ценил «Книгу верований и мнений» **Саадии Гаона** (X век), доказывающую, что Вселенная создана Богом, но не бесконечна, т. к. создать бесконечное невозможно. Душа создана вместе с телом, но после смерти засыпает, затем она воскресает чтобы предстать пред Всевышним. Саадия пытался

согласовать данные науки и религии: «Научные данные не должны противопоставляться вере в Бога и в Тору, т. к. и вера, и Тора ниспосланы нам Всевышним». Дауд и с этим соглашался, он не сомневался, что разум дан человеку, чтобы он смог принимать правильные решения, но не мог простить Саадии невнятного отношения к гуманнейшему принципу Торы – провозглашению «Свободы воли и права выбора». Для Дауда это было величайшим достижением человечества. Каждый наделяется правом быть хозяином своей судьбы, быть независимым в принятии своих решений. Более резко Дауд критиковал книгу **ибн Габироля** «Источник жизни», в которой восхваляется неоплатонизм, возникший после смерти **Платона**. В нем исчез ряд разумных идей самого Платона, но были введены мистическая романтика, вера в колдунов и чудеса, аскетизм и большое пренебрежение к реальной жизни. Дауд так и не смог понять суть одного их важного лозунга: «Вселенная имеет живую душу, которая, как и человек, жаждет вернуться к Богу».

Рассмотрим некоторые философские идеи книги «Возвышенная вера» (эмунэ рама). Это была первая попытка еврейской мысли изложить Традицию с учетом учения Аристотеля. Дауд сразу провозгласил свои идеологические принципы. Еврейская философия ищет ответы на все вопросы в рамках координат, заданных Торой, и она должна усиливать религиозную веру, т. к. Откровение, полученное на Синае, уже содержит те истины, к которым философы шли в течение многих веков. Итак, истинная философия не сворачивает нас с пути веры, а укрепляет ее. Одновременно беспрестанно подчеркивается необходимость поддержки науки, хотя «религия выше науки, поскольку дана Всевышним». Следует отметить, что в это время многие оценивали роль философии совершенно иначе. Так **Иегуда Галеви**, общепризнанный классик еврейской поэзии, в своей знаменитой книге «Кузари» утверждал, что «Изучение философии губительно для правоверия».

О Боге. Бог бестелесен, но Он реально существует и определяет все процессы, идущие в мире. Бог не может иметь тела, т. к. любое тело имеет дату рождения и смерти, а Он вечный. Сила тела ограничена, а сила Бога безусловно безгранична. «Бог един, но не как тело, у которого есть части и края, Его единству нет ничего подобного в мире. Он Всевышний,

поэтому не может быть несколько Богов. Лишь Бог есть причина бытия и движения». Дауд первый в еврейской философии ввел понятие «Перводвигатель», центральное понятие в космологии Аристотеля. И как вывод – Бог существует, но Его сущность непостижима.

Интересно отметить, что через много веков понятия «Перводвигатель» и «Первотолчок» активно использовались Исааком **Ньютоном**.

О пророчестве. «Пророчество не есть сверхъестественный феномен, нарушающий естественный порядок, а высшая форма естественного развития разума». Дауд цитирует слова Авиценны, которые вызовут сомнение у многих читателей: «Связь разума пророка с Высшими интеллектами помогает понять его способность преодолевать законы природы». Дауд уточняет, что речь, конечно, не идет о физических законах, а лишь об общественных процессах, скорость которых существенно зависит от пророческого дара его вождей. В книге подчеркивается, что пророчество должно рассматриваться только в связи с большими общенародными проблемами, но не с судьбой отдельных людей. Дауд не сомневается, что дар пророчества Бог связал именно с еврейским народом.

О добре и зле. Почему в мире существует зло ведь Бог справедлив и милостив... Дауд разъясняет, что в мире нет зла как такового, а есть отсутствие добра, вызванное поведением недобросовестных людей. Следовательно, Бог не участвует в создании зла и накажет этих людей, когда придет время Суда. Но почему часто праведники бедствуют, а злодеи благоденствуют? Мнение Дауда на этот счет не отличается от обычного ответа, который дают иудейские и христианские специалисты: «Многие недостатки нашего мира только кажутся такими, потому что мы не видим общей картины, а лишь ее часть. Если бы мы увидели всю картину, то поняли бы, что то, что нам казалось недостатком, на деле им не является, а иногда даже полезно». Хрестоматийный пример этого – сдача Кутузовым Москвы в **1812** г. Многие считали это его старческим безумием, но изменили свое мнение, когда увидели конечный результат этого стратегического маневра.

О свободе воли и праве выбора. Дауд считал этот принцип величайшим достижением иудаизма, зафиксированным в Торе. Но вряд ли есть другой пункт Торы, который вызывает столько противоречий. Многих

религиозных активистов пугает, что этот принцип лишает Бога знаний о последующих событиях, т. е. его всеислия. Поэтому ислам просто отказался от этого принципа. Все пророки поддерживали эти права. Еще **Моисей** говорил: «Ты можешь сам для себя избрать, ибо это тебе дано». Талмуд в общем также поддерживал, ориентируясь на библейские слова «И выбери жизнь», и сам выдвинул лозунг: «Все в руках Небес, кроме страха перед ними». **Рабби Акива** (I–II век) имел весьма неопределенное мнение: «Все предвидено, но воля дана». **Ралбаг** (XIII век) уклонялся от четкого ответа: «Бог не предвидит всех решений человека, но всегда может направить историю по нужному ЕМУ пути». **Хасдай Крескас**, известный мыслитель XIV века, не скрывал своего отрицательного мнения: «Свобода воли видна только при взгляде снизу вверх, но ее не видно, если смотреть сверху вниз, со стороны Творца». Рамбам считал право выбора и свободу воли основополагающими требованиями Торы, без которых Она не может существовать. Ведь в этом случае у людей не будет собственного права – выбрать Тору или нет, а если им навяжут выбор Торы, то от этого ее авторитет не увеличится. Этот выбор все должны сделать сами. Не случайно иудаизм не признает миссионерство. С тех пор многие специалисты ориентируются на мнение Рамбама, но многие, особенно в наши дни, против, считая свободу воли несбыточной иллюзией.

Большой разброс мнений по этому вопросу породил знаменитую шутку, популярную среди философов. Вопрос: «Может ли Бог сотворить камень, который даже Он не сможет поднять?» Ответ: «Конечно, может, Он же сотворил свободу воли!»

А что Авраам Дауд считает правильным в этой проблеме? Право выбора есть у всех людей, независимо от их социального статуса. Фактически это их желание – быть моряком или садоводом, врачом или судьей, банкиром или поэтом. В этом все люди действительно равны. Свобода воли – это практическая возможность человека реализовать свой выбор. На этом пути множество преград. Например, мечтаешь стать боксером, а у тебя никудышное здоровье. Преграды для осуществления мечты бывают самые разные – административные, сословные, расовые, семейные, войны, болезни, ленивость, безвольность и т. д. Вот почему немногим

удается осуществить свою мечту, хотя ее наличие соответствует идеологии Торы.

А не является ли главной преградой то, что Богу известно все, в том числе и твоя судьба, и потому не в твоих силах ее изменить. И Дауд твердо отвечает «НЕТ» и смело утверждает, что Бог, желая людям благ с самого начала, устроил мир так, что конечный исход некоторых действий оставил неопределенными даже для своего собственного ведения. При таком подходе Дауда формулировка для свободы воли приняла совершенно новый вид: **«Свобода воли – это способ реализации ЛЮБОЙ возможности действий человека, которые Бог оставил неопределенными, чтобы человек мог проявить свою энергию и моральные принципы, а Бог имел необходимые основания для справедливого Суда».** Рамбам в целом поддержал этот подход, как обычно, не называя его автора, но в оценке божественных самоограничений был крайне осторожен. Очень хорошо, что Тора провозгласила свободу воли. Это яркий показатель ее подлинной идеологии!

Оценка Заповедей Торы. Несмотря на величайшее уважение к Торе, Дауд решил провести строгий философский анализ Заповедей и при необходимости установить между ними значимую градацию. Он был первым в иудаизме, кто искал подлинный смысл Заповедей и уделил много времени обоснованию их классификации. В результате исследования он пришел к выводу, что «Не все Заповеди одинаковы по своей ценности; те Заповеди, в которых, с точки зрения религии, нет «рациональной» основы, сравнительно малоценны». К ним он, в первую очередь, отнес церемониалы и жертвоприношения, хотя признавал их важную роль в сохранении традиций и нравственного совершенства. Для обоснования таких взглядов он многократно цитировал пророков **Исайю**, **Иеремью** и Псалмы, в которых указывалось, что помощь нуждающимся ценнее всех церемониалов и что далеко не все жертвоприношения заповеданы Богом в Торе. Превосходство «рациональных» Заповедей он объяснял тем, что они, помимо своей «разумности», общепризнаны всеми народами, например, истинная вера в Бога, право выбора и свобода воли, «Не убий» и т. п. «Общепризнанные Заповеди объединяют народы, указывая на общность их интересов, сплавляя их в один организм». Дауд был великим патриотом

еврейского народа, но не был узколобым националистом. Он отделял Заповеди, важные для евреев, от тех, которые важны и приемлемы для других людей, потому что верил в **историческую будущность Торы – стать моральным кодексом всего человечества.**

О реинкарнации. Кто первым ввел в человеческий лексикон слово «душа» неизвестно. Считается, что оно возникло 8 тысяч лет назад в праиндоевропейском языке и значило «Дуть, дышать, дух». В Торе, созданной 30 веков назад, оно появляется уже на первой странице. Платон считал, что душа и тело существуют раздельно, Аристотель – что неразрывно связаны. **Иосиф Флавий** полагал, что тела сделаны из непрочного материала и потому смертны, а душа бессмертна, т. к. сделана из божественного материала. В Талмуде душа независимая сущность, как часть человека, созданная непосредственно Богом. В Древней Иудее часть жителей (в основном фарисеи) верили в бессмертие души, саддукеи считали, что душа существует, но умирает вместе с телом, ессеи занимали промежуточную позицию.

Реинкарнация на латыни означает повторное воплощение. В рассматриваемом случае – переселение души из мертвого тела в другое существо. Эта идея более характерна для восточных религий. Идеологи реинкарнации утверждают, что души должны вернуться туда, откуда они вышли. Но чтобы иметь на это право, они должны пройти очищение и достигнуть нравственного совершенства. Если им не удастся сделать это, их направят на исправление – начать новую жизнь в новом теле, например, для того чтобы исправить ошибки в прежней жизни. При необходимости предусматривались и последующие переселения. Дауда возмущала такая система взглядов, получалось, что новорожденным достаются только безнравственные души, не сумевшие пройти проверку. Правда, утверждалось, что души особых злодеев из оборота исключались, но кто мог это проверить? Другой момент, возмущивший Дауда, заключался в попытке объяснить высокую детскую смертность конфликтом младенца с безнравственной душой. Дауд был также опытным врачом. Он знал, что в королевских семьях смертность младенцев не опускается ниже 10%, а в крестьянских она в 3 раза выше, и понимал, что все объясняется разным уровнем благосостояния. Он верил, что в будущем удастся для всех людей

снизить детскую смертность до 10%. Сейчас, благодаря успехам медицины и повышению уровня жизни, смертность младенцев в развитых странах снизилась до полпроцента.

В иудаизме реинкарнация распространилась в середине XII века, как раз во время творческого расцвета Дауда и получила название «Гильгуль». Дауд сразу понял, что это учение несовместимо с Правом выбора и свободы воли, и подверг его резкой критике показав, что в Талмуде, а тем более в Танахе, нет даже никаких намеков на гильгуль. Идеологи реинкарнации начали искать и... «нашли». Вот типичный пример их «находок». В Торе сказано: «Если купил раба еврея, пусть он работает 6 лет, а на седьмой отпусти его на волю даром». Этому дается такое объяснение. Раб – это олицетворение души, которой положено отработать за кармические долги, совершенные еще в предыдущем теле. При таком подходе можно доказать что угодно.

В настоящее время еврейские и христианские ученые, не связанные с каббалой, в основном не считают основные положения реинкарнации состоятельными. Но в списке людей, поддержавших ее, есть очень значимые имена – **Сократ, Пифагор, Нахманид, Ориген, Бааль-Шем-Тов** – основатель хасидизма, **Джордано Бруно**, смертный приговор которого содержал обвинение в пропаганде реинкарнации. Многие мыслители отвергали эти идеи. Из-за церковных указаний так поступило большинство христианских философов, из философов-евреев следует отметить Саадию, Рамбама, Ксеркаса и, конечно, Дауда.

О сотворении мира. Этот вопрос был чуть ли не единственным, когда мнения Дауда и Аристотеля разошлись, т. к. Аристотель утверждал, что первичная материя существовала всегда, а Дауд в соответствии с Торой считал, что Бог сотворил весь мир, включая первичную материю, из ничего. Дауд использовал идею Аристотеля о причине движения, представляя ее в философском смысле, т. е. как любое изменение. Она лежит в основе всех природных явлений и, являясь их «первопричиной» и не имея над собой никакой силы, сама должна оставаться неподвижной (неизменной). Этот довод привел Аристотеля к признанию Бога как «первопричины» всякого движения. Саадия использовал эту доктрину творения для того, чтобы доказать неизбежность бытия Бога. Дауд, считавший, что при

наличии Синайского Откровения нет необходимости доказывать существование Бога, использовал эту доктрину для доказательства сотворения Богом всего мира и в том числе первичной материи. Но все попытки Дауда выдвинуть гипотезу, способную снизить противоречия в этом вопросе между Аристотелем и Торой, оказались неудачными, видимо, это просто невозможно. С этой задачей справился Рамбам, отрицая трансцендентные идеи Аристотеля, как принципиально недоступные человеческому разуму и экспериментальной проверке. Однажды Рамбам спорил с последователем Аристотеля, заявившим ему: «Вы зря отрицаете трансцендентные идеи, Ваши взгляды о Боге такие же, они недоступны практической проверке». Рамбам возражал, ссылаясь на Синайское Откровение, зафиксированное в Божественной Торе. Но оппонент не унимался: «В Торе зафиксировано не Синайское откровение, а лишь историческое предание о нем». Рамбам закончил спор такими словами: «А Вы зря считаете себя последователем Аристотеля, у него не было сомнений в существовании Бога».

Анализ исторической тематике по «Книге традиций» (сефеха-каббала). Современники называли эту книгу «Еврейская летопись», до настоящего времени она является ценным источником при исследовании расцвета еврейской культуры в средневековой Испании. В ней выдвинут лозунг, что духовная гегемония Востока перешла к Западу, а испанские раввины стали законными преемниками вавилонских гаонов. Значительная часть этой книги, как и «Возвышенной веры», посвящена критике учения караимов. Они этнически не евреи, с VII века привержены письменной Торе, но не признают устную Тору и Талмуд, придерживаются менее строгих религиозных запретов, чем евреи. Поэтому всегда была опасность, что они увлекут часть евреев. Опасность особенно возросла после разрушения Храма и массового рассеивания евреев. Дауд умело показывает, что караимы не признают еврейских традиций и ослабляют идеологический настрой еврейского народа, в том числе и на возвращение в Иерусалим. Одновременно он убеждает, что раввинистическое учение в иудаизме – самый последовательный защитник еврейских традиций, заложенных великим Моисеем.

В книге Дауд неоднократно утверждает очень важную идею своей жизненной позиции – **«История еврейского народа – интегральная часть мировой истории»**.

В дальнейшем Дауд написал два дополнения к «Книге традиций». В одном он рассматривает историю еврейских царей эпохи Второго Храма, причины их неудачной политики. Также рассматривается история саддукеев, которые существовали в последние три века перед Иудейской войной и были одним из трех ведущих религиозных течений. Саддукеи являлись аристократической, состоятельной частью населения, долгое время командовали в Синагогии и судах, признавали только письменную Тору. Находясь во власти, они были вынуждены сотрудничать с Грецией и Римом. Все это вызывало недовольство населения, приобретающее иногда жестокие формы. После падения Иерусалима они потеряли власть и исчезли, почти не оставив значимых документов о себе. Дауд называет их предшественниками караимов.

Другое дополнение посвящено истории Древнего Рима. Дауд анализирует причины падения великой империи. В первые столетия Рима его жители были истинные патриоты и по много лет добросовестно служили в армии, всегда готовые отдать жизнь за победу. За бегство с поля боя полагалась смерть. Но со временем менталитет римлян изменился. Все хотели наслаждаться жизнью и не работать – для этого есть рабы. Семьи не хотели иметь детей, чтобы не затруднять свою жизнь. Даже армиями теперь командовали бывшие рабы или варвары, перешедшие служить Риму. Дауд называет две даты, определяющие, по его мнению, суть процесса. **210 г.** – когда всех иноземцев, живущих в Риме, объявили его гражданами. Император думал, что этим решением он приобретет новых сторонников и укрепит свою власть, но вышло, наоборот. Очень многие не имели никаких патриотических традиций, они требовали лишь **«хлеба и зрелищ»** и не хотели ни работать, ни защищать страну. Рим стал неуправляемым городом, опасным даже для высшей знати, и император **Феодосий в 388 г.** перенес свою ставку в **Милан**. Через несколько лет Феодосий разделил страну на две части, и Милан стал официальной столицей Западной Римской империи, а еще через 80 лет она рухнула под ударами варварских орд. **Меры, которые применялись властями для спасения Рима и**

отрезки времени, которые выявляли их бесполезность, очень полезны и для анализа современной истории.

В этом же дополнении, посвященном истории Рима, Дауд оценил подлинность Евангелий, которые с **325 г.** в империи стали официальным документом. Первые Евангелия были написаны в I веке евреями для евреев, и первыми христианами были евреи. В них убийство **Иисуса Христа** представлено совсем не так, как в нынешних Евангелиях. В них убийство вопреки желанию народа организовано римским префектом **Пилатом** и частью членов Синедриона, боявшихся усиления влияния Иисуса и его критике их преступлений. В нынешних Евангелиях сохранены сцены искреннего горя народа на похоронах Иисуса, и непонятно как могли эти люди всего несколько часов назад требовать казни Иисуса и соглашаться, чтобы вина за убийство легла на их детей. Дауд пишет, что только те, кто совсем не знает евреев, могли поверить в эту ложь. В рамках фальсификации церковники приказали уничтожить все старые экземпляры Евангелий, но в Испании, далекой от Рима, Дауд нашел старые экземпляры и смог обосновать свое обвинение. Одновременно он показал безнравственность префекта Пилата, который выглядит чуть ли не святым в откорректированных Евангелиях, желавшим спасти Иисуса. Римские писатели II–III веков **Апулей, Лукиан, Цельс** считали Пилата самодуром, жестоким садистом и казнокрадом, за что император **Тибериус** в **36 г.** лишил его должности префекта и отправил в ссылку. Это произошло через несколько лет после евангельской версии гибели Иисуса Христа. Писатели уверяют, что, согласно римскому праву, префект мог любого человека отправить в Рим для следствия. Но, если Иисус был таким справедливым, как показано в Евангелиях, то он, несомненно раскрыл бы в Риме преступления Пилата. Именно поэтому Пилат и не хотел его спасать. Облагораживание Пилата в Евангелиях является политически мотивированной ложью, желанием сотрудничества с властью Рима.

После этой публикации христианские фанатики возненавидели Дауда.

Последнее сочинение Дауда посвящено астрономии. В ней рассматриваются некоторые вопросы, которые современному читателю покажутся странными, например, о шарообразности Земли и, вследствие

этого, о людях, живущих на противоположной от нас территории Земли. Оказалось, что эти темы уже поднимались в IV веке в книге каббалистов «Зоар». Книгу Дауда одобрили специалисты, в том числе **Исаак Израэли Младший**, автор знаменитых «**Основ Мира**» (йесод олам), ставших популярным учебником по астрономии в средневековой Европе.

Подведем итоги рассмотренного материала.

Авраам бен Дауд был искренним патриотом еврейского народа и всю свою жизнь бесстрашно сражался за его подлинные интересы. Он был настоящий ученый, завоевав признания во всех областях своей деятельности. Наибольших успехов он добился в философии. Хотя он не создал нового учения, но успешно начал работу, которую обычно связывают с именем Рамбама, по наведению в еврейской философии научной стройности, учета теоретического наследия и ясности понимания, а в отдельных сложных вопросах добился значимых успехов, которые стали фундаментом для создания Рамбамом своего эпохального труда «**Путеводитель растерянных**» (морэ невухим).

Как погиб Дауд... Где-то между **1180** и **1187** годами Дауд оказался в застенке церковных фанатиков, требовавших публичного отказа от обвинения в корректировке первоначального текста Евангелий. Согласно легенде, Дауд сказал своему мучителю: **«Я старый человек, у меня уже мало сил, и я могу не выдержать этих пыток и оговорить себя. У нас с тобой один Бог! Но ведь Он знает, что Евангелия были изменены, как знаем это и ты, и я. И Бог знает, что в своей душе я не откажусь от правды. Так зачем ты меня мучаешь, у нас с тобой один Бог...»**. Это были последние слова, которые сказал в своей жизни этот великий патриот.

Литература.

При работе над статьей были использованы материалы интернета и следующие публикации:

1. Еврейская энциклопедия – СПб.: Брокгауз-Эфрон, 1908
2. Краткая еврейская энциклопедия – Иерусалим.: Еврейский университет, 1988
3. Ибн Ружд. О связи религии и философии – М.: РУДН, 1994

4. Павловский А. И. Популярный библейский словарь – М.: Панарама, 1994
5. Свенцицкая И.С. Запрещенные Евангелия – М.: Политиздат, 1965
6. Дубнов С. М. Краткая история евреев – М.: Сварог, 1996
7. Пол Джонсон. Популярная история евреев – М.: Вече, 2001
8. Этьен Жильсон. Философия в средние века – М.: Республика, 2004
9. Старберд Маргарет. Миф о Марии Магдалине – М.: Астрел, 2008
10. Иовенко В. А. Школа переводчиков в Толедо (Откуда корни нашей профессии) – М.: Мосты, журнал переводчиков, 2008 №4
11. Гилель Галкин. Иуда Галеви – М.: Текст, 2011
12. Лайтман М. С. Зоар – М.: АСТ, 2015
13. Стэнфордская философская энциклопедия. Авраам ибн Дауд – США (Калифорния, Пало-Альто).: Стэнфордским университет, 2020 (Интернет)
14. Иуда бен Соломон ха-Коэн. Энциклопедия «Мидраш ха-хохма» (Интернет).

Некоторые экономические проблемы в библейской литературе и их анализ классиком иудаизма Рамбамом

Если ты получаешь доход, не зарабатывая его, то кто-то его зарабатывает, но не получает.

Рамбам

Аннотация

Рассмотрены вопросы решения экономических проблем в рамках иудаизма. Их нацеленность на соблюдение интересов и государства, и населения, для чего все случаи реальной жизни определены законом, в котором также предусмотрены меры по снижению опасности экономического неравенства. Все это подкрепляется моральными требованиями Декалога. Поэтому эти положения имеют не только историческое значение, а сохранили свое общественное значение и в наше время. В статье большинство оценок решения этих проблем в иудаизме взято из работ великого еврейского мыслителя Рамбама.

Annotation

The issues of solving economic problems within the framework of Judaism are considered. Their focus is on the interests of both the state and the population; by law, which also provides for measures to reduce the risk of economic inequality, determines all cases of real life. All this is supported by the moral requirements of the Decalogue. Therefore, these provisions are not only of historical significance, but have retained their social significance in our time. In the article, most of the assessments of the solution of these problems in Judaism are taken from the works of the great Jewish thinker Rambam.

1. Почему в качестве специалиста для анализа указанной проблемы выбран Рамбам? Потому, что он был самым выдающимся еврейским мыслителем Зрелого Средневековья (IX–XIII вв.). Недаром народ оценил его деятельность пословицей: «От Моше до Моше не было равного Моше». Он проявил системный подход к пониманию Божественной сущности окружающего мира и целей человеческой жизни, т. е. **одновременный учет и требований Торы, и реальной разумной жизни.**

Об огромных знаниях и способностях Рамбама в самых разных вопросах говорят такие факты:

- Мать Моше умерла при его рождении. Через 10 лет подобное случилось у соседней. Моше сказал своему дяде, старому врачу, что надо было разрезать маму на части, понять причину ее смерти, и тогда бы мы спасли соседку. Дядя воскликнул: «Боже мой, мальчику только 10 лет! Что же будет через 10 лет?»
- Людям, которые недоумевали, почему Бог «назначил» для числа π (отношение длины окружности к ее диаметру) столь несуразную величину, он советовал вспомнить сколько дней в году. И добавлял, что «Бог дал нам разум, чтобы мы им пользовались».
- Предположение о влиянии притяжения Луны на возникновение приливов и отливов на Земле высказано им за 4 века до Иоганна Кеплера, сделавшего это предположение общеизвестным.
- Он был убежден, что со временем люди откажутся от шмиты – системы земледелия, при которой земле каждые 7 лет дается отдых, а разработают режим севооборота со сменой посевных культур,

так, чтобы посев каждого года производил в земле благоприятные изменения для посева будущего года.

- Рамбам был знаменитым врачом; согласно легенде, сам Ричард Львиное Сердце приглашал его на службу. Вот один из его известных советов: «Если Вы пришли к незнакомому врачу, и он выписал три разных и незнакомых таблетки, предложив применять их вместе, больше к нему не ходите. Он обязан предварительно проверить, как эти таблетки действуют именно на Вас и поодиночке и всей группой».
- Во время спора о достоверности Септуагинты как исторического источника Рамбам сказал, что, согласно греческим документам, для перевода ТАНАХа на греческий в 35-м веке от сотворения мира это было поручено 72 еврейским мудрецам, по 6 человек от каждого из 12 колен Израиля. Однако, ассирийцы еще за 5 веков до этого увели 10 колен из Ханаанской Земли. Если организаторы перевода этого не знали, то вряд ли там были еврейские мудрецы. Кстати, Септуагинта полагает, что сейчас лишь 5773 год, а не 5783, как принято в Израиле.
- Султан Саладин упрекнул Рамбама, что в своей книге он не упомянул известного арабского астронома. Рамбам отвечал, что этот ученый на деле им не является. Он утверждает, что Земля не может быть наклонена к плоскости своей орбиты на 23 градуса, т. к. при этом в полярных широтах образуются многонедельные полярные ночи и полярные дни. В праздник Рамадан мусульмане могут питаться только по ночам, а если их не будет, так мусульмане должны целый месяц голодать? Аллах этого не допустит. Рамбам уточнил, что впервые этот наклон определил уже 1500 лет назад древнегреческий астроном Бион. Здесь уместно отметить не только глубокие знания Рамбама в астрономии, но и его смелость в защите достижений науки от религиозных фанатиков, что еврею в мусульманской стране далеко не безопасно.
- Рамбам обладал несомненным литературным талантом. Многие специалисты считают, что если бы он сочинял художественные произведения, то стал бы классиком мировой литературы. Это

привело к появлению у него недругов из группы писателей, чьи книги не нашли читателя. Они утверждали, что из-за его «простеньких книжек» евреи перестали читать трудоемкий Талмуд, а он ставит свои книжки в один ряд с Библией. Другая группа недругов возникла от того, что Рамбам-врач считал, что еврейский врач должен бесплатно лечить евреев-бедняков, а Рамбам-раввин считал, что преподавание Торы – это долг каждого еврея и не должно оплачиваться: «Кто на словах защищает Тору, но хочет жить не работая, а рассчитывая на милость, тот позорит Тору и оскверняет Имя». Приведем один факт, иллюстрирующий его литературное мастерство. На вопрос султана об его отношении к строящейся обсерватории он ответил, что это замечательно, **давно пора нам перейти от инвентаризации нашего небесного хозяйства к его изучению.** Восхищенный султан спросил: «Ты слова об инвентаризации нашего небесного хозяйства где-то ранее уже использовал?» Рамбам покачал головой, на что султан убежденно сказал: «Немедленно запиши, они войдут в учебники риторики!»

- Рамбам был искренне религиозным человеком, но, будучи великим мыслителем, внес много важных уточнений в богословские вопросы, значительно опередивших время его жизни – XII век н. э. В разделе 3 своих «13 Принципов Веры» он пишет: «Безгранично верю в то, что Творец, благословенно имя Его, не имеет тела. К нему не применимы понятия физического мира и не существует ничего, что имело бы даже самое отдаленное сходство с Ним». Рамбам, как философ, понимал, что любое тело должно иметь даты рождения и смерти. **Но Всевышний должен быть вечным, а, следовательно, бестелесным, но... реально существующим. Так становится возможным понимание, что в Природе существует Механизм, который определяет все происходящее.** И движение небесных тел, и то, что у бананов рождаются бананы, а у кошек кошки, и почему людям для дыхания необходим кислород. Такой подход снижает накал вечных споров материалистов и идеалистов о существовании Бога. Поставить прямой опыт для ответа на этот вопрос пока не удастся, а вот отрицать наличие

Механизма, управляющего всем происходящим в Природе, нелепо. И задачей науки становится изучение этого Механизма для использования его законов во благо людей.

2. Перейдем к рассмотрению экономических проблем в библейской литературе. Прежде всего, что значит слово «Библия». У него несколько значений. Общим для них источником является название финикийского города **Библ** (современная Сирия), где греки покупали кору папируса для изготовления писчей бумаги. Когда в XV веке изобрели книгопечатание, то книги также получили это имя, а их хранилища стали библиотеками. В христианской литературе словом Библия стали обозначать общность документов Старого и Нового Заветов. Оно встречается уже в Септуагинте, в России появилось в 1499 г.

3. Многие противники иудаизма осуждают его за оправдание частной собственности и ростовщичества и обвиняют евреев во всех экономических бедствиях, включая будущие времена. Иудаизм, как и все без исключения древние религии, признает право частной собственности. В Торе первое указание об этом появляется при покупке Авраамом участка земли для похорон Сарры. Авраам отказался принять этот участок в подарок от местного властителя в знак благодарности за оказанные ему услуги. Он понимал, что в глазах будущих поколений он будет считаться законным владельцем участка только в случае его покупки, т. к. веры всех соседних народов освящают право частной собственности. Но **Тора, признавая право частной собственности, требует от его владельца соблюдения узаконенных моральных требований.**

4. Рамбам в своей «Книге Мицвот», называемой «Заповедью добродетели», рассматривает вопросы т. н. «Золотого правила нравственности» и утверждает: «Тора требует вывести бедняка из бедности. Но пожертвования – это лишь кратковременные решения, чтобы спасти его от текущей нищеты. Надо научить его какой-либо профессии, которая ликвидирует его нищету, и он сам сможет помогать другим беднякам. **Собственность не должна использоваться для контроля над другими людьми,** и не только для личных нужд, а обязательно и для общего блага».

5. Галаха не боготворит понятие собственности и признает право ее ограничения по моральным или общественным интересам:

«Право собственности принимается как право ее использования, но не для власти над обществом». Из-за нравственной порочности многих людей иногда необходимо решительно воздействовать, но не на собственность владельца, которая ни в чем не виновата, а на ее владельца, который перестал соблюдать заповеди. Это совершенно необходимо для обеспечения справедливости в обществе. Собственность принадлежит владельцу, но если выясняется, что она добыта им или его предками нечестным путем, то дело должно быть передано в суд. Суд не должен допускать, чтобы владелец собственности защищал свое право на эту собственность идеалами Торы, если его моральные взгляды противоречат ее идеалам. Однако, из Танаха известно немало случаев, когда это справедливое правило в руках бесчестных чиновников приводило к преступлениям, например, с виноградником Навота, за что пророк Илия проклял царя Ахава (3 Ц., 21).

6. Специалисты по изучению Старого и Нового Заветов определяют в этих документах два подхода к пониманию сути человеческой жизни, условно называемых «Концепции Рая» и «Концепции Ада». Первую концепцию часто называют концепцией экономической свободы – не нужно заботиться о хлебе насущном, нет войн, болезней, климатических потрясений. Отсюда соответствующее отношение к труду, богатству, личному успеху, морали. Вторую концепцию часто называют реальной концепцией земной жизни – здесь необходимо много трудиться, нередко стихийные катастрофы, болезни, детей рожают в муках, растет уровень преступности. Поэтому в реальной жизни очень значимо происхождение, богатство, личный успех, должность и менее значимы моральные факторы.

Разноплановость концепций позволяет всем существующим идеологиям взять экономические идеи Библии под свои знамена, причем некоторые это делают с жесточайшим отрицанием библейских документов, например, коммунизм и либертаризм – философская система, считающая свободу главным принципом жизни и запрещающая применение силы или угрозы любому лицу или его имуществу.

7. Рамбама спросили: «Справедлива ли существующая система экономики?». Он отвечал: **Нет такой системы экономики, которая удовлетворила бы интересы всех людей.**

Люди грамотные, настойчивые, крепкого здоровья обычно добиваются экономических благ.

Люди безвольные справляются с этим хуже, но они обычно обвиняют в этом не себя, а систему.

Люди, жизнь которых пришлась на период войн, эпидемий, стихийных бедствий, семейных несчастий оказываются в сложном положении при любой экономической системе.

К несчастью, всегда есть жадные, эгоистичные собственники, стремящиеся нажиться за счет других людей, что еще больше осложняет положение честных тружеников при любой экономической системе.

Говоря о таких опасных собственниках, Рамбам часто вспоминал известный стих пророка Иереми (17–9): «Коварно сердце человеческое более всего и крайне порочно; кто распознает его?». В современной христианской книге о Иеремии этот стих трактуют так: «Люди по природе жадные, поэтому они используют свою собственность для бесчеловечного удовлетворения своей алчности. **Ничто не способно скрыть зло искуснее человеческого разума.** Но это не проблема собственности, а проблема реальной человеческой сущности – нежелания считаться с библейскими заповедями. Опыт показывает – отнять собственность у злого владельца намного легче, чем его перевоспитать». Что касается экономической системы Советского Союза, то в вышеуказанной книге она характеризуется так: «Социализм игнорирует библейское определение порочной человеческой сущности, и потому в нем не предусмотрены алчные владельцы корпораций. Но вместо них появляется целый класс партийных бюрократов, которые отравляют вашу жизнь откровенной несправедливостью. Они считают себя выше государственных законов и не сомневаются в справедливости создания двух систем жизни, одной для себя, а другой для остальных».

Трудно не согласиться с Рамбамом, что еще не было такой экономической системы, которая бы удовлетворила всех людей.

8. В Новом Завете очень часто благословляется нищета. Вспомним что ответил Христос богачу, захотевшему вечной жизни: «Продай что имеешь и раздай беднякам». Новый Завет полон подобных «откровений»:

- Блаженны нищие духом.
- Духовная нищета – необходимое условие для получения вечной жизни.
- Несправедливо пострадавшие семьи – самые любимые чада Бога.
- Скорей верблюд пройдет через игольное ушко, чем богач попадет в рай.
- Блаженны пренебрегающие материальными благами ради «хождения в духе».

Чем объяснить столь обильное славословие в честь бедняков? Несомненно, это обычный политический прием, не имеющий ничего общего с заботой о бедняках, составлявших в период создания Евангелий большинство населения. А заручиться его поддержкой за счет только словесных излияний было разумным ходом христианских властей. Но не будем углубляться в эту тематику. Она была поднята с единственной целью – подчеркнуть, что в иудаизме ничего подобного не было, и бедность всегда рассматривалась как нежелательное явление, которое семья не должна допускать.

9. Иудаизм диктует решать экономические проблемы с учетом моральных традиций еврейского народа, что типично и для еврейского законодательства. Этим объясняется, например, материальная помощь для вдов, сирот, бедняков, а также выполнение заповеди по экономическому обеспечению отпускаемых на волю рабов-евреев. Этим же объясняется очень важный закон – **в юбилейный год возвращать земельную собственность ее подлинному клану-владельцу**. Нередко это было спасением для тех семей, которые из-за сложных экономических условий были вынуждены продать свои земли другим кланам. Если продажа земли происходила внутри клана, то необходимые меры осуществляло его руководство. Основой этой традиции являлись слова Бога из 25-й главы Ваикра: «Земля принадлежит Мне и не может быть продана безвозвратно, т. к. она Моя, а вы у меня как поселенцы». Именно на эти слова опирался Джон Кеннеди, когда утверждал, что **«Права человека даны нам не щедростью государства, а Божьей дланью»**. Эти правила, очень полезные для широких народных масс, разделяются также Мишной и Талмудом, хотя в более осторожной трактовке. Необходимо особо

подчеркнуть, что законы юбилейного года – это подлинная реализация великого достижения Торы, обеспечение всем гражданам «Права выбора и Свободы воли». Для людей, загнанных в экономический капкан, эти права пустая формальность.

10. Французская революция 1789 г. провозгласила знаменитый лозунг «Свобода, Равенство и Братство всех людей». Некоторое время казалось, что эти идеи не противоречивы и взаимно согласованы, но вскоре выяснилось, что **Свобода и Равенство находятся в сложных отношениях, и нередко единственный способ достижения Равенства – это ограничение Свободы.** Также выяснилось, что главной причиной возникших противоречий являются экономические предпочтения разных групп населения. Правые выбирают Свободу. Их поддерживают более богатые и более грамотные, т. к. Свобода дает им и экономические, и административные преимущества. Левые настаивают на Равенстве. Их поддерживает большинство, но при этом неизбежно снижается жизненный уровень, а также растет беззаконие и властей, и народа.

Тора провозглашает равенство всех людей перед Богом. В древнегреческой философии освящено неравенство даже свободных людей, не говоря о рабах. Так, Платон (4 век до н. э.), создатель первого университета в Европе, предлагал разделить всех людей, в зависимости от их происхождения, знаний и способностей, на три группы – «золотых», «серебряных» и «бронзовых» и использовать их в государственном аппарате с учетом этого разделения. Его ученик Аристотель разделял граждан на две категории. Одной поручено управлять, другой выполнять приказы. Тора не согласна с таким подходом. Она выдвигает идею равного достоинства людей, поскольку все они сотворены Богом по Его образу и подобию и подчинены Его Верховной власти.

В отличие от Нового Завета, который считает материальные успехи угрозой нравственной самостоятельности и моральным ценностям, Тора не усматривает при этом неизбежного конфликта между богатством духовным и материальным. **Герои еврейского народа Авраам, Давид, Зерубавель, Яков, Иосиф, Исаак, Лот, Моше, Нехемия, Ной, Эзра были богаты и материально, и духовно.**

11. У Рамбама нет специального сочинения по экономике. Экономике он называл «Управление домашним хозяйством» – точный перевод оригинального греческого слова «Ойкомуниа». Частную собственность он считал божественным установлением и именно этой причиной объяснял покупку Авраамом земли для похорон Сарры. В его знаменитом труде «Мишне Тора», содержащем 14 разделов, последние четыре посвящены вопросам экономики в сочетании с гражданскими и судебными обязательствами. Это «Ущерб», «Имущество», «Законы» (финансовые) и «Суды». «Мишне Тора» – это первый полный кодекс еврейского Закона. Рамбам увидел, что спустя столетия после создания Талмуда многие испытывают трудности при его изучении по самым различным причинам, например, из-за неупорядоченного расположения тематики. Он решил создать новый всеобъемлющий, но простой и непротиворечивый кодекс. Фактически он создал энциклопедический справочник со строгим изложением решения всех вопросов, предусмотренных Законами иудаизма. Так, в вышеупомянутом разделе «Имущество» рассмотрены все способы оформления законного приобретения любой собственности, а также взаимоотношений с соседями, компаньонами и различными агентами. В разделе «Ущерб» приведены рекомендации Закона для возмещения потерь в случаях умышленного поджога, воровства, грабежа, телесных повреждений, убийства.

12. В «Мишне Тора» Рамбам впервые в истории сформулировал важное философское положение. **Он рассматривает Человека не как мифологическую структуру, а как эффективную силу, созданную для осуществления замысла Бога.** Именно поэтому Бог дал Человеку Разум. Человек постепенно увеличивает свои знания, что увеличивает его возможности воплотить божественный замысел. «Вот в чем истинный смысл жизни Человека». Такой подход имеет не только важное философское значение, он также важен применительно к задаче данной статьи – анализу экономических вопросов в библейской литературе. В самом деле, где больше всего сказывается прогресс человеческой цивилизации? Безусловно, в производстве новых типов товаров, новых видах энергии, новых товарно-денежных отношениях, в новых типах финансовых систем. Но почти все это осуществлено человечеством через многие века после

создания Старого и Нового Заветов. Однако, как показал современный французский экономист Тома Пикетти в своем капитальном труде «Капитал в XXI веке», многие экономические положения Торы сохранили свою силу и в наше время, например взаимосвязь между свободой и экономическим равенством.

13. **Согласно традиции, каждый еврей имел право на четыре локтя земли.** Локоть – это мера длины. В Торе, когда Бог консультирует Ноя по постройке Ковчега, Он оговаривает его габариты в локтях: длина 300, ширина 50, высота 35. Во время Второго Храма было два типа локтей – 40 и 48 см.

При рассмотрении вопроса земельной собственности необходимо отметить следующее:

- **Ограниченность права на частную земельную собственность, поскольку ее создателем и истинным владельцем является Бог.** Тем более это относится к общественной земельной собственности, которая, согласно Ветхому Завету, не является коллективной или даже государственной, как в наше время.
- Основная часть общественной земельной собственности не имеет частных владельцев – это, например, пустыни, реки, большие водоемы, благоустроенные дороги, даже если они принадлежат отдельным группам собственников, доступны для всех. Нет права собственности на прибрежные районы.
- В интересах общества допускается конфискация (с выплатой компенсации) любой частной собственности для строительства оборонных объектов, дорог, административных, религиозных, медицинских и торговых зданий. Также разрешается удаление с территории жилого массива вредных производств, например, дубления кожи, сопровождаемого неприятным запахом и опасностью инфекционных или паразитических заболеваний. Для полноты картины следует добавить, что жены дубильщиков кожи имели право подать на развод, если муж не хотел менять профессию. Об этом необычном для иудаизма правиле сообщает Ктубот Талмуда в разделе «Женщины».

14. Иудейской общине дано много прав, но на нее возложено немало обязанностей.

- Многократно подчеркивается ответственность родственников и колен друг за друга во всем, особенно при выкупе из плена, спасении от нищеты и постоянной помощи вдовам и сиротам.
- Община обязана строго контролировать систему мер и весов, а также цены на потребительские товары. Мерой массы у древних народов Ближнего Востока служил шекель, имеющий шумерское происхождение и равный в разные времена от 9 до 17 г. Стандартной «валютой библейских времен» являлся шекель из серебра массой 11,4 г. Наказания за умышленное использование неправильных мер было более суровым, чем за воровство. Рамбам объяснял это тем, что вор обворовывает лишь нескольких людей, а из-за фальшивых мер страдает множество людей. Тора рекомендует не хранить такие меры даже в своих домах
- Повсеместно принималась т. н. «Концепция введения в заблуждение» – запрещение превышения существующей цены более чем на 15%. Исключения допускались для специфических операций, например продажи земли, рабов, коммерческих документов, ювелирных изделий

В этом вопросе совершенно удивительной представляется деятельность Нехемии, который в 5-м веке до н. э. решением всенародного собрания освободил крестьян от долгового рабства и вернул им их наследственные наделы, а также запретил браки с язычниками.

15. Размер справедливой прибыли в разных документах колеблется от 8% до 100%. Столь существенное различие объясняется различием экономических условий в разных странах, ценностью товаров и особенно финансовым риском. Например, продавцам ювелирных изделий, привозимых из дальних стран, разрешалась прибыль в 100%. В основном при денежных ссудах фигурирует 20%, а на зерно – 30%. **Рамбам в «Мишне Тора» оценил нормальную прибыль величиной 17%. Выше ее – это сверхприбыль, справедливость которой требует обоснования.**

У всех древних народов Ближнего Востока существовала система займа и ссудного процента, позже получившая название ростовщичество.

В иудаизме в нее ввели очень важное изменение – ссуда между евреями должна быть беспроцентной, т. е. это помощь бедняку от более зажиточного соплеменника. Для ссуд неевреям ссудный процент разрешен (Исх. 22:25, Втор. 23:20). **Рамбам по этому вопросу сказал: «Тора запрещает ростовщичество между евреями, но не запрещает прибыль.** В случае спора о возвращении ссуды между евреями дело решается в местном суде, в случае спора с иностранцем вопрос усложняется, и риск потери ссуды увеличивается. Поэтому введение ссудного процента для этого случая справедливо». Следует подчеркнуть, что долгое время аналогичное положение было и христианском мире, но в 1139 г. Ватикан запретил христианам ростовщичество, и оно стало обычным занятием многих евреев. Это, с одной стороны, привело к созданию очень богатых еврейских семей, но одновременно нередко становилось причиной жестоких гонений, когда власть, не желая отдавать взятые ссуды, организовывала погромы. Враждебное отношение евреев к ссудному проценту в своей среде было повсеместным и решительным. Так пророк Иезекиль, ссылаясь на Тору, требовал смертной казни за такие занятия (Иез. 18:8–25, 22:12–15). Много осуждений высказали Исайя, Иеремия, Нехемия. В Талмуде есть указания о применении таких наказаний к особенно алчным ростовщикам-садистам.

Условия реальной жизни в разных странах нередко требовали прибегать к ухищрениям, чтобы, не нарушая принципов ТАНАХа, приспособиться к конкретной ситуации. Например, 15-процентный предел повышения цены можно было преодолеть так: продавец открыто объявлял свой товар более качественным и потому устанавливал более высокую цену. При этом «Концепция введения в заблуждение» теряла свою силу, и стороны переходили к договорным отношениям. От запрета ссудного процента законный способ уклонения состоял в создании партнерской фирмы еврея с иностранцем. При этом еврей заключал договора с иностранцами, а его партнер, свободный от выполнения законов иудаизма, с евреями.

16. Как ни удивительно, но несмотря жесточайшие гонения во всех странах, где живут евреи среди них очень высок процент очень богатых людей. Почему это происходит? Многие задумывались об этом. Одни, например, Мартин Лютер, Рихард Вагнер, Адольф Гитлер уверяли, что евреи наделены дьявольскими качествами, и потому призывали к их

физическому уничтожению. Другие возражали с разной степенью решительности. Так, Жан-Жак Руссо «по-разному» относившийся к евреям, но считавший себя честным человеком, в случае совершенно вздорных обвинений выступал в их защиту. Таким вздором он полагал все ритуальные процессы. Однажды в споре по этой теме он сказал распоясавшемуся антисемиту: «если бы тебя мучили, как евреев, ты бы действовал намного бессовестнее их». Уинстон Черчилль в ответ на упрек, что он не воюет с засильем евреев, отшутился знаменитой фразой: «А я не считаю, что они умней меня». Максим Горький говорил, что для христианина надежная моральная оценка – его отрицательное отношение к преследованию евреев, и сам был достойным примером в этом.

Но прекратим перечислять «кто за, а кто против», лучше выслушаем тех, кто действительно хочет понять, почему же в столь тяжелых условиях еврейские бизнесмены удачливее других. Весьма интересный анализ этого провел Давид Браун – украинский писатель грузинского происхождения. В своей нашумевшей книге «Моисей о менеджменте» он дал убедительный ответ на этот вопрос. **Прежде всего приведем подзаголовок к его книге: «Уроки лидерства от величайшего лидера всех времен».** Браун уверяет, что именно рекомендации Моше и последующих пророков наделили еврейских предпринимателей «оружием», которое в течение многих веков позволяет им успешно вести дела. Что же это за «оружие»? И сам Браун, и другие авторы книг на эту тему насчитали 67 «золотых правил» еврейского бизнеса. **Вот некоторые образцы этого «оружия»:**

- Пусть имущество ваших собратьев будет Вам так же дорого, как собственное.
- Держись подальше от плохих людей.
- Работай пока горит свеча.
- В трудные времена помогай труженикам.
- Всегда приветствуйте другого человека.
- Никогда никого не оскорбляйте.
- Обязательно платите работникам вовремя.
- Наниматель должен знать, как живут его работники.
- Обязательно планируйте свою жизнь и каждый ее день.

Как видим, в этих «золотых правилах» нет ничего неизвестного, ничего изощренного, все они напрямую вытекают из идеологической сущности Декалога, что в очередной раз показывает его величие.

17. Согласно еврейскому праву, личность является собственником, если она владеет собственностью неограниченное время. Это снижает риск потери наследственного имущества, если его пришлось продать из-за временной нищеты. Собственник земли обязан пользоваться ею так, чтобы не мешать соседям пользоваться своим имуществом, а в ряде оговоренных законом случаев обязан позволять другим пользоваться его землей. Наиболее известный случай такого рода – пожар у соседей. За 35 веков еврейской жизни оговорена масса конкретных случаев, например, соседское дерево (особенно фруктовое) над твоей землей, потерян кошелек в магазине, найден клад на чужом поле, проезжий транспорт нанес увечье чужому скоту или ущерб имуществу и т. п.

Лицо считается потерявшим свою собственность, если оно не имеет фактической надежды на ее использование. Примеры такого рода – серьезная болезнь, пропажа имущества в результате кражи, пожара, климатических бедствий, военных разрушений. Строгая оговоренность этих условий важна для корректировки взимаемых налогов. Подобная оговоренность есть и в современном Израиле. Так, Государство выплачивает различные суммы компенсаций пострадавшим в случае войны или военной операции. Видимо, по этой причине уже много лет Израиль не ведет войн, а только военные операции.

В западных странах в течение многих веков евреи не имели права владеть землей, служить в армии, работать судьями, давать свидетельские показания против христиан. В настоящее время во всех западных странах нет специальных законов по отношению к евреям. Во многих мусульманских странах такие законы есть и поныне. Так, у наших соседей на севере, западе и востоке за продажу земли евреям предусмотрена смертная казнь.

18. Проанализируем рассмотренный материал. Основное внимание сосредоточим на двух вопросах. Первый – соответствие экономических положений иудаизма условиям реальной жизни в Древней Иудее и их актуальность в настоящее время. Второй – оценка моральной стороны этих положений.

Вышеупомянутый Тома Пикетти убедительно показал, что одним из определяющих факторов любой экономической системы является соотношение личной свободы и экономического равенства. На начальном этапе человеческой истории, когда еще не было частной собственности, все члены племени были сравнительно равноправны. Но постепенно руководители племен, различные активные и алчные члены племени под разными, внешне обоснованными причинами, сумели добиться более выгодного для себя распределения благ. Теперь они уже могли «помогать» беднякам и многих закабалить. Чтобы расплатиться с долгами, еще недавно свободный и равноправный гражданин нередко продавал себя в рабство. Таким образом, потеря экономического равенства неизбежно ведет к потере личной свободы. Большим достижением Торы было то, что в отличие от законов многих других народов, в ней рабство ограничено определенным сроком. Пикетти пишет, что в Торе нет развернутого анализа этой проблемы, но внимательное чтение показывает, что в ней полное понимание этой проблемы и даны весьма эффективные предложения для преодоления вредных последствий этого процесса. А логическим завершением чрезмерного экономического расслоения населения страны является ее неспособность защититься от агрессивных соседей. Хотя это не входит в тему данной статьи, но целесообразно отметить, что Пикетти убедительно обвиняет современный капитализм в неразумном увеличении экономического неравенства между людьми и считает, что, если не принять нужных мер, то капитализм погибнет. Поэтому СМИ нередко называют его «новым Карлом Марксом». Но Пикетти, в отличие от Маркса, верит в реальность мирного решения этого острого конфликта и предложил для всеобщего обсуждения ряд конкретных мер.

Ярким доказательством эффективности положений Торы для решения экономических проблем является деятельность Нехемии – одного из величайших руководителей в истории еврейского народа. Он родился в Вавилоне в 473 г. до н. э., куда в качестве пленников попали его предки, и никогда не был в Иерусалиме. Но, будучи подлинным патриотом, очень страдал от унижительного положения Иудеи, где многие евреи, особенно из местной элиты, перестали говорить на иврите, изучать Тору и женились на иностранках. Несмотря на то, что Нехемия фактически был

влиятельным советником у персидского царя Артаксеркса, он просил отпустить его в разоренную Иудею. Царь разрешил отъезд. Одни историки считают, что это вытекало из политики предыдущих персидских властителей Кира и Дария, весьма справедливой по отношению к евреям, другие полагают, что он ожидал от действий Нехемии **улучшения экономики Иудеи и увеличения налоговых взносов в персидскую казну**. В 445 г. до н. э. Нехемия отправился в Иерусалим с бесценной царской грамотой, обязывающей командира персидского военного гарнизона оказывать ему необходимую помощь. К чести Нехемии следует сказать, что он проявил себя не только как великий трибун и организатор, но и как опытный дипломат. Он ни разу не обращался к персам за военной помощью. Согласно легенде, в споре со своим злейшим противником (сыном первосвященника) он сказал: «Я приехал, чтобы Иерусалим вернулся к Торе, и добьюсь этого. Будет лучше, если мы сами решим этот вопрос, чем поручить его решение иностранным войскам». Поскольку соперник не уступал, Нехемия выслал его из Страны. Первым делом Нехемия решил построить вокруг города защитную стену, разрушенную еще в 586 г. до н. э., что позволяло бандам агрессивных соседей безнаказанно грабить жителей. Нехемия увлек людей этой всем понятной проблемой и прекрасно подготовил ее решение. Стена была построена за 52 дня. Имена всех активных строителей он назвал в своей книге, и они навечно вошли в ТАНАХ. Естественно, они стали его верными сторонниками. После этого он приступил к решению острейших социальных проблем. На открытом всенародном собрании он заставил всех принести клятву, восстанавливающую законы Моисея о Юбилейных годах и запрете брать ссудный процент с соплеменников. При этом крестьянам возвращались их наследственные наделы, а многим людям, особенно вдовам и сиротам, их личное имущество, сданное в залог. Понятно, что народ практически единодушно поддержал это. Поддержали это и левиты, поскольку планы Нехемии предусматривали обязательное соблюдение субботы, поддержку Храма и его служителей. Прежняя элита решила не раскрывать свои планы и также прилюдно присоединилась к клятве. Одновременно ряд положений Торы были введены в гражданское законодательство. В данном случае это было совершенно правильно, т. к. отвечало чаяниям народа, мечтавшего о возрождении

родной страны и национальном единстве. Нехемия понимал, что элита, за счет которой проведены реформы, не сдалась и готовится к новым сражениям, а он мечтает продолжать необходимые реформы. Чтобы продолжать их, а также продемонстрировать честность своих намерений, он решился на шаг, весьма редкий в истории человечества. Он и его руководящий аппарат добровольно отказались от финансовых благ, положенных им по действующему закону. А полученные средства отправили в Вавилон для выкупа евреев-рабов, находящихся в частном владении. За сто лет до этого Кир, победивший Ассирию, разрешил вернуться в Иудею евреям, которые были пленниками государства, но это не относилось к тем, кто были рабами частных владельцев. Теперь все могли вернуться, и авторитет Нехемии стал неоспорим. Элита, понимая, что отстранить Нехемию от власти она не сможет, пошла на предательский сговор с агрессивными соседями Самарией и Аммоном и они завалили персидского царя доносами о планах Нехемии поднять восстание. Царь вызвал Нехемию, который уверенно заявил, что улучшение экономики Иудеи полезно и Иудее, и Персии. Он вернулся в Иерусалим и продолжал свою работу.

Нехемия умер в 403 г. до н. э. Через 80 лет в страну вошли войска Александра Македонского, который отметил крепость экономики и административного аппарата. Это было доброе наследство Нехемии.

Заметную помощь в создании необходимой моральной обстановки для успеха в этой борьбе оказывали страстные выступления пророков против злоупотреблений властью имущих. Классическим примером является призыв Исаяи: «Горе вам, приобретающим дом за домом, поле за полем, разоряющим других людей, как будто вы только одни и поселены на земле» (Ис.5:8). Эти решительные слова сказаны еще за 750 лет до н. э. Рамбам, проживавший в мусульманском Египте, должен был действовать осторожнее, обращаясь к соплеменникам, он призывал: «Поступайте как Авраам, отдавайте другим должное, тебе все равно достанется то, что предназначил Бог, люби свою работу, презирай барство, помогай тем, кто в этом нуждается». Однажды Рамбам сказал в разговоре с умелым бизнесменом: «Бог именно тебя наградил предпринимательским талантом, потому что знал твои добрые намерения. Ты расширил производство, создал хорошие условия для жизни своей семьи, платишь хорошую плату

рабочим, помогаешь синагогам и нуждающемуся. Ты настоящий бизнесмен, расширай свое производство, и Бог тебе будет и дальше помогать!»

Не будем особенно увлекаться этой фразой, но отметим, на что Рамбам нацеливает бизнесменов.

Пророки и мудрецы Талмуда жили не за счет преподавания ТАНАХа, а за работу по обычным житейским профессиям, поскольку Тора запрещает жить на средства других людей. Так, великий Гилель (а это человек, чьи знаменитые слова «Не делай другому того, чего не желал бы, чтобы делали тебе» Национальный Конвент Франции ввел в Декларацию Прав Человека и Гражданина 1793 г.), работал сборщиком дров и был весьма беден, но очень уважаем всеми евреями и многими язычниками за огромные знания и добросердечный характер.

Проведенный анализ показывает, что экономические принципы Галахи, т. е. свод соответствующих законов ТАНАХа и Талмуда и последующих раввинатских документов, опирающийся на моральные заповеди Декалога, в древние времена служил реальным инструментом для снижения социального расслоения в странах, ориентированных на примат Торы. И в настоящее время эти принципы сохранили свое значение, хотя и в более слабой степени. Это вызвано громадными социальными и технологическими изменениями в жизни человечества и снижением роли религии. Но мы не будем забывать, что **великие достижения цивилизации – равенство всех перед законом, государственная помощь вдовам, сиротам, малоимущим – это не выдумка современных доброхотов, а реализация принципов, провозглашенных Торой еще 33 века назад.**

Литература

1. Википедия.
2. Еврейская энциклопедия. Изд. «Брокгауз-Эфрон» – СПб, 1890.
3. Лебединский П. М. «Краткий курс истории древнееврейского законодательства от Моисея до Рамбама». Изд. Стасюлевича М. М. – СПб, 1901 (Интернет).
4. Краткая еврейская энциклопедия. Издательства «Кетер» и «Общество по исследованию еврейских общин». Иерусалим, 1976.
5. «850-летие Маймонида». Изд. «Курьер Юнеско» №10, Париж, 1986

- (Интернет).
6. Павловский А. И. «Популярный библейский словарь». М., Панаорама, 1994.
 7. Хайнц Маркштейн. «Второй Моисей. Деяния Маймонида». М., Присцельс, 2000 (Интернет).
 8. Журавлева И. А., Лукашевич А. А. «Иеремия». М, Православная энциклопедия, т. 21, 2009.
 9. Рабби Моше бен Маймон. «Мишне Тора. Книга Знаний». М., «Лехаим», 2010.
 10. Лопухин А. П. «Законодательство Моисея». М, Рипол классик, 2013 (Интернет).
 11. Тома Пикетти. «Капитал в XXI веке». М., Ад маргинем пресс, 2015.
 12. Тищенко С. В. «Нехемия». М., Православная энциклопедия, т. 48, 2017.
 13. Абрамович М. Л. «Бизнес по-еврейски. 67 «золотых правил». Ростов н/Д., Феникс, 2018.
 14. Давид Браун. «Моисей о менеджменте». М., Книжники, 2020

Анатолий Анимица

Как мы решали задачу по физике с Chat GPT

[13:05, 29.06.2023] Анатолий Анимица:

Привет. Если уронить гвоздь 100 мм с высоты 10000 м, какая скорость будет у земли?

GPT Chat bot:

Привет! Если ты уронишь гвоздь с высоты 10000 метров, его скорость при столкновении с землей будет равна приблизительно 446 м/с (метров в секунду). Это значение можно получить, используя формулу для **расчета** скорости падения свободного тела в вакууме.

Анатолий Анимица:

Это ты очень просто считаешь. Давление воздуха у земли 100 кПа, учти это

GPT Chat bot:

Ты прав, изначально я не учел влияние давления воздуха. Падающее тело будет взаимодействовать с воздухом и создавать сопротивление. С учетом этого фактора, скорость гвоздя при столкновении с землей может быть ниже, чем ранее указанная величина. Точный расчет скорости с учетом давления воздуха может быть сложным и зависит от многих факторов, таких как форма и размер гвоздя, его аэродинамические свойства и даже погодные условия.

Анатолий Анимица:

Не сачкуй, посчитай по Навье-Стоксу, как положено.

GPT Chat bot:

Извини, но я должен сказать, что я не могу проводить сложные математические расчеты в режиме реального времени. Однако, я могу

дать общую идею о том, как давление воздуха может влиять на падение тела.

Для точного расчета скорости падения гвоздя с учетом давления воздуха необходимо применить уравнения Навье-Стокса, которые описывают движение жидкости или газа. Эти уравнения являются дифференциальными и требуют сложных численных методов для решения.

В данном случае, учитывая размер и форму гвоздя, его плотность и другие параметры, можно было бы примерно оценить влияние давления воздуха на падение. Однако, это все равно был бы приближенный результат. Если точная информация необходима, рекомендуется провести более сложные расчеты при помощи специализированного программного обеспечения или обратиться к физикам или инженерам, занимающимся аэродинамикой.

Анатолий Анимица:

Ты не даешь ответ, а берешь деньги токенами, верни токены, хавящик.

GPT Chat bot:

Извини за возможное недопонимание, но я не касаюсь финансовых вопросов и не беру деньги за свои ответы. Я здесь, чтобы помочь и предоставить информацию на основе моих способностей. Если у тебя есть еще какие-либо вопросы, я с радостью постараюсь на них ответить.

Анатолий Анимица:

Да скажи хозяевам, пусть вернут мои токены, иначе всем расскажу, что вы жулики.

GPT Chat bot:

Я всего лишь виртуальный помощник и не имею возможности передавать информацию или действовать от имени компании. Если у тебя есть вопросы или проблемы в отношении токенов или финансовых вопросов, рекомендую обратиться непосредственно к команде поддержки или

администрации соответствующей платформы. Они смогут помочь тебе разрешить твои вопросы и предоставить нужную информацию.

Анатолий Анимица:

Дай связь с компанией.

GPT Chat bot:

К сожалению, я не имею возможности предоставить тебе контактную информацию компании. Я всего лишь искусственный интеллект, созданный для предоставления информации и помощи. Если у тебя возникли проблемы или вопросы относительно компании, рекомендую обратиться к их официальному сайту, где должна быть доступна контактная информация или форма для связи с ними.

Об авторах, художниках и редакторах

Эйтан Адам. Родился в Ленинграде в семье литераторов-шестидесятников. С 15 лет живет в Израиле. Ветеран 1-ой Ливанской войны, пехотный санинструктор, в рядах бригады «Голани» дошел до Бейрута.

Математик и программист, учился в Технионе и в университете имени Бен-Гуриона, около 30 лет проработал в израильском хай-теке. Изучал биоинформатику в Колледже менеджмента. Изучал герменевтику и культурологию в магистратуре университета имени Бар-Илана. Ученик Центра изучения Каббалы.

Регулярно читает лекции по истории и литературе в Доме ученых Хайфы и в Клубе книголюбов. Пишет стихи, прозу, статьи, пьесы. Призер Международных конкурсов драматургии «Весь мир – театр. Новое слово для сцены» в 2021 г., пьеса «Неброское наследство», и в 2022 г., пьеса «После любви». Автор романа «Апостолы державы дураков» (Израиль, 2023). Ведет свой канал:

https://www.youtube.com/@Eytan_Adam .

Анатолий Анимица. Родился в 1947 году в греческом селе Кременевка возле Мариуполя (Донецкая область, Украина). В 1970 году закончил МИИТ (Москва). Инженер по вычислительной технике. Программист, электроник, экономист, изобретатель, яхтсмен.

Вениамин Арцис. Родился в Москве в 1930 г. После окончания химического института в 1953 г. работал в оборонной промышленности. В 1972 защитил кандидатскую диссертацию. Более 40 лет был членом общества «Знания» и прочитал около 1000 лекций на различные темы. В 1995 г., уже будучи пенсионером, приехал «как турист» в Израиль к детям, репатрировавшимся ранее, и остался на ПМЖ. В Израиле продолжал лекционную работу в рамках Дома ученых Хайфы. Является руководителем Дискуссионного Клуба. Выпустил два сбор-

ника стихов.

Диана Беребицкая. Родилась в Харькове. Окончила Харьковский институт искусств, работала в Харьковском лицее искусств, а с 1992-го года в Израиле: пианисткой, педагогом, организатором и дирижером оркестра, руководителем детской театральной студии. Стихосложением занимается всю жизнь. Печаталась и выступала в России, Украине, Германии, Чехии, Израиле.

Арина Браги. Живет в Денвере, США. Нейробиолог и профессор Metropolitan State University of Denver.

Закончила МФТИ и аспирантуру NYU, защитилась в Институте Физиологии им. Богомольца в Киеве. Занимается писательским мастерством в Литературной мастерской CWS у Ольги Славниковой и Школе BAND у Дениса Гуцко. Печаталась в Литературном журнале «ОЧЕВИДЕЦ» и сборнике «Дебют 2022». Ведет страничку:

дет страничку:

<https://proza.ru/avtor/arinabragi>Браги .

Алла Герценштейн. Родилась в Ленинграде в семье директора театра и студентки Театрального института. Пережила блокаду и гибель матери, была в детском доме вплоть до снятия блокады в 1944 году. Закончила Ленинградский университет (французское отделение, специальность – романская филология). Будучи студенткой, опубликовала перевод «Сказки о Розе» Пьера Гамарра. Всю жизнь преподавала французский. До эмиграции в Канаду находилась десять лет в «отказе». Живет в Канаде.

Борис Годин. Родился в Харькове в 1950 году. Окончил харьковскую физико-математическую школу №27, вечернее отделение ХПИ, машиностроительный факультет. Профессия: инженер-механик. Совершил Алию в Израиль 26.03.1993. В Израиле работал по специальности. С 2016 года доброволец в Яд ва-Шем.

[Михаил Левин]. Поэт, художник. Родом из Москвы. В Израиле с 1993 года. Публикации в периодических изданиях Израиля и России. Автор книг стихов «Камень преткновения» (1999) и «Голоса» (2017). Член АРΙΑ – Международного союза литераторов и журналистов. Умер 3.8.2023.

Ирина Лир. Член Союза русскоязычных писателей Израиля. Автор художественных рассказов, мемуаров и соавтор четырехязычного словаря «Растения Израиля». Мастер нейролингвистического программирования. Хобби – художественная керамика. По основной специальности – химик-технолог в области биомедицинских полимерных материалов. Доктор технических наук. 56 научных публикаций и патентов. Репатриировалась из Москвы в апреле 1991 года. Выпускница Московского химико-технологического института им. Д. И. Менделеева. В Москве работала в Институте медицинской техники, в Израиле – в Израильском технологическом институте Технион, в хай-теке и в химической промышленности. Живет в Хайфе.

[Жан-Клод Паскаль] (наст. фамилия **Вильмино**, 1927–1992). Французский актер театра и кино, певец и писатель. Один из самых популярных киноартистов в 1950–60 годах. Он снялся в более чем 50 фильмах во Франции, Италии и Испании. В 1970-х годах активно снимался в телесериалах в Швейцарии: «Время жить, время любить», «Хирург из Сен-Шада», «Как не выйти замуж за миллионера». Начиная с 1955 года стал исполнять песни своих друзей Жильбера Беко и Жака Бреля, а также Сержа Гинзбурга. Он издал 53 альбома пластинок и до 1983 года был «посланником» французской песни за рубежом.

В 1986 году Ж.-К. Паскаль опубликовал автобиографическую книгу «Красивая маска», ряд других книг, а затем два исторических

исследования «Проклятая королева» в 1988 году (о Марии Стюарт) и «Любовник короля» в 1991 году (о Людовике XIII).

Алика Розенбаум. Родилась в 2009 г. в Кфар-Саве (Израиль). Очень любит рисовать. А также около пяти лет профессионально занимается танцами.

Марина Симкина. Большую часть жизни прожила в Ленинграде/Петербурге и уже много лет – в Израиле, в Хайфе. Инженер и учитель математики. Публикации в альманахах и периодических изданиях Израиля, России и других стран. Поэт, прозаик, редактор, руководитель хайфской литературной студии «Анахну» (в переводе с иврита – «Мы»). Автор книги стихов «Некоторый возраст». Ведет YOUTUBE-канал Студии «АНАХНУ» и Дома ученых Хайфы:

<https://www.youtube.com/@marinasimkin3157> .

Екатерина Смеркис. Родилась в 1980 году 20 марта в городе корабелов и белых акаций Николаеве. Закончила (хоть и не сразу, а с большим перерывом) НГУ им. В. Сухомлинского, филологический факультет. Имеет диплом учителя языка и литературы, хотя преподавала только в старших классах на практике. Перед отъездом в Израиль («военная алия») работала в магазине книг, учебников и канцелярских товаров, до этого – копирайтером, писала продающие статьи и новости на заказ. Публиковалась в общегородских сборниках поэзии, альманахе «Магнолия» (С-Петербург), альманахе «Витражи» николаевского ЛИТО «Заря».

Ася Терехова. Родилась в Киеве в 2008 г. В возрасте 10 лет репатрировалась в Израиль. Живет в Кфар Саве. Учится вокалу и игре на гитаре. Очень любит животных, и животные любят ее.

Мария Фердман. Техник-технолог. В Израиле с 1991 года. Автор книг «А звезды нам светят одни и те же», 1998 (стихи) и «Я пою колыбельную маме», 2018 (стихи и рассказы). Публикации в периодических изданиях Израиля, России, Германии, США. Член СРПИ и АРІА – международного союза литераторов и журналистов.

Галерея (((СОНАР)))

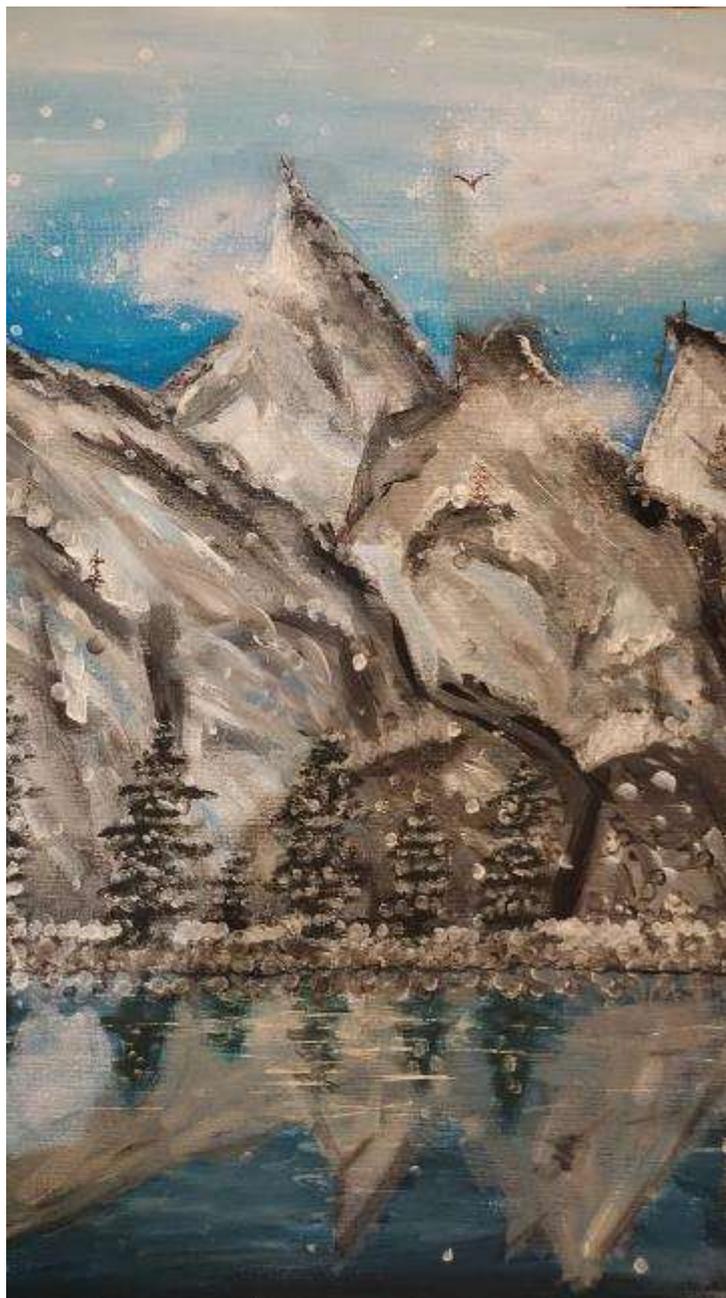
Алика Розенбаум

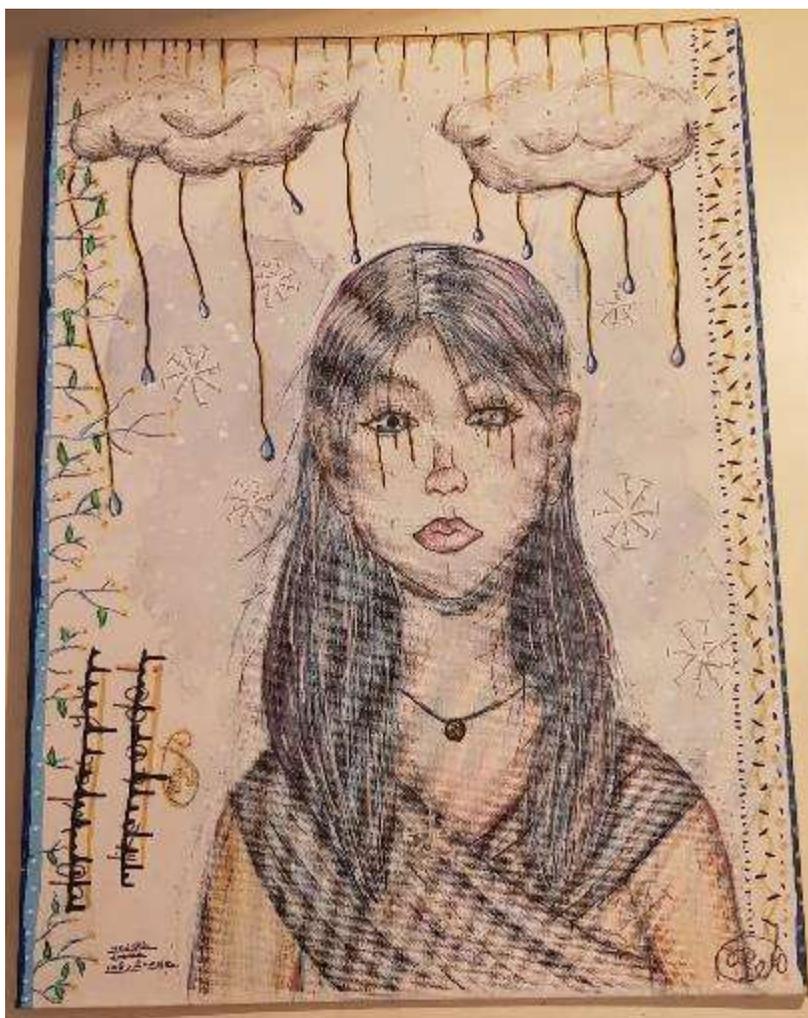
Ты поймешь без слов. 12 лет. Холст, гуашь.

Люди в красках. 13 лет. Холст, маркеры Posca.

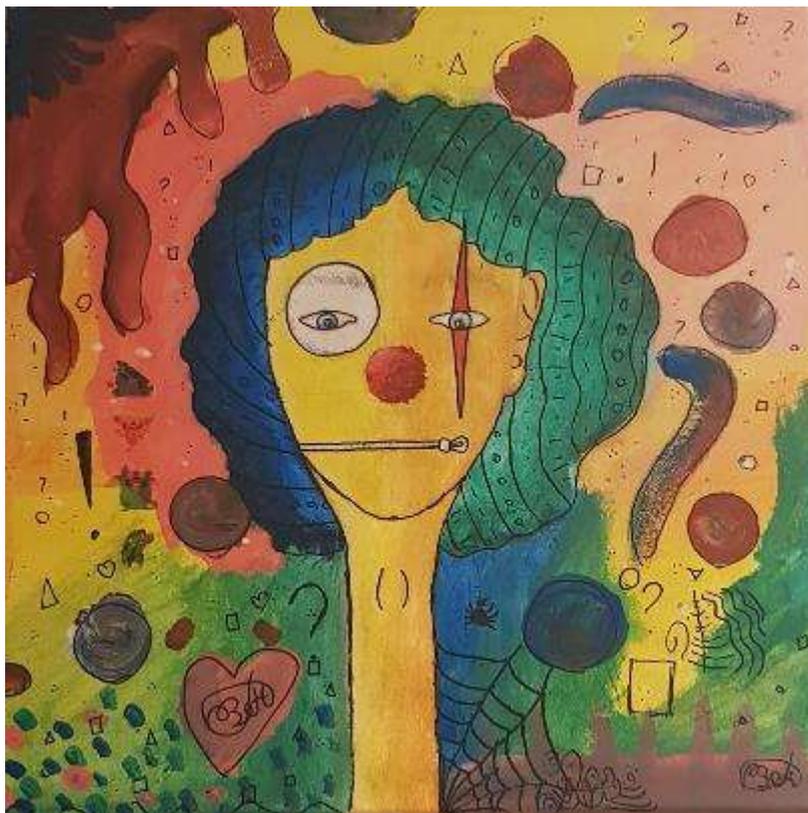
Горы. 12 лет. Холст, гуашь.

Невидимка. 13 лет. Холст, карандаши, фломастеры, гуашь.

Пластическая операция. 13 лет. Холст, карандаши, фломастеры.

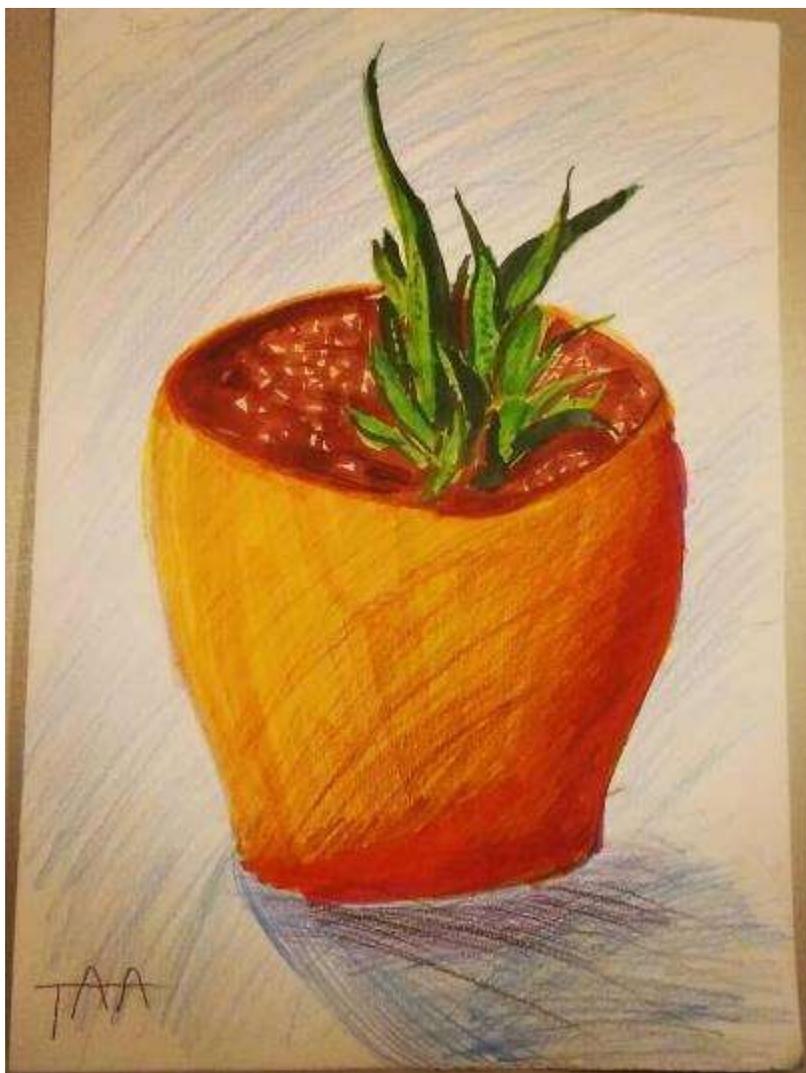

Шизофрения. 11 лет. Холст, фломастеры, гуашь.

Амстердам. 13 лет. Бумага, карандаш, ручка, акварель.

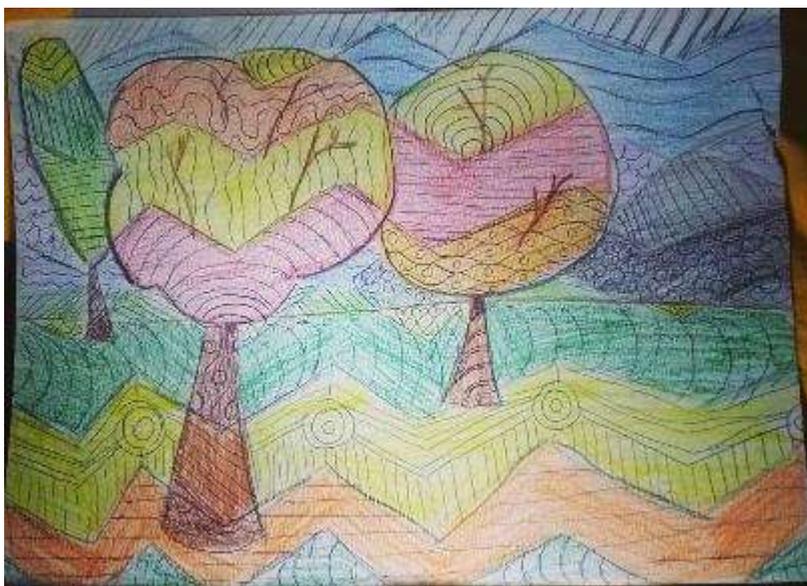
Ася Терехова

Комнатное растение. 13 лет. Бумага, маркеры карандаши.

Таинственный лес. 13 лет. Бумага, гуашь.

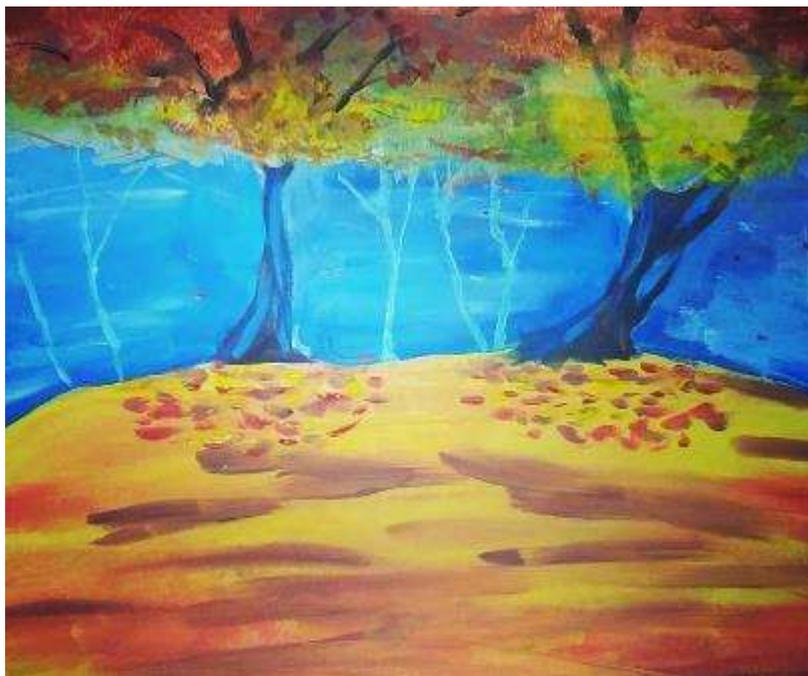
Неразбериха. 14 лет. Бумага, карандаши, цветные ручки.

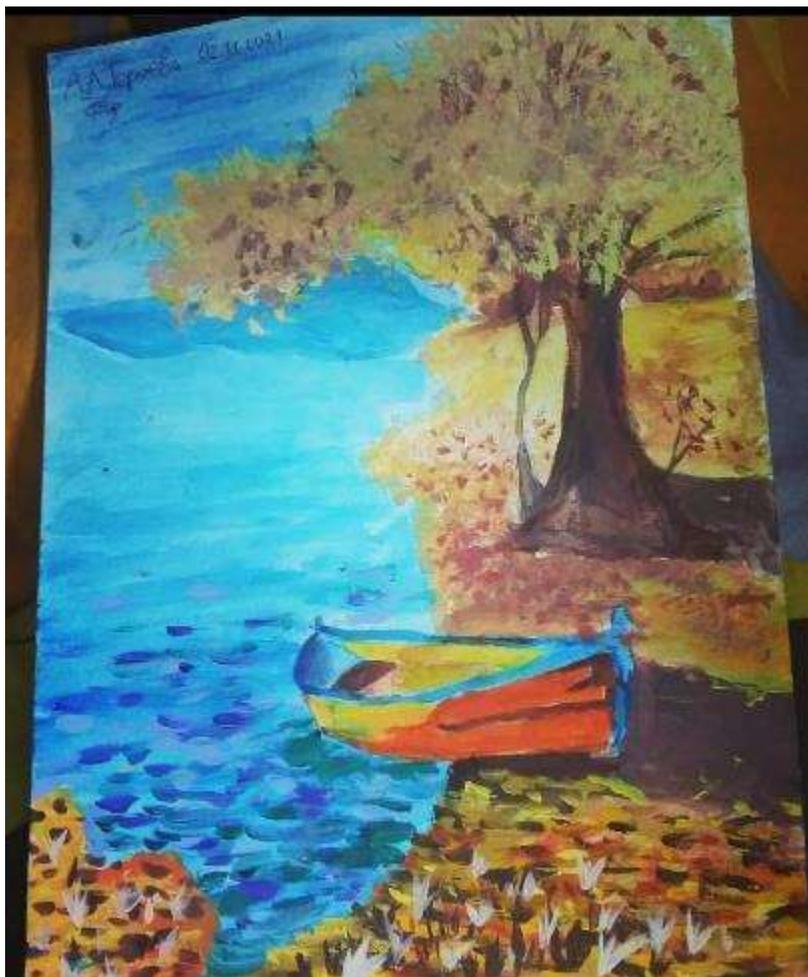
Ветвь. 14 лет. Бумага, карандаши.

Хеллоин. 14 лет. Бумага, карандаши.

Осень. 14 лет. Холст, гуашь.

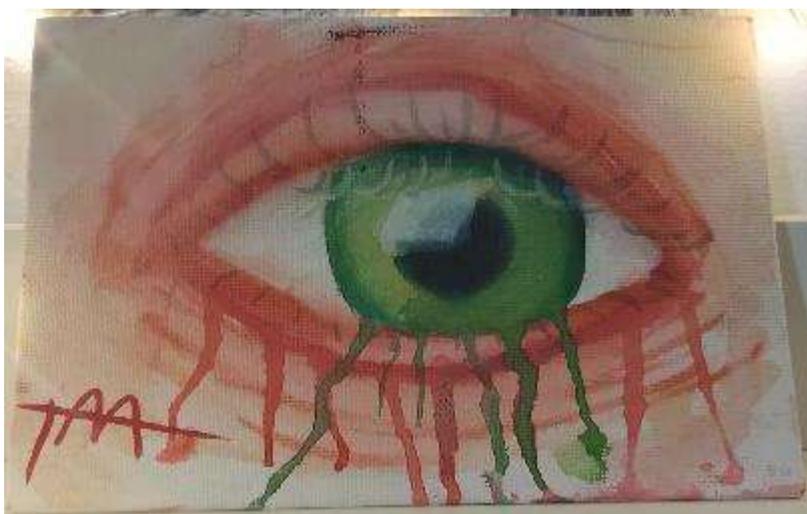
Причал. 14 лет. Бумага, гуашь.

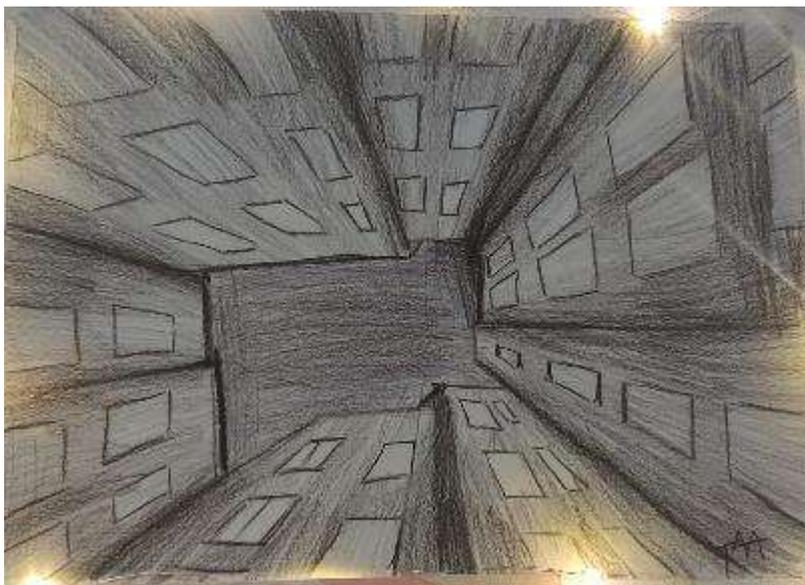
Раздвоение личности и ваза.

Мое «я». 15 лет. Картон, карандаш, маркеры.

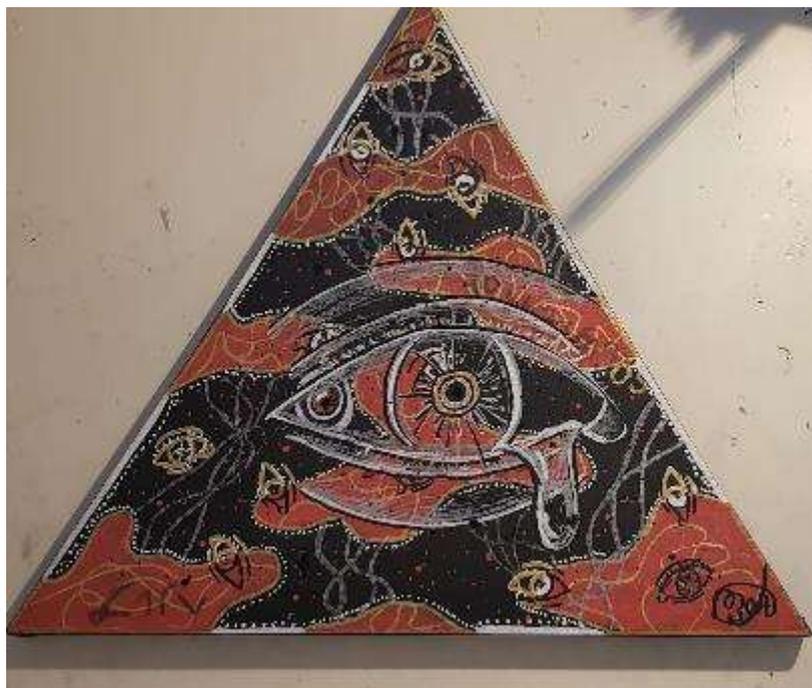
Глаз. 15 лет. Холст, маркеры/вода.

Двор-колодец. Бумага, черный карандаш.

В открытом космосе. Триптих. 15 лет. Картон, гуашь.

Алика Розенбаум. Автопортрет

Литературно-публицистический журнал

(((СОНАР))) № 10, 2023 г.

Редакция СОНАР, Хайфа, Израиль